

ТОМ 12, № 1, 2026

eISSN 2414-1143

РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Научный альманах стран Причерноморья

Социальная и политическая философия / Философская антропология,
философия культуры / Религиоведение / Теория и история культуры /
Научная жизнь / Наследие прошлого: кавказоведение

www.science-almanac.ru

DOI: 10.23947/2414-1143

Научный альманах стран Причерноморья

Рецензируемый теоретический и научно-практический журнал

eISSN 2414–1143

Издается с 2015 года

Периодичность – 4 выпуска в год

DOI: 10.23947/2414-1143

Учредитель и издатель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донской государственный технический университет» (ДГТУ), г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в котором должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (Перечень ВАК) по следующим научным специальностям:

5.7.7 – Социальная философия (философские науки)

5.7.8 – Философская антропология, философия культуры (философские науки)

5.7.9 – Философия религии и религиоведение (философские науки)

5.10.1 – Теория и история культуры (культурология)

<i>Регистрация:</i>	Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС 77 –61316 от 07 апреля 2015 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
<i>Индексация и архивация:</i>	РИНЦ, CyberLeninka, EBSCO (Academic Search Ultimate Magazines and Journal, OAJI, ISI, ULRICHSWEB Global Serials Directory, Advanced Science Index (ASI), Turkish Education Index. Данные об издании доступны в каталогах научной информации: Google Scholar, OCLC WorldCat, Socionet, Bielefeld Academic Search Engine (BASE), Registry of Open Access Repositories (ROAR), Open Access Infrastructure for Research in Europe (OpenAIRE), Research Papers in Economics (RePEc), EBSCO A-to-Z
<i>Сайт:</i>	http://science-almanac.ru
<i>Адрес редакции:</i>	344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1
<i>E-mail:</i>	science-almanac@mail.ru
<i>Телефон:</i>	+ 7 (908) 506–19–06
<i>Дата выхода</i>	30.03.2026
<i>№ 1, 2026 в свет:</i>	

Science Almanac of Black Sea Region Countries

Peer-reviewed theoretical and scientific-practical journal

eISSN 2414–1143

Published since 2015

Periodicity – 4 issues per year

DOI: 10.23947/2414-1143

Founder and Publisher – Don State Technical University (DSTU), Rostov-on-Don, Russian Federation

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Science (Ph.D.), for the degree of Doctor of Science (Ph.D. (Advanced Doctorate)) (List of State Commission for Academic Degrees and Titles) in the following scientific specialties should be published:

- Social philosophy (philosophical sciences)
- Philosophical anthropology, philosophy of culture (philosophical sciences)
- Philosophy of religion and religious studies (philosophical sciences)
- Theory and history of culture (culturology)

Registration:

Mass media registration certificate ЭЛ № ФЦ 77 – 61316 dated April 7, 2015 issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media

Indexing and Archiving:

RSCI, CyberLeninka, Indexed by international databases: EBSCO (Academic Search Ultimate Magazines and Journal, OAJI, ISI, ULRICHSWEB Global Serials Directory, Advanced Science Index (ASI), Turkish Education Index. Edition data available in scientific information catalogs: Google Scholar, OCLC WorldCat, Socionet, Bielefeld Academic Search Engine (BASE), Registry of Open Access Repositories (ROAR), Open Access Infrastructure for Research in Europe (OpenAIRE), Research Papers in Economics (RePEc), EBSCO A-to-Z

Website:

<http://science-almanac.ru>

Address

1, Gagarin sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation

of the Editorial Office:

E-mail:

science-almanac@mail.ru

Telephone:

+7 (863) 273–86–63

Date of publication

30.03.2026

No. 1, 2026:

Редакционный совет

Месхи Бесарион Чохоевич, доктор технических наук, профессор, главный редактор, Донской государственной технической университет (ДГТУ) (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Анди Пушкэ, доктор экономических наук, профессор, Университет «Данубиус» (Галац, Румыния);

Буриан Александр Дмитриевич, доктор юридических наук, профессор, Институт стратегических исследований Европейского университета Молдовы (Кишинев, Молдова);

Квеситадзе Гиорги, доктор биологических наук, профессор, Национальная академия наук Грузии (Тбилиси, Грузия);

Метревели Роин Викторович, доктор исторических наук, профессор, Национальная академия наук Грузии (Тбилиси, Грузия);

Несмеянов Евгений Ефимович, доктор философских наук, профессор, первый заместитель главного редактора, Донской государственной технической университет (ДГТУ) (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Узнародов Игорь Миронович, доктор исторических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ) (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Яблоков Игорь Николаевич, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация).

Редакционная коллегия

Акаев Вахит Хумидович, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН (Грозный, Российская Федерация);

Амонашвили Шалва Александрович, доктор психологических наук, профессор, Московский городской педагогический университет (Москва, Российская Федерация);

Балабанов Виктор Иванович, доктор технических наук, профессор, Российский государственный аграрный университет – МСХА им. К.А. Тимирязева (Москва, Российская Федерация);

Гончаров Вадим Николаевич, доктор философских наук, профессор, Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь, Российская Федерация);

Гуриева Лира Константиновна, доктор экономических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Владикавказский филиал) (Владикавказ, Российская Федерация);

Дудайти Альберт Константинович, доктор исторических наук, профессор, Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова (Владикавказ, Российская Федерация);

Иванов Александр Гаврилович, доктор исторических наук, профессор, Кубанский государственный университет (Краснодар, Российская Федерация);

Камалова Ольга Николаевна, кандидат философских наук, доцент, Ростовский государственный медицинский университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Кожевников Сергей Борисович, доктор философских наук, профессор, Московский городской педагогический университет (Москва, Российская Федерация);

Мустафаева Маида Ганифаевна, доктор философских наук, профессор, Дагестанский государственный педагогический университет (Махачкала, Российская Федерация);

Оленич Тамара Станиславовна, доктор философских наук, профессор, Донской государственной технической университет (ДГТУ) (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Силагадзе Автандил, доктор экономических наук, профессор, Тбилисский государственный университет им. Иванэ Джавахишвили (Тбилиси, Грузия);

Склярова Елена Константиновна, доктор исторических наук, профессор, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация);

Тихомирова Екатерина Григорьевна, доктор философских наук, доцент, Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ» (Москва, Российская Федерация);

Эльбуздукаева Тамара Умаровна, доктор исторических наук, профессор, Чеченский государственный педагогический университет (Грозный, Российская Федерация).

Editorial board

Besarion Ch. Meskhi, Doct. Sci. (Engineering), professor, Editor-in-Chief, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Andy Pusca, Doct. Sci. (Economics), Danubius University (Galac, Romania);

Alexander D. Burian, Doct. Sci. (Law), professor, Institute for Strategic Studies of the European University of Moldova (Chisinau, Moldova);

Giorgi Kvesitadze, Doct. Sci. (Biology), professor, Georgian National Academy of Sciences (Tbilisi, Georgia);

Roin V. Metreveli, Doct. Sci. (History), professor, Georgian National Academy of Sciences (Tbilisi, Georgia);

Evgeny E. Nesmeyanov, Doct. Sci. (Philosophy), professor, First Deputy Editor-in-Chief, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Igor M. Uznarodov, Doct. Sci. (History), professor, Rostov State University of Economics (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Igor N. Yablokov, Doct. Sci. (Philosophy), professor, Moscow State University (Moscow, Russian Federation).

Editorial board

Vakhit Kh. Akaev, Doct. Sci. (Philosophy), professor, Integrated Research Institute of the Russian Academy of Sciences (Grozny, Russian Federation);

Shalva A. Amonashvili, Doct. Sci. (Philosophy), professor, Moscow City Pedagogical University (Moscow, Russian Federation);

Victor I. Balabanov, Doct. Sci. (Engineering), professor, Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy (Moscow, Russian Federation);

Vadim N. Goncharov, Doct. Sci. (Philosophy), professor, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russian Federation);

Lira K. Gurieva, Doct. Sci. (Economics), professor, Financial University under the Government of the Russian Federation (Vladikavkaz branch) (Vladikavkaz, Russian Federation);

Albert K. Dudayti, Doct. Sci. (History), professor, North Ossetian State University named after K.L. Khetarurov (Vladikavkaz, Russian Federation);

Alexander G. Ivanov, Doct. Sci. (History), professor, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation);

Olga N. Kamalova, Cand. Sci. (Philosophy), associate professor, Rostov State Medical University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Sergey B. Kozhevnikov, Doct. Sci. (Philosophy), professor, Moscow City Pedagogical University (Moscow, Russian Federation);

Maida G. Mustafaeva, Doct. Sci. (Philosophy), professor, Dagestan State Pedagogical University (Makhachkala, Russian Federation);

Tamara S. Olenich, Doct. Sci. (Philosophy), professor, Don State Technical University (DSTU) (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Silagadze Avtandil, Doct. Sci. (Economics), professor, Tbilisi State University (Tbilisi, Georgia);

Elena K. Sklyarova, Doct. Sci. (History), professor, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation);

Ekaterina G. Tikhomirova, Doct. Sci. (Philosophy), associate professor, National Research Nuclear University MEPhI (Moscow, Russian Federation);

Tamara U. Elbuzdukayeva, Doct. Sci. (History), professor, Chechen State Pedagogical University (Grozny, Russian Federation).

Содержание

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

- Грузия как причерноморский узел связности Среднего коридора 7
А.К. Дудайти, М.М. Кулумбегов
- Проблема самоидентификации молодежи в современном дагестанском обществе 11
М.З. Магомедова
- Релятивизм ценностного мира и безопасность современного человека 16
Л.И. Жижилева

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

- Устойчивость к информационной неопределенности как фактор профессионального развития студентов в высшем образовании 21
О.А. Матвеева
- Лингвокультурный анализ текстов урбанистического дискурса Ростова-на-Дону 26
Н.П. Ревякина, Е.Е. Сахарова

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

- Технологическая религиозность как цифровое идолопоклонство: антропологический и нейрокогнитивный анализ «Deus in Machina» 31
К.А. Лукьяненко
- Интеграция буддизма в систему российского образования: ключевые аспекты 39
К.А. Багаева
- Религия и квантовая физика о видении мира: что важно знать журналисту, пишущему о научных открытиях в условиях современной технологической цивилизации? 45
О.В. Фарберович

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

- Визионерская европейская геополитика кивернитиса Иоанниса Каподистрии: социально-политический и духовно-религиозный аспекты 50
Т.С. Оленич, Д.И. Пыхтин
- Философское осмысление кризиса русского марксизма на примере донской организации меньшевиков 56
А.А. Аганов, О.А. Елдинов

Contents

SOCIAL AND POLITICAL PHILOSOPHY

- Georgia as a Black Sea Connectivity Node of the Middle Corridor** 7
A.K. Dudaiti, M.M. Kulumbegov
- The Problem of Youth Self-Identification in Modern Dagestan Society** 11
M.Z. Magomedova
- Relativism of the Value World and the Security of Modern Person** 16
L.I. Zhizhileva

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY, PHILOSOPHY OF CULTURE

- Resistance to Information Uncertainty as a Factor of Students' Professional Development in Higher Education** 21
O.A. Matveeva
- Linguistic and Cultural Analysis of Texts on Rostov-On-Don Urban Discourse** 26
N.P. Revyakina, E.E. Sakharova

RELIGIOUS STUDIES

- Technological Religiosity as Digital Idolatry: An Anthropological and Neurocognitive Analysis of “Deus in Machina”** 31
K.A. Lukyanenko
- Key Aspects of Buddhism Integration into the Russian Education System** 39
K.A. Bagaeva
- Religion and Quantum Physics on the Worldview: What a Journalist Writing about Scientific Discoveries in the Context of Modern Technological Civilization Needs to Know?** 45
O.V. Farberovich

THEORY AND HISTORY OF CULTURE

- The Visionary European Geopolitics of Ioannis Kapodistrias: Socio-Political and Spiritual-Religious Aspects** 50
T.S. Olenich, D.I. Pykhtin
- A Philosophical Analysis of the Crisis in Russian Marxism: The Case of the Don Region's Menshevik Organization** 56
A.A. Aganov O.A. Eldinov

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

УДК 327.7:656.2(479.22)

Оригинальное теоретическое исследование

<https://doi.org/10.23947/2414-1143-2026-12-1-7-10>

Грузия как причерноморский узел связности Среднего коридора

А.К. Дудайти , М.М. Кулумбегов

Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова,
г. Владикавказ, Российская Федерация

 adudaiti@mail.ru

Аннотация

Введение. Рассматривается Средний коридор (Транскаспийский международный транспортный маршрут) как форму «политики связности», в рамках которой материальная инфраструктура (порты, коридоры, кабели) переопределяет место Грузии и её Причерноморья в конфигурации власти и региональной безопасности. Грузия, располагающая портовой и транзитной инфраструктурой на стыке Черноморского и Каспийского бассейнов, выступает узлом конкурирующих европейских, китайских, турецких и региональных проектов, влияющих на социально-экономическую динамику и идентичность Причерноморья.

Материалы и методы. Методологическую основу составляют системный и сравнительно-политический подходы, элементы геоэкономического анализа и концепции социальной и политической философии пространства (субъектность, власть, центр/периферия, «конкурирующие связности»). Эмпирическая база включает стратегические документы Грузии в сфере транспорта, материалы ЕС и международных финансовых институтов по Транскаспийской и черноморской связности, а также исследования по порту Анаклия и энергетико-цифровым коридорам.

Результаты исследования. Национальная стратегия транспорта и логистики 2023–2030 гг. переводит транзитную роль Грузии из «естественного» географического преимущества в управляемый национальный проект и закрепляет грузинское Причерноморье как ключевой узел Среднего коридора. Рост контейнерной обработки и создание совместного оператора железнодорожного сегмента интерпретируются как институционализация новой конфигурации регионального пространства; участие ЕС и Китая наполняет инфраструктуру конкурирующими политическими смыслами.

Обсуждение и заключение. Стратегическая выгода Грузии определяется не только объёмом инвестиций, но и характером её субъектности: способностью обеспечивать прозрачность управления, баланс интересов внешних акторов и учёт последствий для местных сообществ.

Ключевые слова: Грузия, Причерноморье, Средний коридор, Транскаспийский маршрут, связность, порт Анаклия, черноморские порты, Южный Кавказ, социальная и политическая философия, геоэкономика

Для цитирования. Дудайти А.К., Кулумбегов М.М. Грузия как причерноморский узел связности Среднего коридора. *Научный альманах стран Причерноморья*. 2026;12(1):7–10. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2026-12-1-7-10>

Original Theoretical Research

Georgia as a Black Sea Connectivity Node of the Middle Corridor

Albert K. Dudaiti , Murman M. Kulumbegov

North Ossetian State University, Vladikavkaz, Russian Federation

 adudaiti@mail.ru

Abstract

Introduction. The article considers the Middle Corridor (Trans-Caspian International Transport Route) as a form of “connectivity policy”, in which material infrastructure (ports, corridors, cables) redefines the place of Georgia and its Black Sea region in the configuration of power and regional security. Georgia, which has port and transit infrastructure at

the junction of the Black Sea and Caspian basins, acts as a hub for competing European, Chinese, Turkish and regional projects that affect the socio-economic dynamics and identity of the Black Sea region.

Materials and Methods. The methodological basis is made up of systemic and comparative political approaches, elements of geoeconomic analysis and concepts of social and political philosophy of space (subjectivity, power, center/periphery, “competing connectivities”). The empirical base includes strategic documents of Georgia in the field of transport, materials of the EU and international financial institutions on Trans-Caspian and Black Sea connectivity, as well as studies on the port of Anaklia and energy and digital corridors.

Results. The National Transport and Logistics Strategy 2023–2030 transfers the transit role of Georgia from a “natural” geographical advantage to a managed national project and consolidates the Georgian Black Sea region as a key hub of the Middle Corridor. The growth of container processing and the creation of a joint operator of the railway segment are interpreted as the institutionalization of a new configuration of the regional space; the EU and Chinese involvement infuses infrastructure with competing political meanings.

Discussion and Conclusion. Georgia’s strategic benefit is determined not only by the volume of investments but also by the nature of its subjectivity: the ability to ensure transparency of governance, balance the interests of external actors and take into account the consequences for local communities.

Keywords: Georgia, Black Sea region, Middle Corridor, Trans-Caspian route, connectivity, Anaklia port, Black Sea ports, South Caucasus, social and political philosophy, geoeconomics

For Citation. Dudaiti A.K., Kulumbegov M.M. Georgia as a Black Sea Connectivity Node of the Middle Corridor. *Science Almanac of Black Sea Region Countries*. 2026;12(1):7–10. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2026-12-1-7-10>

Введение. Средний коридор (Транскаспийский международный транспортный маршрут) – мультимодальная линия, связывающая Китай и Центральную Азию с Южным Кавказом и далее с Европой через Турцию и/или Чёрное море. В оптике социальной и политической философии это не просто «маршрут на карте», а пространственная политика: инфраструктура собирает новые центры и периферии, узлы и границы, задаёт режимы включения и исключения [1]. Официально коридор описывают как способ повысить устойчивость евразийской логистики в период турбулентности [2], но исследовательски его логичнее читать как переразметку политического пространства Евразии.

Для грузинского Причерноморья это означает пересборку транзитной роли и места страны в региональных и глобальных связях. Порты и точки пересечения транспортных, энергетических и цифровых линий превращаются в «густые» зоны, где сходятся деньги, власть и смысловые рамки – развитие, безопасность, «европейскость». Так, геополитика получает материальную форму и начинает работать как социальный и пространственный порядок.

Отсюда высокий политический градус темы для Грузии: коридор связан с безопасностью и внешнеполитическим позиционированием. Стремление закрепить роль «моста» и логистического узла между Европой и Азией отражено в Национальной стратегии транспорта и логистики 2023–2030 и планах цифровой трансформации, включая модернизацию портовой и прибрежной инфраструктуры [3]. Но транзитные ожидания упираются в институциональное качество и отношения с ЕС: статус кандидата получен в декабре 2023 г., а в 2024 г. зафиксирована фактическая пауза на фоне обеспокоенности демократическими практиками и верховенством права [4]. В философской перспективе это делает инфраструктуру коридора проверкой субъектности: сможет ли Грузия задавать правила игры или её роль будут формировать внешние дискурсы связности.

Научная новизна статьи – в том, что Грузия рассматривается как кейс «политики связности» в Причерноморье. В центре анализа – как институты, отношения с внешними акторами и конкурирующие проекты связности влияют на транзитную субъектность и траектории развития региона, а также какие образы Причерноморья закрепляются в дискурсах развития и безопасности («коридор», «узел», «фронтир», «мост»).

Гипотеза: стратегические выгоды определяются инвестициями, институциональной предсказуемостью, согласованностью внешней политики и тем, как элиты осмысляют Причерноморье – как ресурс автономного развития или объект внешнего управления. Цель статьи – показать место Грузии в архитектуре Среднего коридора как черноморского узла и оценить риски и возможности для внешнеполитической и геэкономической стратегии; для этого анализируются институционально-инфраструктурные основы участия, интересы внешних акторов, значение Анаклии и черноморских кабельных инициатив, а также формулируются выводы и рекомендации с учётом философских измерений региональной политики.

Материалы и методы. Методологическая рамка собирает системный, сравнительно-политический и философский взгляды на пространство и задаёт исследовательскую логику: как меняется транзитная субъектность Грузии под давлением «конкурирующих связностей» Среднего коридора.

Причерноморье Грузии рассматривается как узел пересечения сухопутных и морских маршрутов, а также энергетических и цифровых линий Черноморско-Каспийского макрорегиона. Средний коридор трактуется как сеть «железа и смыслов»: инфраструктура одновременно решает технические задачи и закрепляет политические рамки.

Исследование построено как сравнительный кейс-анализ: сопоставляются стратегии акторов, включающих грузинское Причерноморье в свои проекты связности (ЕС и Global Gateway, Китай и «Пояс и путь», Турция и Азербайджан) [5]. Геэкономический ракурс помогает операционализировать влияние инфраструктуры через три

индикатора: распределение выгод (тарифы/логистика), контроль над узлами (порты/операторы) и режимы правил (процедуры/стандарты) [6, 7, 8].

Дискурс-анализ через категории пространства, власти, субъектности и идентичности фиксирует, как в стратегиях, отчётах и медиа конструируются образы будущего региона, «нормальные» модели развития и допустимые пределы участия внешних акторов; для этого выделяются ключевые метафоры и роли («коридор», «узел», «мост», «фронтир») и сопоставляется их употребление в разных источниках.

Эмпирическая база включает доклады Всемирного банка и ОЭСР [1, 2], материалы ЕС по Global Gateway и Транскаспийской связности [3, 5, 9], документы и статистику Минэкономики Грузии по портовой и транспортной инфраструктуре [3, 4], исследования по Анаклии и конкуренции «связностей» [10, 11]. Источники используются для реконструкции динамики и для «чтения» того, какие образы пространства, развития и безопасности они производят.

Результаты исследования. Принятие Национальной стратегии транспорта и логистики 2023–2030 и Плана действий 2023–2024 – попытка «застолбить» роль Грузии в евразийской логистике: транзит перестаёт быть бонусом географии и превращается в управляемый проект. В документах перечислены ключевые рычаги – порты, железные дороги, магистраль восток–запад, цифровые процедуры и «единое окно», то есть задаётся практическая схема того, как должна работать связность страны и её Причерноморья.

Цифры за 10 месяцев 2023 г. подыгрывают этой истории: обработка контейнеров превысила 607 тыс. TEU (+61,3 %) [3]. Но для исследования важнее не сам рост, а его природа: это устойчивый сдвиг маршрутов или эффект низкой базы и временного перетока потоков? В таком чтении статистика становится маркером зависимости коридора от внешней конъюнктуры, а не «сертификатом успеха».

Всемирный банк и ОЭСР формулируют тот же двойной сигнал: потенциал есть, но коридор тормозит на стыках – из-за мультимодальности, границ и разнородных правил. Отсюда рабочая гипотеза: грузинский участок выигрывает лишь при региональной синхронизации – без координации с Азербайджаном, Казахстаном и Турцией внутренние реформы упрутся во внешние ограничения. Создание в 2023 г. оператора Middle Corridor Multimodal можно понимать как попытку сделать такую синхронизацию постоянной – через согласование тарифов, расписаний и процедур [11].

Снаружи коридор живёт в нескольких «версиях будущего». ЕС продвигает Транскаспийскую связность через Global Gateway, связывая инфраструктуру со стандартами управления и устойчивостью; на форуме ЕС – Центральная Азия в январе 2024 г. подтверждена готовность финансовых институтов поддерживать такие проекты [3]. Китай, напротив, видит в грузинских портах и перспективе Анаклии инструмент диверсификации маршрутов и присутствия в Чёрном море [7]. В итоге одни и те же узлы получают разные политические смыслы – и это подогревает конкуренцию интерпретаций.

Поэтому Анаклиа остаётся «нервом» повестки: история тендеров и смена форматов ГЧП показывает высокую внешнеполитическую нагрузку проекта. В исследовательской оптике это тест институтов – можно ли привлечь капитал, не потеряв прозрачность, конкуренцию и комплаенс, без которых рухнет доверие партнёров [8].

Наконец, связность всё чаще измеряется не контейнерами, а кабелями и энергией. Global Gateway выделяет подводный цифровой кабель в Чёрном море (фокус на Грузию и Армению) и электрический интерконнектор для экспорта «зелёной» энергии в Европу. Создание в 2024 г. совместной компании Азербайджана, Грузии, Румынии и Венгрии для продвижения черноморского энергокоридора подтверждает переход к многоуровневой инфраструктурной архитектуре [9]. Здесь ставка выше: при институциональной устойчивости это усиливает субъектность Грузии, при дефиците предсказуемости – увеличивает зависимость и уязвимость.

Обсуждение и заключение. Результаты исследования показывают: для Грузии Средний коридор – одновременно «окно манёвра» и набор жёстких рамок. В философском плане это разные конфигурации связки «пространство – власть – субъектность», которые проявляются через инфраструктуру.

Экономический эффект появляется лишь тогда, когда настроен весь маршрут: если соседние звенья тормозят, грузинский участок упирается в чужие «узкие места». Поэтому, как подчёркивают международные организации, решают не только порты и рельсы, но и «мягкие» условия – общие процедуры, цифровой документооборот, предсказуемые тарифы и более простые границы. В исследовательской оптике это ключевой вывод: коридор становится единым пространством там, где возникает совместное регулирование и доверие, а конкурентоспособность Грузии измеряется и инфраструктурой, и включённостью в эту общую логику.

Европейский интерес к Транскаспийской связности может усилить «европейскую рамку» – через стандарты и инвестиции, но всё упирется в динамику отношений с ЕС. Статус кандидата (декабрь 2023 г.) соседствует с фиксацией проблем демократии и фактической паузой в 2024 г. [10], поэтому доверие и институциональная совместимость становятся переменными инфраструктурной политики: роль Грузии как «европейского» узла зависит не только от финансирования, но и от политического восприятия партнёрами.

Китайский фактор усиливает потребность в управлении рисками, особенно вокруг Анаклии. Порт обсуждают как актив и как маркер внешнеполитических приоритетов и возможных зависимостей. Для исследования это удобный «стресс-тест» институтов: успех требует совместить капитал с прозрачностью, конкуренцией и комплаенсом, иначе инфраструктурное решение начинает менять баланс власти и субъектности.

Сдвиг к цифровой и энергетической связности расширяет возможности, но повышает требования к правовой устойчивости, долгому горизонту планирования и координации интересов ЕС, Южного Кавказа и Черноморья.

Здесь ставка выше, потому что речь идёт о включении в технологические и энергетические цепочки, которые будут формировать будущее Причерноморья.

В целом Грузия остаётся ключевым черноморским звеном коридора с выходом к ЕС и Турции. Стратегия 2023–2030 и рост контейнерной обработки фиксируют стремление закрепить эту роль, но практические выгоды зависят от трёх условий: региональной координации (включая Middle Corridor Multimodal) [11], прозрачных решений по Анаклии и устойчивой траектории отношений с ЕС, от которой зависят возможности Global Gateway [12]. Поэтому Средний коридор разумно читать как стратегию региональной субъектности: порты, коридоры и кабели здесь «собирают» не только логистику, но и новые формы власти и идентичности в Черноморско-Каспийском регионе.

Список литературы / References

1. *Middle Trade and Transport Corridor: Policies and Investments to Triple Freight Volumes and Halve Travel Time by 2030*. Washington: World Bank; 2023. 70 p.
2. *Realising the Potential of the Middle Corridor*. Paris: OECD Publishing; 2023. 142 p. <https://doi.org/10.1787/635ad854-en>
3. *National Transport and Logistics Strategy of Georgia 2023–2030*. Tbilisi: MOESD; 2023. 76 p.
4. *Baku–Tbilisi–Kars railway’s expansion to boost Middle Corridor capacity*. Baku: Caspian News; 05 Mar. 2024. URL: <https://caspiannews.com/news-detail/baku-tbilisi-kars-railways-expansion-nears-completion-to-boost-middle-corridor-capacity-2024-3-5-0/> (дата обращения: 10.12.2025).
5. *Black Sea Digital Connectivity: Submarine Digital Cable*. Brussels: European Commission; 2023/2024. URL: https://international-partnerships.ec.europa.eu/policies/global-gateway/black-sea-digital-connectivity-submarine-digital-cable_en/ (дата обращения: 11.12.2025).
6. *The Perspectives of the Middle Corridor in an Age of Global Confrontation and Uncertainty*. Tbilisi-Berlin: FES; 2025. 24 p.
7. *Anaklia Port Development: Policy Paper N 2024/07*. Tbilisi: ISET; 2024. 38 p.
8. *Georgia’s Anaklia Port and PRC Infrastructure Strategy*. Washington: Jamestown Foundation; 2024 Jun. 21. URL: <https://jamestown.org/georgias-anaklia-port-and-prc-infrastructure-strategy/> (дата обращения: 12.12.2025).
9. *The Black Sea Submarine Cable Project: A Strategic Opportunity for Georgia and Europe’s Energy Future*. Tbilisi: GFSIS; 3 Oct. 2024. URL: <https://gfsis.org/en/the-black-sea-submarine-cable-project-a-strategic-opportunity-for-georgia-and-europes-energy-future/> (дата обращения: 13.12.2025).
10. *Geo-politics and the Anaklia, Georgia, port project*. London: Port Strategy; 26 Sept. 2024. URL: <https://www.portstrategy.com/insight-and-opinion/geo-politics-and-the-anaklia-georgia-port-project/1496900.article/> (дата обращения: 14.12.2025).
11. *China’s CRCT to join JV formed by Azerbaijan, Georgia and Kazakhstan on Middle Corridor multimodal cooperation*. Moscow: Interfax; 19 Sept. 2024. URL: <https://interfax.com/newsroom/top-stories/105960/> (дата обращения: 15.12.2025).
12. *Baku–Tbilisi–Kars railway’s expansion to boost Middle Corridor capacity*. Baku: Caspian News; 05 Mar. 2024. URL: <https://caspiannews.com/news-detail/baku-tbilisi-kars-railways-expansion-nears-completion-to-boost-middle-corridor-capacity-2024-3-5-0/> (дата обращения: 16.12.2025).

Об авторах:

Дудайти Альберт Константинович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой «Всеобщая история», Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова (697323, Российская Федерация, г. Владикавказ, ул. Вагутина, 44–46), [ORCID](#), [SPIN-код](#), adudaiti@mail.ru

Кулумбегов Мурман Мурадович, старший преподаватель кафедры «Всеобщая история», Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, (697323, Российская Федерация, г. Владикавказ, ул. Вагутина, 44–46), [SPIN-код](#), murmankulum@mail.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Dudaiti Albert Konstantinovich, PhD (Advanced Doctorate) (Historical Sciences), Professor, Head of the Department of General History, North Ossetian State University (44–46, Vatutina St., Vladikavkaz, 697323, Russian Federation), [ORCID](#), [SPIN-code](#), adudaiti@mail.ru

Kulumbeegov Murman Muradovich, Senior Lecturer, Department of General History, North Ossetian State University (44–46, Vatutina St., Vladikavkaz, 697323, Russian Federation), [SPIN-code](#), murmankulum@mail.ru

Conflict of Interest Statement: the authors declare no conflict of interest.

All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 15.12.2025

Поступила после рецензирования / Reviewed 05.01.2026

Принята к публикации / Accepted 06.01.2026

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

УДК 316.61

Оригинальное теоретическое исследование

<https://doi.org/10.23947/2414-1143-2026-12-1-11-15>

Проблема самоидентификации молодежи в современном дагестанском обществе

М.З. Магомедова

Региональный центр этнополитических исследований,
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, г. Махачкала, Российская Федерация
✉ spirow@mail.ru

Аннотация

Введение. Исследование проблем формирования самоидентичности дагестанской молодежи в условиях полиэтноконфессиональной среды является актуальным в современных условиях. Целью статьи является комплексный анализ проблемы самоидентификации молодежи в Республике Дагестан через призму взаимодействия ключевых социальных институтов, выявление роли института семьи, образовательной среды, языковой ситуации и цифровой реальности как ключевых факторов, влияющих на процесс самоидентификации современной молодежи.

Материалы и методы. Данное исследование основано на методологии системного анализа и синтеза релевантных научных публикаций по данной проблематике. Используются такие общетеоретические методы научного исследования, как аналогия, обобщение и систематизация.

Результаты исследования. Как показывают исследования, этническая идентичность в Дагестане продолжает оставаться стержневым элементом самовосприятия, однако ее содержание и формальные маркеры значительно трансформируются. Эмпирические данные свидетельствуют о сложном характере взаимодействия между семейными установками и ценностями многонациональной среды. Наряду с этнической, языковой, культурной составляющих в формировании идентичности одним из базовых элементов становления и развития личности дагестанца остается и религиозная идентификация. Идентификационная среда в Дагестане является системой, где сосуществуют традиции и инновации.

Обсуждение и заключение. Проведенный анализ позволяет утверждать, что проблема самоидентификации молодежи в Дагестане не сводится к бинарному выбору между традицией и модернизацией. Речь идет о формировании сложной, многоуровневой и ситуативно обусловленной гибридной идентичности, интегрирующей различные, порой противоречивые, элементы. Современный молодой дагестанец или дагестанка зачастую совмещает в себе несколько идентичностей: локальную (род, село), этническую (аварец, даргинец, лезгин и пр.), общедагестанскую (как житель полиэтничной республики), общероссийскую гражданскую и, все чаще, глобальную (через цифровые среды и академическую мобильность). Противоречие между традиционными и глобальными ценностями, будучи креативным конфликтом, выступает катализатором личностного роста и формирования мультикультурной компетентности.

Ключевые слова: самоидентификация, молодежь, Дагестан, этническая идентичность, образовательная среда, языковая ситуация, традиционные ценности

Для цитирования. Магомедова М.З. Проблема самоидентификации молодежи в современном дагестанском обществе. *Научный альманах стран Причерноморья*. 2026;12(1):11–15. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2026-12-1-11-15>

The Problem of Youth Self-Identification in Modern Dagestan Society

Madina Z. Magomedova

Regional center of ethnopolitical sciences of Dagestan Federal Research Center of Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russian Federation

✉ spirow@mail.ru

Abstract

Introduction. The study of the problems of self-identity formation of Dagestan youth in a multi-ethnic confessional environment is relevant in modern conditions. The purpose of the article is a comprehensive analysis of the problem of youth self-identification in the Republic of Dagestan through the prism of interaction of key social institutions, identifying the role of the institution of the family, the educational environment, the language situation and digital reality as key factors affecting the process of self-identification of modern youth.

Materials and Methods. This study is based on the methodology of systematic analysis and synthesis of relevant scientific publications on this issue. Such general theoretical methods of scientific research as analogy, generalization and systematization were used.

Results. Research shows that ethnic identity in Dagestan continues to be the core element of self-perception, but its content and formal markers are significantly transformed. Empirical evidence suggests the complex nature of the interaction between family attitudes and the values of a multinational environment. Along with ethnic, linguistic, cultural components in the formation of identity, religious identification remains one of the basic elements of the formation and development of the personality of a Dagestani. The identification environment in Dagestan is a system where traditions and innovations coexist.

Discussion and Conclusion. The analysis suggests that the problem of youth self-identification in Dagestan is not reduced to a binary choice between tradition and modernization. What is meant here is the formation of a complex, multi-level and situationally determined hybrid identity that integrates various, sometimes contradictory, elements. A modern young Dagestani man or woman often combines several identities: local (clan, village), ethnic (Avar, Dargin, Lezgin, etc.), all-Dagestan (as a resident of a multi-ethnic republic), all-Russian civic and, increasingly, global (through digital environments and academic mobility). The contradiction between traditional and global values, being a creative conflict, acts as a catalyst for personal growth and the formation of multicultural competence.

Keywords: self-identification, youth, Dagestan, ethnic identity, educational environment, language situation, traditional values

For Citation. Magomedova M.Z. The Problem of Youth Self-identification in Modern Dagestan Society. *Science Almanac of Black Sea Region Countries*. 2026;12(1):11–15. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2026-12-1-11-15>

Введение. Современное дагестанское общество характеризуется исключительным этнокультурным разнообразием, что создает уникальный контекст для идентификационных процессов в социуме. Актуальность исследования проблем самоидентификации молодежи в современном дагестанском обществе обусловлена уникальным симбиозом традиций полиэтноконфессиональной среды с современными общемировыми ценностями. Пытаясь соотнести себя с той или иной социальной группой, современная дагестанская молодежь вынуждена балансировать в условиях динамичного взаимодействия традиционных кавказских ценностей, сложной системы межэтнических отношений и возрастающего влияния глобальных трендов. Целью статьи является комплексный анализ проблемы самоидентификации молодежи в современном дагестанском обществе через призму взаимодействия ключевых социальных институтов.

Для достижения цели поставлены следующие задачи: проанализировать содержание и динамику этнической идентичности дагестанской молодежи; выявить роль семьи и системы высшего образования как взаимодополняющих факторов формирования идентичности; определить место и роль религиозной идентификации в общей системе социальной идентификации молодых дагестанцев; оценить влияние языковой ситуации, в частности, проблемы сохранения родных языков и доминирования русского языка как средства межнационального общения на процессы самоидентификации; охарактеризовать влияние современных цифровых технологий на процесс идентификации дагестанской молодежи.

Материалы и методы. Данное исследование основано на методологии системного анализа и синтеза релевантных научных публикаций по данной проблематике. На основе их анализа рассматривается динамическое взаимодействие этнической, религиозной и культурной идентичностей. Использовались такие общетеоретические методы научного исследования, как аналогия, обобщение и систематизация, позволяющие осуществить переход от описания конкретных проявлений идентичности к пониманию её как сложного, структурированного социально-психологического и культурного феномена.

Результаты исследования. Как показывают исследования, этническая идентичность в Дагестане продолжает оставаться стержневым элементом самовосприятия, однако ее содержание и формальные маркеры значительно трансформируются. С одной стороны, семья сохраняет свою роль как ключевой институт первичной трансляции

этнокультурных моделей, где «национальная идентичность развивается в раннем возрасте в процессе воспитания в семье и основывается на определенной традиции или ее элементах, культивируемых как «репрезентация традиции» [1, с. 275]. С другой стороны, погружение в многонациональную образовательную среду внутри республики, и особенно в вузах за пределами Дагестана, способствует формированию более гибкого, мультикультурного сознания, «размыванию» жестких этнических границ.

Эмпирические данные свидетельствуют о сложном характере взаимодействия между семейными установками и ценностями многонациональной среды. Исследование с участием дагестанских студентов московских вузов демонстрирует, что семейные ценности, представляющие этнический опыт, и ценности многонациональной среды активно взаимодействуют, и их взаимодействие становится одним из ключевых факторов этнической идентификации человека на протяжении всей жизни. При этом отмечается гендерная специфика данного процесса: «в большинстве случаев женщины оказываются более консервативными и с большей вероятностью сохраняют приверженность этническому поведению, полученному от семьи или своей этнической среды» [1, с. 275].

Однако к старшим курсам наблюдается нивелирование статистически значимых различий в оценке традиционных ценностей между юношами и девушками, что подтверждает гипотезу о преобразующем влиянии продолжительного пребывания в инокультурной среде. По мнению Д.Г. Сайбулаевой, в структуре личностной идентичности современных студентов доминирующими являются статусы идентичности, характеризующиеся низким уровнем их развития, ориентацией на социальные и семейные связи в ущерб ориентации на самоопределение, самостоятельный выбор и самореализацию [2, с. 136].

Наряду с этнической, языковой, культурной составляющих в формировании идентичности одним из базовых элементов становления и развития личности дагестанца является религиозная идентификация. «Основы идентичности закладываются в семье, а дальше в процессе дальнейшей социализации самоотождествление с конкретной религией уже носит более самостоятельный характер. Сам процесс формирования религиозной идентичности в рамках социальной идентификации личности носит двусторонний характер. Поскольку и религия влияет на общую социализацию человека, и элементы социальной идентификации проявляются в становлении религиозной идентичности, соотносящейся с конкретной религией, культурой и образом жизни. Под воздействием религии закладываются основы ценностных предпочтений личности, наиболее значимые для человека нюансы, воззрения, принципы, на которых строится его повседневное существование» [3, с. 322].

Особую значимость в контексте самоидентификации приобретает языковая ситуация в Дагестане, характеризующаяся сложным переплетением этнических и лингвистических маркеров. Согласно имеющимся данным, более 25 дагестанских языков находятся под серьезной угрозой исчезновения по классификации ЮНЕСКО. Исторически сложившаяся этноязыковая система, где различия между некоторыми диалектами настолько велики, что их носители иногда не понимают друг друга, обусловила необходимость в языке-посреднике [4]. Если в прошлом эту функцию на равнине выполнял кумыкский язык, в горном Дагестане – аварский язык, то в настоящее время языком межнационального общения безоговорочно стал русский язык. Это создает сложный идентификационный узел: родной язык продолжает выступать мощным символом этнической принадлежности и «средством этнической самоидентификации», в то время как русский язык является инструментом социальной мобильности, доступа к образованию и интеграции в общероссийское пространство. В результате транслингвальность, то есть способность свободно переключаться между языковыми кодами, является характерной чертой современной дагестанской молодежи.

Идентификационная среда является системой, где сосуществуют традиции и инновации. В век высоких технологий виртуализация общества приводит к изменению иерархических связей между локальными и глобальными процессами [5]. В информационном обществе разрушается то, на чем основывалось традиционное общество – целостность этнокультурного бытия, утрата привычных способов передачи информации от старшего поколения младшему. Связь поколений минимизируется, так как связующим фактором теперь становятся сообщества сверстников или виртуальное пространство [6, с. 41]. Увлечение социальными сетями, жизнь напоказ стали неотъемлемой частью жизни дагестанской молодежи. Идентичность человека трансформируется вместе с изменениями, происходящими в современном мире, расширяются критерии идентификации, некоторые из которых безвозвратно утрачиваются, но при этом для сохранения своей самости необходима определенная устойчивость, фиксирующая нас в новой социокультурной реальности [7, с. 141]. Пытаясь приспособиться к стремительно трансформирующемуся миру, молодые люди хотят найти для себя базовые идентификации.

Идентификационное пространство может одновременно включать этнический, региональный и гражданский уровни, сосуществующие и актуализирующиеся в зависимости от контекста. Многоуровневая идентификация предполагает принадлежность к сложной культуре, например, к российской или дагестанской. Великий поэт Дагестана Расул Гамзатов, определяя смысл этого явления, говорил, что в Дагестане он аварец, в Москве – дагестанец, а за границей – русский. Многоуровневая структура идентификации является непреложным условием устойчивого существования любого полиэтноконфессионального социума [8, с. 72].

Обсуждение и заключение. Проведенный анализ позволяет утверждать, что проблема самоидентификации молодежи в Дагестане не сводится к бинарному выбору между традицией и модернизацией [8, 9]. Речь идет о формировании сложной, многоуровневой и ситуативно обусловленной гибридной идентичности, интегрирующей различные, порой противоречивые, элементы. Современный молодой дагестанец или дагестанка зачастую

совмещает в себе несколько идентичностей: локальную (род, село), этническую (аварец, даргинец, лезгин и пр.), общедагестанскую (как житель полиэтничной республики), общероссийскую гражданскую и, все чаще, глобальную (через цифровые среды и академическую мобильность). Противоречие между традиционными и глобальными ценностями, будучи креативным конфликтом, выступает катализатором личностного роста и формирования мультикультурной компетентности. Угроза исчезновения языков представляет собой антропологическую проблему, требующую нахождения баланса между функциональной необходимостью русского языка и сохранением уникального языкового наследия Дагестана.

Ограничения исследования связаны с его дескриптивным характером и опорой на вторичные данные. Для более глубокого и репрезентативного анализа необходимы новые масштабные эмпирические исследования, проводимые непосредственно в Республике Дагестан с применением качественных и количественных методов. Перспективы дальнейших исследований видятся в изучении специфики идентификационных процессов в цифровой среде, а также в разработке педагогических моделей, способствующих гармоничной интеграции молодежи Дагестана в общероссийское сообщество при сохранении этнокультурного разнообразия региона.

Список литературы / References

1. Гасанова С. Этническая идентичность: особенности взаимодействия семейных ценностей и полиэтнической студенческой среды на примере дагестанских студентов. *Humanities and Social Sciences Communications*. 2021;8(1):268–276.
2. Сайбулаева Д.Г. Личностная идентичность современных студентов (на материале дагестанских вузов). *Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 2. Гуманитарные науки*. 2025;40(2):131–137. <https://doi.org/10.21779/2542-0313-2025-40-2-131-137>
3. Saibulaeva D.G. Personal Identity of Modern Students (Based on the Material of Dagestan Universities). *Herald of Dagestan State University*. 2025;40(2):131–137. (In Russ.) <https://doi.org/10.21779/2542-0313-2025-40-2-131-137>
4. Единство и многообразие языков и культур народов России (на примере республик Башкортостан, Татарстан, Саха (Якутия), Дагестан – Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН; 2023. 366 с.
5. Unity and diversity of languages and cultures of the peoples of Russia (on the example of the republics of Bashkortostan, Tatarstan, Sakha (Yakutia), Dagestan – Ufa: Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center, RAS; 2023. 366 p. (In Russ.)
6. Ханбалаева С. Особенности межэтнической коммуникации и транслингвизм народов Дагестана. *SSRN Electronic Journal*. 2023. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4462542 (дата обращения: 11.11.2025).
7. Khanbalaeva S. The Peculiarities of Inter-Ethnic Communication and Translinguality of the Peoples of Dagestan. *SSRN Electronic Journal*. 2023. (In Russ.) URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4462542 (accessed: 11.11.2025).
8. Ivashova V.A., Goncharov V.N., Erokhin A.M., Kolosova O.U., Tronina L.A., Kamalova O.N. Values-based orientations as a formation factor of the social responsibility of the professional community. *International Journal of Management*. 2019;10(2):135–144. <https://doi.org/10.34218/IJM.10.2.2019.013>
9. Магомедова М.З. Социокультурный контекст трансформации идентичностей в XXI веке. В: *Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Межцивилизационный диалог как фактор сохранения этнокультурного многообразия России в условиях глобализации»*. Махачкала: АЛЕФ; 2022. С. 39–43.
10. Magomedova M.Z. Social and cultural identity in the terms of transforming society. In: *Collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation “Intercivilizational dialogue as a factor in preserving the ethnocultural diversity of Russia in the context of globalization”*. Makhachkala: ALEF; 2022. Pp. 39–43. (In Russ.)
11. Магомедова М.З. Диверсификация идентичности в северокавказском социуме: религиозный и этнический уровни. Махачкала: АЛЕФ; 2022. 178 с.
12. Magomedova M.Z. *Diversification of identity in the North Caucasian society: religious and ethnic levels*. Makhachkala: ALEF; 2022. 178 p. (In Russ.)
13. Магомедова М.З. Религиозная и этническая идентичность в полиэтноконфессиональном социуме. В: *Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) «Диалог культур в глобализирующемся мире»*. Махачкала: АЛЕФ; 2021. С. 71–73.
14. Magomedova M.Z. Religious and ethnic identity in a multi-ethno-confessional society. In: *Materials of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference (with international participation) “Dialogue of Cultures in a Globalizing World”*. Makhachkala: ALEF; 2021. Pp. 71–73. (In Russ.)
15. Магомедова М.З. Диверсифицированность идентичности в условиях информационного общества. Научный альманах стран Причерноморья. 2022;29(1):3–8. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2022-29-1-3-8>
16. Magomedova M. *Diversified Identity In the Information Society*. *Science Almanac of Black Sea Region Countries*. 2022;1:3–8. (In Russ.) <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2022-29-1-3-8>

Об авторе:

Магомедова Мадина Зайнудиновна, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, Региональный центр этнополитических исследований, Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН (367025, Российская Федерация, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45), [ORCID](#), [SPIN-код](#), spirow@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

About the Author:

Magomedova Madina Zainudinova, Cand. Sci. (Philosophy), leading research worker, Regional Center for Ethnopolitical Studies of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, (45, M. Gadzhiev St., Makhachkala, Dagestan Republic, 367025, Russian Federation), [ORCID](#), [SPIN-code](#), spirow@mail.ru

Conflict of Interest Statement: the author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final version of manuscript.

Поступила в редакцию / Received 20.12.2025

Поступила после рецензирования / Reviewed 05.01.2026

Принята к публикации / Accepted 12.01.2026

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

УДК 130.2, 364.2

Оригинальное теоретическое исследование

<https://doi.org/10.23947/2414-1143-2026-12-1-16-20>

Релятивизм ценностного мира и безопасность современного человека

Л.И. Жижилева

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

✉ larzhi73@yandex.ru

Аннотация

Введение. Современное общество создало систему мирного урегулирования большинства конфликтов, внедрило мощные и технологичные средства защиты от нападения противника, научилось продлевать жизнь человеку и создавать комфортные условия его существования. Однако до сих пор предметом обеспокоенности людей является социальная нестабильность, агрессия со стороны других стран, распространение вирусов, нарушение приватности пространства, создание опасностей через соцсети, телефонное мошенничество и т. д. Проблема онтологической и психологической безопасности продолжает оставаться актуальной и значимой для современного человека. Цель исследования – сравнительно-исторический анализ аспектов безопасного существования и связанной с ним системы ценностей, определяющей устойчивость и защищенность человека.

Материалы и методы. Анализируя статистические данные, показывающие современные угрозы и аспекты опасностей, значимые для людей, автор опирается на научные работы по философской антропологии, истории и аксиологии отечественных и зарубежных мыслителей. В исследовании применяется диалектический и сравнительно-исторический методы, аксиологический и системный подходы.

Результаты исследования. Традиционное общество с его достаточно прозрачной иерархической системой ценностей сформировало открытое, спокойное отношение к умиранию, миропонимание принятия конца, несмотря на недостаток средств жизнедеятельности, массовые эпидемии, высокую женскую и детскую смертность. Что касается современного общества, то оно создало внешние условия для более безопасного существования, наделило равными правами по отношению к закону разные слои населения, сформировало культуру более долгой и комфортной жизни. Однако в отсутствие понятной иерархии ценностей человек может воспринимать в качестве опасных в том числе и иллюзорные проблемы, тревожиться не по поводу конкретной ситуации, а в силу особенностей своего внутреннего состояния. Аксиологический релятивизм приводит к конформному существованию, в котором тревога укоренилась в человеке так, что им можно манипулировать. В этой связи необходимость устойчивой жизнедеятельности в мире постоянных изменений требует понятной и прозрачной системы ценностей и общественных институтов, на которые он мог бы опираться. Актуализация диалога о ценностях – это и есть работа по поддержанию безопасности человека.

Обсуждение и заключение. Исследование столкновения ценностей, особенно в условиях жестких политических режимов, показывает, что человеку с явным релятивизмом значимых аспектов жизни оказывается сложно адаптироваться к реальности, он не в состоянии выбирать и испытывает чувство вины. Наличие иерархии приоритетов и деятельность в соответствии с ними (например, гуманистической системой отношений) может его сориентировать на более осмысленную жизнь и, следовательно, внутренне мироощущение более безопасного существования.

Ключевые слова: ценность, аксиология, безопасность, опасность, иерархия, релятивизм ценностей

Для цитирования. Жижилева Л.И. Релятивизм ценностного мира и безопасность современного человека. *Научный альманах стран Причерноморья*. 2026;12(1):16–20. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2026-12-1-16-20>

Relativism of the Value World and the Security of Modern Person

Larisa I. Zhizhileva

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

✉ larzhi73@yandex.ru

Abstract

Introduction. Modern society has created a system for the peaceful resolution of most conflicts, introduced powerful and technologically advanced means of defense against enemy attacks, learned to prolong human life, and create comfortable conditions for human existence. However, people are still concerned about social instability, aggression from other countries, the spread of viruses, invasion of privacy, dangers posed by social networks, telephone fraud, etc. The issue of ontological and psychological security remains relevant and significant for modern humans. The aim of the study is to conduct a comparative historical analysis of aspects of safe existence and the associated system of values that determines human stability and security.

Materials and Methods. Analyzing statistical data showing contemporary threats and aspects of danger that are significant for people, the author draws on scientific works on philosophical anthropology, history, and axiology by Russian and foreign thinkers. The study employs dialectical and comparative-historical methods, as well as axiological and systemic approaches.

Results. Traditional society, with its fairly transparent hierarchical system of values, has formed an open, calm attitude towards death and an understanding of the world that accepts the end, despite the lack of resources, mass epidemics, and high female and infant mortality rates. As for modern society, it has created external conditions for a safer existence, granted equal rights under the law to different segments of the population, and formed a culture of longer and more comfortable life. However, in the absence of a clear hierarchy of values, people may perceive illusory problems as dangerous and worry not about a specific situation, but because of the peculiarities of their internal state. Axiological relativism leads to a conformist existence in which anxiety is so ingrained in people that they can be manipulated. In this regard, the need for stable life in a world of constant change requires a clear and transparent system of values and social institutions on which it can rely. Actualizing the dialogue about values is the work of maintaining human security.

Discussion and Conclusion. Research into the clash of values, especially in harsh political regimes, shows that people with a clear relativism of significant aspects of life find it difficult to adapt to reality, are unable to make choices, and experience feelings of guilt. Having a hierarchy of priorities and acting in accordance with them (for example, a humanistic system of relationships) can guide them toward a more meaningful life and, consequently, an inner sense of a more secure existence.

Keywords: value, axiology, safety, danger, hierarchy, relativism of values

For Citation. Zhizhileva L.I. Relativism of the Value World and the Security of Modern Man. *Science Almanac of Black Sea Region Countries*. 2026;12(1):16–20. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2026-12-1-16-20>

Введение. Сегодня обеспечение безопасности является довольно важной задачей, связанной с функционированием государств, общества и человека. Международное и внутригосударственное право ориентированы на создание условий по защите телесности, здоровья, окружающей среды, сохранение мирной жизни как условия стабильного состояния и развития личности. Безопасность рассматривается и как базовая потребность человека (А. Маслоу), без которой невозможна его нормальная жизнедеятельность.

Однако при многих разнообразных усилиях международных сообществ, государств и структур гражданского общества эта тема остается актуальной. Так, в России, согласно данным доклада Управомоченного по правам человека в РФ за 2024 г., особую обеспокоенность среди россиян вызывают внешние факторы, такие как угрозы массовых эпидемий или нападения других стран. Среди внутренних проблем значимыми оказываются опасения за сохранность банковского счета, электронной почты, социальных сетей, рост бытового насилия, телефонного мошенничества. Коррупция среди государственных служащих и недоработки правоохранительных органов делают эти проблемы особо значимыми [1]. При всех возможных усилиях самих стран и международного сообщества, направленных на обеспечение безопасности и защищенности человека, эта проблема остается, более того, появляются новые угрозы существованию человека.

В психологическом и онтологическом измерениях проблема безопасности раскрывается как сложный, многоуровневый феномен, связанный с переживанием человека, социальным взаимодействием и системой ценностей. Отсюда актуальность исследования, важность диалога при рассмотрении вопросов, связанных с безопасностью как состоянием защищенности человека и системой ценностей в условиях их деградации и релятивизма в современную эпоху.

Материалы и методы. Анализируются работы отечественных зарубежных авторов философско-антропологической и аксиологической направленности. В исследовании применяется диалектический метод как один из фундаментальных подходов, рассматривающий проблематику через призму противоречий, развития и взаимосвязи всех явлений. С позиции системного подхода, безопасность исследуется как свойство сложных, многоуровневых

систем. Аксиологический подход дает возможность исследовать проблему безопасности через призму ценностей. В работе также применяются сравнительно-исторический и другие общетеоретические методы исследования.

Результаты исследования. Обратим внимание на такие особенности человеческой субъективности, как восприятие значимых для человека ценностей и ощущение безопасности в разные периоды времени. Нам представляется, что от традиционного общества к современному произошли аксиологические трансформации, связанные не просто с возможностью выбора значимых аспектов жизни, а сопряженные с ситуацией относительности их существования. В этой связи тема опасности пространства все более ощущается не на телесном, внешнем уровне, а на внутреннем. Об этом, в частности, свидетельствует активное развитие психологических наук, в частности, практической психологии, позволяющей человеку ощущать себя относительно спокойно, обладая некоторым внутренним набором смыслов и ценностей.

В традиционном обществе мы находим систему представлений, построенную на том, что идентичность в виде тождества является основой устройства мира (Парменид, Платон, Аристотель). А. Кожев, исследователь творчества Г. Гегеля, указывал, что в нем «идентичность = бытию», и только своим трудом или борьбой человек вносит изменения в эту систему [2, с. 31–35]. Другой исследователь М. Фуко отметил, что мир в таком обществе устроен по принципу соответствия между словами и вещами, что означало наличие иерархии ценностей с идеальной моделью, которую копировали в социальном опыте [3]. У человека с рождения был некоторый набор норм и правил, отличающийся в соответствии с полом, социальным статусом. Их регулярное воспроизводство и обеспечивало его безопасность.

Так, в античном обществе идеал человека строился в соответствии с представлениями о разумном политически активном и физически пропорциональном мужчине, наделенном добродетелями. Именно он должен был обеспечивать безопасность полиса от военных угроз, хотя сам постоянно находился перед лицом неминуемой смерти. Однако система ценностей, в которой человек воспринимал себя частью большого Космоса как единого циклического пространства, в котором есть возвращение, возможность пользоваться благами социального опыта, позволяла чувствовать себя в этом надежно.

Обеспечение внутренней устойчивости, преодоление страха и противодействие угрозам рассматривалось, например, как путь стоика, который готов был завершить свою жизнь в любой момент. Так, Сенека отмечал, что чувство безопасности связано со спокойствием духа, безмятежностью, исчезновением всяких страхов, по сути оно представляет собой испытание счастья. Можно предположить, что такое же состояние связано с камнями, животными и людьми, не осознающими себя. Однако же у них недостает разума, чтобы распознать преимущество данного состояния [4, с. 167–192].

Для большей части неграждан, какими были, например, рабы и женщины полиса, ситуация могла выглядеть иначе. Им обеспечивалась вещеподобное положение и безопасность зависела от рачительности хозяина, который умеет скрывать и беречь свое «имущество». Последнее в свою очередь создавало условия для его существования как воина, политического деятеля, собственника земли. Складывалась своеобразная ситуация, в которой гражданин античного полиса с устойчивым мировоззрением и находившийся регулярно перед лицом физической смерти, ощущал себя более в безопасности, чем женщина, которая не имела социальных привилегий, не могла себя защитить сама и ощущала постоянно угрозу нарушения ее телесной целостности.

В Средневековье постоянная близость смерти составляла необходимую часть человеческой жизни, особенно среди воинского сословия. Страх физического уничтожения компенсировался как христианскими представлениями о посмертной жизни (в раю, аду, чистилище), так и тем, что сама Церковь поощряла войну как богоугодное дело [5]. Действуя в соответствии с кодексом рыцарской чести, воин умирал ради великой цели. Такие обстоятельства, как высокая смертность разных лиц в этот период (особенно младенцев, женщин от осложнений во время родов, заразившихся смертельной болезнью в ходе эпидемий), переживание конца жизни совместно и открыто создавали условия для большего его принятия, а не отрицания, что, по мнению Ф. Арьеса, позволяло говорить о том, что смерть «приручена» [6]. Физическая кончина не завершала человека, особенно тогда, когда он воспринимал свое поведение в соответствии с требованиями общества, ожидая поощрения в иной жизни.

Интересным аспектом защищенности человека становится провозглашение в конституциях европейских государств неприкосновенности личности, ее имущества от посягательств, а также другие права и свободы в Новое время. Для их обеспечения активно формируется пенитенциарная система, органы полиции, обширная сеть психиатрических заведений. С одной стороны, происходит становление либерально-демократических ценностей, позволяющих говорить об индивидуальном развитии личности, но с другой – воля ставится в границы разума (Р. Декарт), что создает условия для складывания дисциплинарного общества (М. Фуко).

Оно обеспечивает внешнюю безопасность для разных категорий граждан, о чем свидетельствует как результативная борьба с эпидемиями, развитие системы медицины, успешно справляющейся с родами и поддержкой младенцев, так и возможность социальной адаптации лиц, ранее не занятых в общественной жизни. Так, женщины стали включаться в общественную жизнь, в частности, учиться, работать, посещать общественные места, ранее недоступные им (например, кафе, бары). Так, с середины XIX в. на улицах появляются представительницы среднего класса, спешащие в библиотеку, на лекции, в универмаг, где они могли чувствовать себя комфортно. В те времена они все же вынуждены были двигаться по улице быстро в отличие от мужчин-фланеров, чтобы не быть принятыми за проституток [7]. Кроме того, важным свидетельством ослабления власти над человеческим телом

является прекращение публичных пыток преступников в конце XVII–XIX вв., о чем пишет М. Фуко. Правонарушителя теперь ограничивают в свободе, но перестают причинять ему телесную боль [8, с. 17].

Однако серьезными проблемами дисциплинарного общества является формирование релятивной системы ценностей и зависимости человека, перемещение вопросов безопасности на уровень внутренних ощущений, когда человек начинает бояться не реальных предметов окружающего мира, а порой, надуманных (можно вспомнить, что З. Фрейд говорил о влиянии культуры на возникновение неврозизма). В отсутствие иерархии аксиологических аспектов культуры (что связано в том числе и со «смертью Бога») выбор человека не является ни окончательным, ни важным для него на сколько-нибудь продолжительное время. Все относительно и всякий раз может измениться, что вызывает тревогу. Так, например, ценность свободы, когда-то значимая для оппозиции, становится важной частью конституционных элементов государства и предъядляется властью как значимая для нее, что указывает на утрату первоначального смысла (освобождения от феодальной зависимости).

В современной культуре ценностный релятивизм выражен, например, не мощью авторитета (такого, как например, христианский Бог), а тем, что в общественную жизнь вторгается множество частных примеров (что сегодня демонстрируют социальные сети), которым можно следовать [5, с. 76]. В отсутствие иерархической модели и при широкомасштабном контроле общество представляет собой систему подобию, симулякров, в которой безопасным на какое-то время является конформное поведение [3].

Проблемной ситуация релятивизма ценностей становится при их конкуренции. Например, в крайне небезопасной для человека жесткой политической системе его выживание будет связано с выбором поведенческих стратегий, которые порой не согласуются с его моральными приоритетами, ведут к ощущению вины. Так, работа обычных немцев в концентрационных лагерях во время Второй мировой войны объяснялась ими в том числе их крайней наивностью, если речь не шла о том, что они действительно верили в идеи расовой чистоты. Кто-то из них говорил, что просто привык исполнять приказы начальства, а для кого-то такая работа представляла собой возможность продвинуться по службе [9]. Вопросы личного благополучия, с одной стороны, и уничтожения большей части населения, с другой, могли конкурировать друг с другом в ситуации морального выбора.

Таким образом, мы установили, что ценностная ориентация традиционного общества на смысловые элементы безопасности (божественную помощь, возможность возвращения в мир, благополучие посмертной жизни, социальный престиж др.) создавала ощущение устойчивости, в то время как релятивизм ценностей современного общества при создании дисциплинарной системы вызывал повышенную тревогу, особенно в условиях их конкуренции, давал повод для многочисленных манипуляций и конформного поведения [10]. Следовательно, при всей тщательности создания внешних элементов защищенности сегодня человек продолжает нуждаться в устойчивой системе ценностей, более осмысленной жизнедеятельности.

Обсуждение и заключение. Современные люди находятся в пространстве многообразия ценностей, опираясь на свой выбор в случае безопасности и подстраиваясь под других в обратной ситуации. Мы также можем столкнуться с проблемой морального выбора. Не понимая, на что опереться, мы попадаем в пространство неизвестного, шаткого, ненадежного, вызывающего тревогу и ориентируемся на других.

Если человек и научился выживать, всякий раз подстраиваясь под поведение других, то сможет ли он прожить свою жизнь полноценно? Будет ли он при этом ощущать себя безопасно, несмотря на конформное поведение, которое приносит лишь временный эффект? Нам представляется, что наш современник нуждается не в ориентации на других, а в осознанном с опорой на мышление и рефлексии понимании иерархии ценностей, в которой он может сделать свой выбор. И если она не сформировалась в детстве, то ее следует осмыслить взрослому человеку. Такое осознанное существование создает и внутреннее ощущение согласия с собой. Действуя в рамках некоторых устойчивых смысловых ориентиров, современный человек, как когда-то стоик, может формировать свою зону безопасности, в которой он проживает себя.

В заключение отметим, что система ценностей в обществе обеспечивает безопасность, создавая предсказуемый, осмысленный мир и объединяя людей в устойчивые сообщества. Проблема в том, что с течением времени эта система может устаревать, вступать в конфликт с другими системами или быть разрушена, оставляя человека один на один с хаосом. В современную эпоху глобализации релятивизм стал мейнстримом мышления. Это есть результат крушения традиционных обществ и уход от жестких религиозных и патриархальных догм; результат распространения мультикультурализма; информационной перегруженности и формирования бесконечного множества мнений, в котором легко потерять точку опоры. Безопасность требует предсказуемости и устойчивости, релятивизм эти правила размывает. Релятивизм ценностей создает вакуум неопределенности, и индивиды теряют чувство защищенности, что делает проблему исследования онтологической и психологической безопасности центральной для философского осмысления современности.

Учитывая значимость когда-то философских школ для античной культуры или монастырей для средневековой, стоит отметить, что современный человек также нуждается в структурах гражданского общества, которые бы помогали ему осознанно справляться с ценностными выборами, не допускать манипуляции его сознанием.

Список литературы / References

1. Доклад Уполномоченного по правам человека при Президенте РФ за 2024 г. URL: <https://rg.ru/documents/2025/02/26/doklad-2024-god-sitedok.html?ysclid=mhok0u20bn367263884> (дата обращения: 07.11.2025).

Report of the Commissioner for Human Rights under the President of the Russian Federation for 2024. (In Russ.)
URL: <https://rg.ru/documents/2025/02/26/doklad-2024-god-sitedok.html?ysclid=mhok0u20bn367263884> (accessed: 07.11.2025)

2. Кожев А. *Диалектика реального и феноменологический метод у Гегеля. Идея смерти в философии Гегеля.* Москва: Логос, Прогресс-традиция; 1998. 208 с.

Kozhëva A. *The Dialectic of the Real and the Phenomenological Method in Hegel. Introduction to the Reading of Hegel.* Moscow: Logos, Progress-traditsiya; 1998. 208 p. (In Russ.)

3. Фуко М. *Слова и вещи. Археология гуманитарных наук.* Санкт-Петербург: А-сэд; 1994. 406 с.

Foucault M. *The Order of Things. An Archeology of the Human Sciences.* Saint Petersburg: A-cad; 1994. 406 p. (In Russ.)

4. Сенека. О счастливой жизни. Из кн. *Римские стоики: Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий.* Москва: Республика; 1995. 462 с. С. 167–192.

Seneca. On the Happy Life. From the book “*Roman Stoics: Seneca, Epictetus, Marcus Aurelius*”. Moscow: Respublika; 1995. Pp. 167–192 (In Russ.)

5. Басов И.И. *Западноевропейское рыцарство XII–XV вв. в евразийском историко-культурном контексте: этика противостояния (опыт сравнительно-исторического исследования).* Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ставрополь; 2005. 27 с.

Basov I.I. *Western European chivalry of the 12th–15th centuries in the Eurasian historical and cultural context: the ethics of confrontation (an attempt at comparative historical research).* Abstract of a dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences. Stavropol; 2005. 27 p. (In Russ.)

6. Арьес Ф. *Человек перед лицом смерти.* Москва: Издательская группа «Прогресс» – «Прогресс-Академия»; 1992. 528 с.

Aries Ph. *Images of Man and Death.* Moscow: Publishing group “Progress” – “Progress Academy”; 1992. 528 p. (In Russ.)

7. Аладжалова А. *Покорение города. Как менялся образ жизни и верхняя одежда женщин в XIX веке.* *Familio media.* 8.03.2021. URL: <https://familio.media/history-and-we/pokorenie-goroda/> (дата обращения: 14.11.2025).

Aladzhalova A. *Conquering the City: How Women’s Lifestyle and Outerwear Changed in the 19th Century.* *Familio media.* 8.03.2021. (In Russ.) URL: <https://familio.media/history-and-we/pokorenie-goroda/> (accessed: 14.11.2025).

8. Фуко М. *Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы.* Москва: Ad Marginem; 1999. 478 с.

Foucault M. *Discipline and Punish: The Birth of the Prison.* Moscow: Ad Marginem; 1999. 478 p. (In Russ.)

9. Карпов М. *Жертвы обстоятельств. Что заставляло обычных немцев безжалостно истреблять другие народы.* *Lenta.ru* от 5.07.2017. URL: <https://lenta.ru/articles/2017/07/05/moral/> (дата обращения: 15.11.2025).

Karpov M. *Victims of Circumstances. What Driven Ordinary Germans to Ruthlessly Exterminate Other Peoples.* *Lenta.ru* from 5.07.2017. (In Russ.) URL: <https://lenta.ru/articles/2017/07/05/moral/> (accessed: 15.11.2025).

10. Бауман З. *Текущая современность.* Пер. с англ. С.А. Комаров Москва: Питер; 2008. 238 с.

Bauman Z. *Liquid Modernity.* Translated from English by S.A. Komarov Moscow: Piter; 2008. 238 p. (In Russ.)

Об авторе:

Жижилева Лариса Ивановна, кандидат философских наук, доцент кафедры «Гуманитарные дисциплины», Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Российская Федерация, 119571, г. Москва, пр-т Вернадского, 82, стр. 1), [ORCID](#), [SPIN-код](#), larzhi73@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

About the Author:

Zhizhileva Larisa Ivanovna, Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Department of Humanities, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82/1, Vernadsky Av., Moscow, 119571, Russian Federation), [ORCID](#), [SPIN-code](#), larzhi73@yandex.ru

Conflict of Interest Statement: the author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final version of manuscript.

Поступила в редакцию / Received 01.12.2025

Поступила после рецензирования / Reviewed 15.12.2025

Принята к публикации / Accepted 18.12.2025

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 37.014.544

<https://doi.org/10.23947/2414-1143-2026-12-1-21-25>

Оригинальное теоретическое исследование

Устойчивость к информационной неопределенности как фактор профессионального развития студентов в высшем образовании

О.А. Матвеева

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

✉ oleksisa@mail.ru

Аннотация

Введение. Динамическое состояние внешней среды определяет значимость способности личности к преодолению информационной неопределенности. В сфере образования адаптивные свойства и аналитические навыки играют ключевую роль в выстраивании системы профессионального развития обучающихся, в связи с чем целью исследования является изучение механизмов формирования устойчивости к ситуациям неопределенности у студентов высшего образования в качестве фундамента для личностной идентификации и карьерного роста будущих специалистов.

Материалы и методы. Исследование строится на базе мета-анализа, систематизации и структуризации релевантных эмпирических изыскания, сравнение и синтез которых позволяют выявить корреляцию между уровнем толерантности к неопределенности и возможностями профессиональной реализации личности.

Результаты исследования. В рамках исследования определены ключевые психологические, компетентностные и организационные образовательные факторы, воздействующие на формирование устойчивости студентов к информационной неопределенности, а также изучены механизмы преодоления непредвиденных ситуаций в рамках учебной деятельности высшего образования. Значительным этапом в выстраивании обозначенных навыков является определение эффективных педагогических методик взаимодействия преподавателей и студентов, а также реализация инновационных дидактических принципов и инструментов.

Обсуждение и заключение. Полученные данные позволяют понять психологические аспекты формирования личности студента в условиях неопределенности, дают возможность проанализировать организационные особенности выстраивания педагогической среды и актуальных дидактических средств с целью модернизации системы высшего образования.

Ключевые слова: Устойчивость к информационной неопределенности, дидактические принципы, педагогика, система высшего образования, адаптивность, критическое мышление

Для цитирования. Матвеева О.А. Устойчивость к информационной неопределенности как фактор профессионального развития студентов в высшем образовании. *Научный альманах стран Причерноморья*. 2026;12(1):21–25. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2026-12-1-21-25>

Original Theoretical Research

Resistance to Information Uncertainty as a Factor of Students' Professional Development in Higher Education

Olesya A. Matveeva

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

✉ oleksisa@mail.ru

Abstract

Introduction. The dynamic state of the external environment determines the significance of the individual's ability to overcome information uncertainty. In the field of education, adaptive properties and analytical skills play a key role in building a system of students' professional development, in connection with which the purpose of the study is to study the

mechanisms of forming resistance to situations of uncertainty among students of higher education as a basis for personal identification and career growth of future specialists.

Materials and Methods. The study is based on meta-analysis, systematization and structuring of relevant empirical research, the comparison and synthesis of which allows us to identify the correlation between the level of tolerance to uncertainty and the possibilities of professional realization of the personality.

Results. Within the framework of the study, key psychological, competence and organizational educational factors affecting the formation of students' resistance to information uncertainty were identified, as well as mechanisms for overcoming unforeseen situations within the framework of the educational activities of higher education were studied. A significant step in building these skills is the definition of effective pedagogical methods of interaction between teachers and students, as well as the implementation of innovative didactic principles and tools.

Discussion and Conclusion. The data obtained make it possible to understand the psychological aspects of the student's personality formation in conditions of uncertainty, make it possible to analyze the organizational features of building a pedagogical environment and relevant didactic means in order to modernize the higher education system.

Keywords: resistance to information uncertainty, didactic principles, pedagogy, higher education system, adaptability, critical thinking

For Citation. Matveeva O.A. Resistance to Information Uncertainty as a Factor of Students' Professional Development in Higher Education. *Science Almanac of Black Sea Region Countries*. 2026;12(1):21–25. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2026-12-1-21-25>

Введение. В современных реалиях неопределенность становится повсеместным атрибутом человеческой жизни, требующей развития адаптационных навыков к новым технологическим и информационным условиям.

Неопределенность подразумевает ситуации, соответствующие теории непредвиденных обстоятельств [1, с. 266], например, отсутствие данных или размытость информации, социальные изменения, экономические кризисы, политические трансформации и т. д., которые невозможно предвидеть в рамках трудовой деятельности, образования или частной жизни. Сталкиваясь с подобными событиями, индивид пытается управлять ими или, по крайней мере, сократить их неблагоприятные последствия, инициативно используя ситуацию в собственных целях, в реализации которых гибкость и адаптивные способности играют ключевую роль для личного роста, профессионального развития и карьерного продвижения.

Как отмечают И. Розина, Н. Маланьюк, Н. Цумарева и другие, гибкие профессиональные навыки, такие как: креативность, инновационность, самоорганизация, коммуникативность и способность работать в неопределенных условиях, становятся все более важными из-за постоянной эволюции требований рынка труда [2].

Освоение этих компетенций имеет фундаментальное значение для обеспечения ассимиляции молодых специалистов в различные сферы профессиональной деятельности [2]. В системе просвещения, в частности, в высшем образовании, устойчивость к информационной неопределенности означает стабильность когнитивных процессов, гибкое формирование личностной и профессиональной идентичности, а также способность рационально принимать решения и действовать в ситуациях амбивалентности, изменчивости и противоречивости. В научном дискурсе рассматриваемое понятие имеет множество интерпретаций и широко известно под термином «толерантность к неопределенности». По словам И.Н. Леонова, «толерантность к неопределенности может рассматриваться как личностная черта характера, как ситуационно-специфичная установка» [3, с. 44], приобретаемый навык и «метакогнитивный процесс» [3, с. 44].

Современные исследования показывают, что феномен неопределенности можно предугадать и преодолеть посредством выстраивания определенных моделей и организационных структур. Согласно мнению М. Смитсона, существуют некоторые принципы и способы, которым необходимо следовать в этом процессе, чтобы управлять неопределенностью: начинать следует с изучения обстоятельств (неопределенность должна быть выявлена, оценена и проанализирована), затем проводится уменьшение или сглаживание негативного воздействия, далее принятие неизбежной ситуации приводит к необходимости контролировать или использовать ее в своих целях [4, с. 20].

Исходя из существующих рекомендаций, можно сказать, что они имеют достаточно обобщенный характер и не всегда сопоставимы с проблемами, возникающими в сфере образования. В этой связи целью исследования является изучение механизмов выстраивания устойчивости к информационной неопределенности у студентов высшего образования в качестве фундамента профессионального развития будущих специалистов.

Материалы и методы. Систематический обзор и мета-анализ релевантных исследований (S. Varlık, I. Rozina, N. Malaniuk, A. Kalyniuk, L. Potariuk, N. Tsumarieva, M. Н. Юртаева и другие) позволяет оценить эффективность существующих моделей и принципов преодоления информационной неопределенности в рамках парадигмального подхода, который утверждает неоспоримость внешних факторов и объективно рассматривает реальность и оценивает ключевые факты [5].

Сравнение и синтез актуальных подходов позволяют выявить корреляцию между существующими концепциями выстраивания толерантности к неопределенности, а также определить, как подобные навыки воздействуют на различные аспекты жизнедеятельности, обучения и профессионального роста студентов. Оценка устойчивости индивидов по отношению к обстоятельствам информационной неопределенности подразумевает определе-

ние уровня стресса и беспокойства в непредвиденных ситуациях, что обуславливает необходимость изучения ряда психологических факторов, запускающих гомеостаз внутренних регулятивных систем личности.

В области педагогики изучение вопросов формирования устойчивости к неопределенности связано с организацией дидактического инструментария, способствующего обучению студентов высшего образования адаптационным навыкам и компетенциям.

Результаты исследования. Воспитание толерантности к ситуациям информационной неопределенности в условиях высшего образования представляется крайне важным этапом в развитии личностного и профессионального потенциала студентов. Подобные навыки позволяют лучше адаптироваться к новым условиям и рискам, способствуют рационализации процесса принятия решений, а также ограничивают факторы неблагоприятного эмоционального воздействия внешних явлений на психику и когнитивные способности индивида.

Как показывают эмпирические исследования, показатель толерантности к неопределенности, присутствующий у личности, напрямую коррелирует с «гибкостью познавательного контроля и рефлексивностью» [6, с. 74], что подтверждает факт о том, что «лица, толерантные к неопределенности, более успешны в условиях субъективной неопределенности (неуверенности) и ситуации когнитивного конфликта, требующей принятия нового способа действия» [6, с. 74–75].

В рамках изучения рефлексивности и психологических особенностей личностного восприятия непредвиденных обстоятельств, эмпирически подтвержденным обобщением, согласно методикам оценки толерантности к неопределенности Д. МакЛейна и С. Баднера, является корреляция когнитивного стиля личности с ее адаптивным потенциалом: индивиды с выраженной импульсивностью, крайней аналитичностью и ригидностью показывают когнитивные искажения в сторону ошибочной оценки внешних факторов как неконтролируемых, опасных и критических, что определяет их модель поведения как избегающую или интолерантную к неопределенности [6, с. 76–77].

Другими словами, лица, которые не могут принять неопределенность, будут испытывать крайнюю тревогу, страх и беспокойство в подобных условиях, не смогут эффективно управлять ситуацией в непредвиденных обстоятельствах и принимать взвешенные решения [7, с. 940]. В этой связи особенно значимым для сферы образования является освещение психологических особенностей личностного восприятия студентов при составлении организационных подходов и подборе мотивационных инструментов.

Поддержание благотворной психологической атмосферы в рамках учебной деятельности возможно за счет формирования доверительных отношений между педагогом и студентами. «Выстраиваясь посредством эмпатии, педагогического авторитета, благосклонности учащихся, межличностное персонифицированное доверие играет ключевую роль в преодолении дидактической неопределенности» [8, с. 102].

«Говоря о межличностном персонифицированном доверии, можно утверждать, что его уровень напрямую зависит от профессиональной компетентности педагога, включающей коммуникативную, интеллектуально-педагогическую, информационную и регулятивную составляющие» [9, с. 280]. Интеллектуальный и информационный компоненты формируются на базе когнитивного опыта и знаний педагогов, постоянное обновление и развитие которых дают возможность предугадать потенциальные риски и изменения в системе образования, своевременно и рационально реагировать на кризисные ситуации посредством освоения новых дидактических методик и инновационных возможностей.

Интеграция современных технологий также отражает гибкость образовательных структур и отзывчивость к внешним цифровым изменениям, что позволяет студентам усваивать тенденции современности и не бояться прогрессивных решений.

Сглаживание информационной неопределенности возможно посредством освоения информационно-коммуникативных возможностей в области организации, регулирования и управления внешними процессами. Осваивая навык информационного поиска (критического анализа, подбора и систематизации данных), студенты могут оценить достоверность фактов, их ценность и релевантность. Поэтому критическое мышление с учетом широкого кругозора способствует выстраиванию причинно-следственных связей в происходящих событиях, и, соответственно, устраняет информационную расплывчатость и фрагментарность.

В процессе организации образовательной деятельности важным является не только взаимодействие педагогов и обучающихся, но также упорядоченность и согласованность всех учебных подразделений. С учетом многоуровневости учреждений высшего образования, исключение неопределенности возможно только за счет кооперации педагогов и сотрудников, координации в деятельностных подходах, четкого внутреннего администрирования и управления.

Целостность образовательной системы и устойчивость к непредвиденным обстоятельствам определяется ее интегративными возможностями и инклюзивностью. Дидактическая открытость учебных программ к различным видам учебной деятельности (формальное и неформальное образование, цифровое и информационное образование и т. д.) в совокупности с доступностью образовательной среды, учитывающей вариативные потребности и возможности студентов, способствует формированию дополнительных компетенций, таких как: толерантность, эмпатия, мобильность, ответственность и т. д.

В рамках учебных занятий развитие навыка устойчивости к информационной неопределенности возможно посредством включения таких педагогических принципов, как: дихотомический анализ и средовой метод. Как определяет В.К. Раев, «Дихотомический анализ является инструментом снятия информационной неопределенности путем деления и классификации частей объектов деления. Этот подход дает возможность: определить части

объекта или структурную вложенность; выявить иерархию между частями объекта; оценить сложности структуры объекта; обнаружить системные свойства объекта исследования и ответить на вопрос «является ли данный объект сложной системой или нет?» [10, с. 10–11].

Подобные аналитические исследования явлений и событий по принципу «от сложного к простому» позволяет эффективно обрабатывать информацию, исключая незначительные косвенные элементы и структурируя основополагающие знания.

Средовой подход подразумевает учет и использование возможностей среды в педагогических целях [11, с. 22]. В условиях информационной неопределенности понятие «среда» может подразумевать совокупность внешних факторов и условий, формирующих ориентиры жизнедеятельности людей (образовательные ресурсы, информационно-коммуникационные средства, социокультурные процессы и т. д.). В данном случае функциональными задачами педагогов считаются: адаптация экспериментальных методик, применения высокотехнологических инструментов, обустройство и оформление образовательного пространства в соответствии с тенденциями современности [12, с. 182].

Возможности изучения способов выстраивания устойчивости к информационной неопределенности должны четко отслеживаться с течением времени. Оценка прогресса студентов посредством качественных методов (наблюдение, интервью, дискуссии, контент-анализ) позволит структурировать личный и коллективный опыт обучающихся, их достижения и непроработанные аспекты. Такие исследования позволяют выявить кривые развития профессиональных навыков в ответ на внешние изменения.

Исходя из сказанного, можно прийти к обобщению, что множественные непредвиденные вызовы сегодняшней действительности имеют свою ценность и значимость в системе образования. Во-первых, они способствуют дидактической модернизации учебных структур и постоянному развитию педагогического состава. Во-вторых, рациональное столкновение с неопределенными обстоятельствами способствует выстраиванию адаптивности и устойчивости студентов, что имеет решающее значение для будущей профессиональной реализации. Кроме того, освоение механизмов преодоления информационной неопределенности помогает снизить тревожность и содействует психологической стабильности личности, что в будущем позволит специалистам не только эффективно справляться с проблемами, но также трансформировать и переориентировать их в направлении карьерного роста и развития.

Обсуждение и заключение. Как показало исследование, актуальное состояние общества и рынка труда, который характеризуется волатильностью и стремительными изменениями, требует развития навыка приспособляемости к неопределенности для успешной карьеры молодых специалистов [2].

Профессиональная идентичность и самореализация возможна только при условии высокой личностной толерантности к неопределенности. Мета-анализ показал, что студенты с высоким уровнем информационной устойчивости имеют более четкие представления о своих карьерных целях, проявляют большую уверенность в собственных знаниях и профессиональных навыках, а также гибко и рационально реагируют на непредвиденные ситуации.

Результаты исследования представляются особенно значимыми для сферы образования в целях модернизации дидактической среды. Понимание организационных особенностей выстраивания педагогической системы способствует совершенствованию способов координации всех иерархических элементов в высших учебных заведениях. Изучение психологических аспектов формирования профессиональной идентичности студентов дает возможность модернизировать существующие учебные программы, методики и дидактические подходы, ориентированные на персонализированное обучение, гуманизацию, толерантность, а также развитие навыков критического мышления, самоорганизации и ответственности.

В качестве базы для будущих исследований сообразным является проведение эмпирического компонентного анализа изменений в процессе выстраивания профессиональной идентичности студентов посредством устойчивости к информационной неопределенности на различных этапах обучения и квалификационной деятельности.

Список литературы / References

1. Varlık S. An Investigation of Uncertainty Intolerance and Uncertainty Management Research in Educational Institutions: Meta-Analysis Study. *Kastamonu Eğitim Dergisi*. 2023;31:265–293. <https://doi.org/10.24106/kefdergi.1271533>
2. Rozina I., Malaniuk N., Kalyniuk A., Potapiuk L., Tsumarieva N. Tolerance to uncertainty as a factor in the development of higher education students' professional identity. *Sapientia: International Journal of Interdisciplinary Studies*. 2024;5. <https://doi.org/10.51798/sijis.v5i4.881>
3. Леонов И.Н. Толерантность к неопределенности как психологический феномен: история становления конструкта. *Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика»*. 2014;4:43–52.
Leonov I.N. Tolerance to uncertainty as a psychological phenomenon: the history of the formation of the construct. *Bulletin of Udmurt University. Series "Philosophy. Psychology. Pedagogy"*. 2014;4:43–52. (In Russ.)
4. Smithson M., Bammer G. The many faces and masks of uncertainty. Uncertainty and risk multidisciplinary perspectives. *Earthscan*. 2008;1;13–25.
5. Gunbayi I., Sorm S. *Social Paradigms in guiding management social development and social research*. Ankara: Pegem Academy; 2020.
6. Юртаева М.Н. Исследование когнитивных и личностных особенностей толерантности к неопределенности. *Образование и наука*. 2010;8:71–78.

Yurtaeva M.N. Cognitive and personal features of tolerance to ambiguity. *The Education and Science Journal*. 2010;8:71–78. (In Russ.)

7. Buhr K., Dugas M.J. The intolerance of uncertainty scale: psychometric properties of the English version. *Behaviour Research and Therapy*. 2002;40:931–945. [https://doi.org/10.1016/s0005-7967\(01\)00092-4](https://doi.org/10.1016/s0005-7967(01)00092-4)

8. Матвеева О.А. Обоснование принципа неопределенности в современном образовании и возможности его преодоления. *Проектирование. Опыт. Результат*. 2025;1:99–104.

Matveeva O.A. Justification of the principle of uncertainty in modern education and the possibility of its overcoming. *Designing. An experience. Result*. 2025;1:99–104. (In Russ.)

9. Петраш Е.А., Манулова Е.А. Механизмы формирования доверия между субъектами образовательного процесса в обществе риска и неопределенности. *Педагогика. Теория и практика*. 2020;5(3):277–281. <https://doi.org/10.30853/pedagogy.2020.3.1>

Petrash E.A., Manuilova E.A. Mechanisms to Develop Trust between Educational Process Subjects in the Society of Risk and Uncertainty. *Pedagogy. Theory & Practice*. 2020;5(3):277–281. (In Russ.) <https://doi.org/10.30853/pedagogy.2020.3.1>

10. Раев В.К. Дихотомический метод уменьшения информационной неопределенности. *Перспективы науки и образования*. 2017;2(26):7–11.

Raev V.K. Dichotomous method of reducing information uncertainty. *Perspectives of Science & Education*. 2017;2(26):7–11. (In Russ.)

11. Швачко Е.В., Калугина Т.А. Средовой подход в методологии педагогического исследования: содержательный и функциональный аспекты. *Педагогическая наука и практика*. 2017;3(17):21–25.

Shvachko E.V., Kalugina T.A. The average approach to the methodology of pedagogical research: meaningful and functional aspects. *Orleu. Bulletin of Continuous Education*. 2017;3(17):21–25. (In Russ.)

12. Крылова Н.Б. *Культурология образования. Народное образование*. 2000. 272 с.

Krylova N.B. *Culturology of education. Public education*. 2000. 272 p. (In Russ.)

Об авторе:

Матвеева Олеся Александровна, преподаватель кафедры «Социальные и спортивные педагогические технологии», Донской государственной технической университет (Российская Федерация, 344003, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [ORCID](#), [SPIN-код](#), oleksisa@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

About the Author:

Matveeva Olesya Aleksandrovna, Lecturer, Department of Social and Sports Pedagogical Technologies, Don State Technical University, (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [ORCID](#), [SPIN-code](#), oleksisa@mail.ru

Conflict of Interest Statement: the author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final version of manuscript.

Поступила в редакцию / Received 05.12.2025

Поступила после рецензирования / Reviewed 18.12.2025

Принята к публикации / Accepted 20.12.2025

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 316.334

<https://doi.org/10.23947/2414-1143-2026-12-1-26-30>

Оригинальное теоретическое исследование

Лингвокультурный анализ текстов урбанистического дискурса Ростова-на-Дону

Н.П. Ревякина , Е.Е. Сахарова ✉

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

✉ elenasakharova19@bk.ru

Аннотация

Введение. В современной гуманитарной парадигме город трактуется как текст. Этим обусловлена возможность вести исследовательские поиски в фокусе специфической информации, которую такой текст может транслировать в условиях урбанистического дискурса. Поэтому необходимость изучения городских текстов как инструментов формирования локальной идентичности в условиях мультикультурного общества в эпоху глобальных перемен приобретает все большую актуальность и значимость. Цель исследования – выявить специфику лингвокультурных маркеров в текстах городской среды Ростова-на-Дону и определить культурные коннотации, связанные с локальной идентичностью.

Материалы и методы. Материалом исследования послужили наиболее важные элементы города: городские граффити и муралы, вывески, слоганы, реклама, городской фольклор, а также коннотации, определяющие восприятие города и отношение к нему. Используется комплексное сочетание методов лингвистического и дискурсивного анализа с учетом семиотического, этнолингвистического и социокультурного аспектов, что позволяет выявить ключевые лингвистические и культурные маркеры, отражающие локальную идентичность.

Результаты исследования. Установлено, что лингвокультурная специфика текстов урбанистического дискурса Ростова-на-Дону характеризуется гибридностью, сочетая в себе традиционные и глобальные элементы; регионализмами, подчеркивающими локальную идентичность; визуальной мифологизацией с отсылкой к литературным образам, связанным с историей города.

Обсуждение и заключение. Тексты городского пространства Ростова-на-Дону формируют полифонический дискурс, в котором языковые средства, диалектные элементы и символические образы конструируют уникальное семиотическое пространство города. Урбанистический дискурс Ростова-на-Дону создает уникальный культурный код, сочетающий в себе локальные традиции и глобальные тренды.

Ключевые слова: урбанистический дискурс, город как текст, семиотическое пространство, культурный код, граффити, муралы, городской фольклор, мультикультурный образ, гибридность

Для цитирования. Ревякина Н.П., Сахарова Е.Е. Лингвокультурный анализ текстов урбанистического дискурса Ростова-на-Дону. *Научный альманах стран Причерноморья*. 2026;12(1):26–30. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2026-12-1-26-30>

Original Theoretical Research

Linguistic and Cultural Analysis of Texts on Rostov-On-Don Urban Discourse

Nadezhda P. Revyakina , Elena E. Sakharova ✉

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

✉ elenasakharova19@bk.ru

Abstract

Introduction. In the contemporary humanities paradigm, the city is interpreted as a text. This approach makes it possible to conduct research focused on the specific information that such a text can convey within the context of urban discourse. Therefore, the need to study urban texts as tools for shaping local identity in a multicultural society during an era of

global change is becoming increasingly relevant and significant. The aim of this study is to identify the specific linguistic and cultural markers in texts of the urban environment of Rostov-on-Don and to determine the cultural connotations associated with local identity.

Materials and Methods. The study focused on the city's most significant elements: urban graffiti and murals, signs, slogans, advertisements, urban folklore, as well as the connotations that shape perceptions of the city and attitudes toward it. A comprehensive combination of linguistic and discursive analysis methods is employed, taking into account semiotic, ethnolinguistic, and sociocultural aspects, which allows for the identification of key linguistic and cultural markers reflecting local identity.

Results. It has been established that the linguistic and cultural specificity of texts in Rostov-on-Don's urban discourse is characterized by hybridity, combining traditional and global elements; regionalisms that emphasize local identity; and visual mythologization that references literary images associated with the city's history.

Discussion and Conclusion. The texts of Rostov-on-Don's urban space form a polyphonic discourse in which linguistic devices, dialectal elements, and symbolic images construct the city's unique semiotic space. Rostov-on-Don's urban discourse creates a unique cultural code that combines local traditions with global trends.

Keywords: urban discourse, city as text, semiotic space, cultural code, graffiti, murals, urban folklore, multicultural image, hybridity

For Citation. Revyakina N.P., Sakharova E.E. Linguistic and Cultural Analysis of Texts on Rostov-On-Don Urban Discourse. *Science Almanac of Black Sea Region Countries*. 2026;12(1):26–30. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2026-12-1-26-30>

Введение. Современный город представляет собой сложное семиотическое пространство, где вербальные и невербальные знаки формируют культурный код территории [1]. Каждый город имеет свой уникальный код, систему языковых знаков, требующих расшифровки [2, с. 45], на основе которых выстраивается урбанистический дискурс.

Языковой облик городов привлекает внимание многих ученых, среди которых историки, архитекторы, культурологи, философы. Ученые-лингвисты изначально рассматривали эту проблему как социолингвистическую [3]. В современных исследованиях город рассматривается в аспекте семиотики «как котел текстов и кодов» [1, с. 325] и отмечается, что язык в тексте города характеризуется противонаправленными тенденциями – с одной стороны, к дифференциации, а с другой – к интеграции [4]. Текст города помогает понять, как язык возник, развивался и распространялся, каков вклад той или иной социальной группы в эволюцию русского языка и русской культуры [5, с. 257–258].

Различные мировые тенденции эволюции городской повседневности делают городское пространство открытым. Открытость создает простор для свободного наполнения элементами семиотического кода города, составляющего ключевые черты его сути. Современные города – это сложные системы, в которых материальные структуры взаимодействуют с культурными, социальными и экономическими процессами. Коммуникация во многом обусловлена тем, что горожане представляют собой многонациональное и неоднородное общество. Неоднородностью характеризуется и язык общения горожан [6]. Жители города демонстрируют вариативность языковых средств и культурных особенностей в порождаемых ими текстах. Именно в текстовой деятельности проявляются индивидуальные и групповые социально-культурные принципы и стереотипы [7, с. 12–13]. Поэтому необходимость изучения городских текстов как инструментов конструирования локальной идентичности в условиях глобальных перемен приобретает все большую актуальность.

Данная публикация посвящена лингвокультурному описанию урбанистического дискурса Ростова-на-Дону, крупнейшего центра на Юге России. Цель исследования – выявить специфику лингвокультурных маркеров в текстах городской среды Ростова-на-Дону и определить культурные коннотации, связанные с локальной идентичностью.

Ростов-на-Дону как крупнейшее многонациональное образование представляет собой репрезентативный объект для подобного исследования, поскольку обладает уникальной лингвокультурной средой, где прошлое соединяется с настоящим и где отражаются исторические, социальные и экономические особенности региона. Основанный в 1749 г. как пограничная крепость, город эволюционировал в ключевой экономической и культурный хаб, аккумулирующий имперское, советское и постмодернистское наследие. Однако до настоящего времени комплексный анализ его пространственной организации, синтезирующий семиотические, синергетические, культурно-исторические, текстуальные парадигмы, практически полностью оставался за пределами академического дискурса. В данной работе предпринимается попытка проанализировать наиболее важные элементы города: маркерные категории городских улиц и площадей, текстовые изображения и присущие им лейтмотивы.

Ростов-на-Дону демонстрирует, как городской текст становится полем борьбы смыслов: купеческое прошлое, советские символы, миграционная динамика и цифровизация формируют многослойный «палимпсест». Все эти слои – культурные, социальные, исторические – оказывают влияние на языковые процессы, воплощающиеся в текстах [8]. «Прочтение» текста города требует учёта локальных особенностей – от казачьей идентичности до роли реки Дон как природно-культурной оси. Изучение Ростова-на-Дону как «локального текста» подтверждает, что концепция «городского текста» остаётся инструментом для раскрытия уникальности места в эпоху глобализации, все более уступающей место «глокализации» (от «глобализация + локализация»).

Ростов-на-Дону как текст обладает множеством измерений. Данное исследование демонстрирует, как разные слои и их взаимодействие формируют сложную урбанистическую систему.

Материалы и методы. Методология исследования достаточно сложна, как и сама проблема: используется комплексное сочетание различных методов, начиная от лингвистического и дискурсивного анализа. Этнолингвистический и социокультурный аспекты также не остаются без внимания. В совокупности они позволяют выявить лингвокультурную специфику текстов, функционирующих в городском пространстве. В качестве материала исследования выступают наиболее важные элементы города: маркерные категории городских граффити и муралов, текстовые изображения вывесок, билбордов, реклама и коннотации, определяющие восприятие города и отношение к нему. Выборка включает 155 единиц: рекламные щиты (35), вывески (35), слоганы (25), граффити (20), муралы (15), городской фольклор (25).

Результаты исследования. Рассмотрение тенденций и направлений городской коммуникации в различных сферах города-миллионника Ростова-на-Дону представляет собой интересную картину. Она может быть очень важным материалом для лингвистических исследований. Необходимо учитывать, что Ростов-на-Дону – многонациональный город, столица Ростовской области. Его история и культура тесно связаны с культурным развитием нашей страны.

Практика анализа Ростова-на-Дону как «локального текста» подтверждает, что город как текст обладает множеством измерений [9, 10]. В этом смысле представляет интерес, как разные слои и их взаимодействие формируют сложную семиотическую систему города. Анализ наиболее важных маркерных элементов урбанистического дискурса, определяющих восприятие города и отношение к нему, таких как граффити и муралы, вывески, городские слоганы, реклама, городской фольклор, позволяет сделать следующие выводы:

1. Граффити и муралы как форма публичного дискурса сочетают протест, историческую память и иронию, используя диалектную лексику для маркировки локальной идентичности.

2. Реклама гибридизирует глобальные и локальные коды, превращая этнические стереотипы в товар.

3. Городской фольклор адаптируется к цифровой среде, сохраняя функцию социального зеркала.

Далее мы обоснуем выводы на конкретных примерах урбанистического дискурса.

1. Граффити: между протестом и локальной идентичностью

Граффити и муралы в Ростове-на-Дону функционируют как семиотические маркеры, отражающие социальные и культурные конфликты. В результате анализа выделены их основные коннотации:

– Историческая память: изображения донских казаков, цитаты из произведения М.А. Шолохова «Тихий Дон», например, граффити на ул. Пушкинской с надписью: «*Здесь говорили на донском*». Еще одним примером служит мурал на торце одного из домов на улице Пушкинской – изображение молодой женщины, разбрасывающей вокруг себя золотые монеты. Старшее поколение однозначно относит его к лихим временам, а женщину называют Сонькой Золотой Ручкой. Однако молодые люди склонны связывать это изображение с возрождением Ростова-на-Дону, его гостеприимством и щедростью.

– Политический протест: протестные коннотации выражаются в антивоенных лозунгах («*Нет войне!*»), стилизованных в том числе под казачьи пословицы («*Казак мир сеет – война не проросла*»).

– Популярная культура: мемы с местным колоритом, например, кот-«*ростовчанин*» с *шапкой*, транслируются не только в изображениях, но и в устной и письменной речи.

– Граффити с лингвистическими особенностями: употребление южнорусских диалектизмов, например, «*циркать*» (плакать), «*баз*» (дом). Другим примером выступают гибридные формы надписей: «*Ростов – наихач*» (от армянского «хач» – крест, но в сленге – этностереотип).

– Социально-критические граффити: например, граффити в районе снесенных дореволюционных зданий «*Верните исторический облик!*», или «*Ростов – не помойка!*» как экологический активизм. Подобные тексты призывают к осознанному отношению к городскому пространству.

– Художественные муралы: например, *портрет Чехова* как отсылка к литературному наследию региона; или изображение казака с надписью: «*Дон – наше всё*» как мифологизация казачества.

Следовательно, граффити и муралы играют роль визуальных маркеров локальной истории, а их текстовые составляющие выполняют функцию социального высказывания.

2. Вывески: двуязычие и локальный брендинг

– Русско-английские гибриды: например, «*DonPlaza*» (смещение «*Дон*» и английского «*Plaza*») или «*RostovGrad*» (игра с историческим названием «*Нахичевань-на-Дону*»).

– Традиционные названия: например, «*Донская библиотека*», где акцент делается на региональную принадлежность. Как видим, вывески в городском пространстве отражают как процессы локализации (использование топонимов), так и тенденции глобализации (английские заимствования).

3. Слоганы: конструирование городской идентичности

– Официальные: позиционируют город как деловой центр: «*Ростов-на-Дону – город возможностей*».

– Неформальные: «*Ростов – столица Юга*» – народный слоган, подчеркивающий статус города.

Слоганы выступают инструментом конструирования локальной идентичности, они формируют имидж Ростова-на-Дону как динамичного и значимого города.

4. Реклама: мультикультурный код и коммерциализация традиций, региональный колорит и языковая игра

Анализ рекламных текстов выявил следующие тенденции:

– Использование диалектизмов и локальной лексики: например, «*Настоящий донской вкус*». В рекламе местных продуктов акцент делается на аутентичность. В другом примере «*Кубань молоко*» – брендинг с опорой на региональную идентичность (отсылка к соседнему региону).

– Элементы языковой игры: «*Ростов – город, где вкусно!*» (каламбур, связывающий гастрономию и качество жизни).

– Стратегии гибридизации:

Примеры локальных брендов: в кафе «*Казачий двор*» рекламный слоган «*Вкус Дона в каждом куске!*» с использованием диалектной лексики («*кусочек*» вместо «*блюдо*»). В магазине «*Нахичеванские сладости*» в рекламе продукта «*Гата – soul of Armenia*» наблюдается совмещение армянского орнамента и русско-английских текстов.

Примеры глобальных трендов: англицизмы в рекламе торговых центров: «*Rostov Mall – твой край*» (от англ. *crush* – зд. влюблённость).

Примеры этнических маркеров: украинские мотивы в рекламе сельхозпродукции: «*Сало – душі радість!*» (укр. «*радость души*»).

Эти и другие примеры показывают, что реклама эксплуатирует этнические стереотипы как коммерческий ресурс, создавая «экзотизированный» мультикультурный образ региона. Рекламные тексты формируют имидж Ростова-на-Дону как города с богатыми кулинарными традициями.

5. Местный фольклор: устные нарративы и цифровая мифология

Анализ устных и цифровых текстов выявил диахроническую трансформацию фольклора:

– Традиционные формы: пословицы, например, «*На Дону родился – ни разу не женился*» как ирония над холостячеством. Анекдоты: «*Казак в ресторане: “Счёт на Москву!”*» как стереотип о казачьей щедрости.

– Цифровой фольклор:

Мемы в пабликах: «*Ростовчанка: несу рыбу с рынка – это не вам, это коту*» (отсылка к любви к животным и локальному юмору). Другой пример – челленджи в социальных сетях, видеохостингах: «*Скажи “баз” вместо “дом” – получи донской акцент*».

Очевидно, что фольклор эволюционирует от устных нарративов к виртуальным форматам, сохраняя функцию консолидации сообщества.

Ростов-на-Дону – это смесь языков и культур, взаимосвязанных между собой, но сохраняющих языковые и культурные особенности разных этносов. В то же время мы можем наблюдать формирование и эволюцию специфического языка города. Данный язык интересен тем, что в нем, как в зеркале, отражаются тенденции развития русского языка в полиэтническом обществе. Язык города являет собой культурное явление. Его реализация в региональной форме добавляет ему значимости и научного интереса.

Лингвокультурное пространство Ростова-на-Дону характеризуется гибридность (традиционные и глобальные элементы); регионализмами, подчеркивающими локальную южную идентичность; визуальной мифологизацией (казачество, литературные образы).

Обсуждение и заключение. Тексты городского пространства Ростова-на-Дону формируют полифонический дискурс, в котором пересекаются историческая память, этническое разнообразие и глобальные тренды. Анализ демонстрирует, что язык выступает не только средством коммуникации, но и инструментом конструирования культурной идентичности в условиях «глокализации».

Лингвокультурный анализ подтвердил, что тексты урбанистического дискурса Ростова-на-Дону формируют уникальный культурный код, сочетающий локальные традиции и глобальные тренды. Дальнейшие исследования могут быть направлены на сравнительный анализ с другими городами Юга России (Краснодар, Волгоград), на изучение восприятия городских текстов жителями.

Список литературы / References

1. Лотман Ю.М. *Семiosфера*. СПб.: Искусство-СПб; 2000. 703 с.
Lotman J. *Semiosfera*. SPb.: Iskusstvo-SPb; 2000. 703 p. (In Russ.)
2. Шкатова Л.А. «Языковой код» уральского города. *Языковой облик уральского города*. Свердловск; УрГУ, 1990. С. 72–79.
Shkatova L.A. “The Language Code” of the Ural City. *The linguistic image of an Ural city*. Sverdlovsk; UrGU, 1990. Pp.72–79. (In Russ.)
3. Ларин Б.А. О лингвистическом изучении города. В: *История русского языка и общее языкознание*. Москва; 1977. С. 175–189.
Larin B.A. On the linguistic study of the city. In: *History of the Russian language and general linguistics*. Moscow; 1977. Pp. 175–189. (In Russ.)
4. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. *Языковое существование современного горожанина: на материале языка Москвы*. Москва; 2010. 496 с.
Kitajgorodskaya M.V., Rozanova N.N. *The linguistic existence of the modern city dweller: based on the language of Moscow*. Moscow; 2010. 496 p. (In Russ.)

5. Бахтин М.М. *Проблема речевых жанров. Эстетика словесного творчества*. Москва; 1986. С. 237–280.
Bakhtin M.M. *The Problem of Speech Genres. The aesthetics of verbal creativity*. Moscow; 1986. Pp. 237–280. (In Russ.)
6. Земская Е.А. *Городская устная речь и задачи ее изучения*. В: Сборник научных трудов «Разновидности городской устной речи». Отв. ред. Д.Н. Шмелев, Е.А. Земская, Москва: Наука; 1988. С. 5–44.
Zemskaya E.A. *Urban oral speech and objectives of studying it*. In: Ed. by D.N. Shmelev, E.A. Zemskaya. Moscow, Nauka Publ., 1988. Pp. 5–44. (In Russ.)
7. Дридзе Т.М. *Язык и социальная психология*. Москва; 2009. 240 с.
Dridze T.M. *Language and Social Psychology*. Moscow; 2009. 240 p. (In Russ.)
8. Исмагилова Н.В., Киселева Л.А. *Язык города как социолингвистическая проблема*. Уфа; РИЦ БашГУ, 2020. 202 с.
Ismagilova N.V., Kiseleva L.A. *City language as a sociolinguistic problem*. Ufa; Bashkir State University, 2020. 202 p. (In Russ.)
9. Ревякина Н.П., Курьянов Н.А. Город как текст. *Лингвистический вестник*. 2023;7.
<https://doi.org/10.18454/RULB.2023.43.30>
Revyakina N.P., Kuryanov N.A. City as text. *Russian Linguistic Bulletin*. 2023;7. (In Russ.)
<https://doi.org/10.18454/RULB.2023.43.30.10>
10. Ревякина Н.П., Сахарова Е.Е. Прагматика памяти в пространстве города. *Научный альманах стран Причерноморья*. 2025;11(2):27–31. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2025-11-2-27-31>
Revyakina N.P., Sakharova E.E. Pragmatics of Memory in the City Space. *Science Almanac of Black Sea Region Countries*. 2025;11(2):27–31. (In Russ.) <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2025-11-2-27-31>

Об авторах:

Ревякина Надежда Петровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры «Интегративная и цифровая лингвистика», Донской государственной технической университет (344003, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [ORCID](#), [SPIN-код](#), nadirev@ya.ru

Сахарова Елена Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры «Мировые языки и культуры», Донской государственной технической университет (344003, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [ORCID](#), [SPIN-код](#), elenasakharova19@bk.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Revyakina Nadezhda Petrovna, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Department of Integrative and Digital Linguistics, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [ORCID](#), [SPIN-code](#), nadirev@ya.ru

Sakharova Elena Evgenyevna, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Department of World Languages and Cultures, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [ORCID](#), [SPIN-code](#), elenasakharova19@bk.ru

Conflict of Interest Statement: the authors declare no conflict of interest.

All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 12.11.2025

Поступила после рецензирования / Reviewed 27.11.2025

Принята к публикации / Accepted 29.11.2025

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

УДК 141.319.8:130.2

Оригинальное теоретическое исследование

<https://doi.org/10.23947/2414-1143-2026-12-1-31-38>

Технологическая религиозность как цифровое идолопоклонство: антропологический и нейрокогнитивный анализ «Deus in Machina»

К.А. Лукьяненко

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

✉ dakos@inbox.ru

Аннотация

Введение. Статья посвящена анализу феномена технологической религиозности как формы цифрового идолопоклонства, возникающей в условиях антропологического кризиса цифровой эпохи. Цель статьи – показать, что цифровые технологии перестают быть нейтральным инструментом и начинают воздействовать на онтологические основания человеческого бытия, трансформируя религиозность, идентичность и способы переживания сакрального.

Материалы и методы. Методологической основой исследования является междисциплинарный анализ на стыке философской антропологии и религиоведения. Теоретический каркас опирается на концепции Э. Фромма, П. Тиллиха, М. Шелера, Г. Марсея, М. Хайдеггера, Н. Бердяева, Ч. Тейлора, а также современных исследователей цифровой религиозности и постгуманизма (Ж.-К. Ларше, Е.С. Элбакян, Д.Д. Велиев, Н.К. Хейлз и др.). Эмпирический материал включает кейсы виртуализации сакрального (онлайн-причастие, ИИ-исповедь, арт-проект Deus in Machina, феномен «гуглизма»). Используется герменевтический анализ кинематографических нарративов как культурных симптомов антропологической трансформации. Для подтверждения тезиса о трансформации идентичности привлекаются данные нейрокогнитивных исследований.

Результаты исследования. Установлено, что цифровая среда закономерно порождает квазирелигиозные формы, в которых технология замещает трансцендентное начало и приобретает статус предельной реальности. Показано, что технологическое идолопоклонство имеет глубокие философско-антропологические основания, описанные в концепциях антропологии, «предельного интереса» и квазирелигии. Выявлено, что виртуализация религиозных практик, сакрализация коммуникации, культ алгоритма и трансгуманистические проекты представляют собой различные проявления единого процесса – подмены религиозного опыта его технологической симуляцией. Нейрокогнитивные данные подтверждают формирование «цифровой личности» и трансформацию идентичности под воздействием цифровой среды.

Обсуждение и заключение. Сделан вывод, что ключевая угроза цифровой эпохи связана не с технологиями как таковыми, а с антропологической трансформацией, при которой технические системы начинают выполнять квазирелигиозные функции. Технологическое идолопоклонство интерпретируется как форма девиантной религиозности, возникающая в результате злоупотребления технологиями (*παράχρησις*) и утраты онтологической иерархии. Подчеркивается различие между использованием технологии (*χρησις*) и её сакрализацией. Критика цифрового идолопоклонства не предполагает отказа от технологий, но указывает на необходимость защиты человеческой духовной автономии и сохранения трансцендентного измерения религиозного опыта.

Ключевые слова: технологическая религиозность, цифровое идолопоклонство, киберрелигиозность, девиантная религиозность, квазирелигия, антропологический кризис, цифровая личность, искусственный интеллект, сакральное, трансгуманизм, постчеловек, киберпрелесть, хресис и парахресис

Для цитирования. Лукьяненко К.А. Технологическая религиозность как цифровое идолопоклонство: антропологический и нейрокогнитивный анализ «Deus in Machina». *Научный альманах стран Причерноморья*. 2026;12(1):31–38. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2026-12-1-31-38>

Technological Religiosity as Digital Idolatry: An Anthropological and Neurocognitive Analysis of “Deus in Machina”

Konstantin A. Lukyanenko

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

✉ dakos@inbox.ru

Abstract

Introduction. This article examines the phenomenon of technological religiosity as a form of digital idolatry emerging amid the anthropological crisis of the digital age. The aim of the article is to demonstrate that digital technologies are ceasing to be a neutral tool and are beginning to influence the ontological foundations of human existence, transforming religiosity, identity, and ways of experiencing the sacred.

Materials and Methods. The methodological foundation of this study is an interdisciplinary analysis at the intersection of philosophical anthropology and the study of religion. The theoretical framework draws on the concepts of E. Fromm, P. Tillich, M. Scheler, G. Marcel, M. Heidegger, N. Berdyaev, C. Taylor, as well as contemporary researchers of digital religiosity and posthumanism (J.-C. Larche, E.S. Elbakyan, D.D. Veliyev, N.K. Hayles, and others). The empirical material includes cases of the virtualization of the sacred (online communion, AI confession, the art project Deus in Machina, and the phenomenon of “Googlism”). Hermeneutic analysis of cinematic narratives is employed as cultural symptoms of anthropological transformation. Data from neurocognitive studies are utilized to support the thesis regarding identity transformation.

Results. It has been established that the digital environment naturally gives rise to quasi-religious forms in which technology replaces the transcendent principle and acquires the status of ultimate reality. It is demonstrated that technological idolatry has deep philosophical and anthropological foundations, described in the concepts of anthropolatry, “ultimate interest,” and quasi-religion. It has been revealed that the virtualization of religious practices, the sacralization of communication, the cult of the algorithm, and transhumanist projects represent various manifestations of a single process, the replacement of religious experience with its technological simulation. Neurocognitive data confirm the formation of a “digital personality” and the transformation of identity under the influence of the digital environment.

Discussion and Conclusion. It has been concluded that the key threat of the digital age is not linked to technology per se, but to an anthropological transformation in which technical systems begin to perform quasi-religious functions. Technological idolatry is interpreted as a form of deviant religiosity arising from the misuse of technology (*παράχρησις*) and the loss of ontological hierarchy. The distinction between the use of technology (*χρησις*) and its sacralization is emphasized. Criticism of digital idolatry does not imply a rejection of technology, but points to the need to protect human spiritual autonomy and preserve the transcendent dimension of religious experience.

Keywords: technological religiosity, digital idolatry, cyber-religiosity, deviant religiosity, quasi-religion, anthropological crisis, digital identity, artificial intelligence, the sacred, transhumanism, posthuman, cyber-allure, chresis and parachresis

For Citation. Lukyanenko K.A. Technological Religiosity as Digital Idolatry: An Anthropological and Neurocognitive Analysis of “Deus in Machina”. *Science Almanac of Black Sea Region Countries*. 2026;12(1):31–38. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2026-12-1-31-38>

Введение. Современные цифровые технологии проникают в онтологические основания человеческого бытия, выступая не только как инструменты, но и как «родовой протез», компенсирующий утрату естественных способностей человека [2, с. 36]. Этот процесс сопровождается глубинным антропологическим кризисом, в рамках которого стирание границ между человеком и технологией ведёт к трансформации идентичности и религиозности [2, с. 40].

Одним из ключевых симптомов данного кризиса является формирование технологической религиозности, в которой цифровая среда порождает квазирелигиозные формы («киберрелигиозность», «кликстианство»), замещающие трансцендентное начало имманентным алгоритмом. Исследования Д.Д. Велиева показывают, что цифровизация оказывает воздействие на нейрокогнитивные структуры, формируя «цифровую личность» – гибридную идентичность, оптимизированную под логику интерфейсов [4, с. 585–586].

Интернет-культура способствует возникновению синкретических псевдорелигиозных форм, сочетающих элементы гностицизма, техноутопизма и манихейства [9, с. 238–239]. В этих формах технология приобретает квазисакральный статус, выступая в качестве имманентного суррогата трансцендентного. Человек, вместо реальных духовных поисков, капитулирует перед машиной. Как подчёркивает В.Р. Легойда, «расчеловечивание человека представляет не меньшую угрозу, чем очеловечивание искусственного интеллекта» [10], что симптоматично для современной философской рефлексии о цифровой эпохе.

Цель статьи – комплексный анализ феномена технологической религиозности как формы цифрового идолопоклонства на стыке философской антропологии, религиоведения и нейрокогнитивных исследований. Задачи исследования: 1) выявить философско-антропологические основания технологического идолопоклонства; 2) проанализировать религиоведческие проявления киберрелигиозности как девиантной формы религиозности; 3) ин-

терпретировать феномен через призму антропологической трансформации от «буферизированного Я» (Тейлор) к «цифровой личности» (Велиев), с учётом нейрокогнитивных данных. Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления внутреннего антропологического вызова цифровой эпохи, выражающегося в подмене трансцендентного имманентными технологическими суррогатами и формировании девиантных форм религиозности.

Материалы и методы. Методологической основой исследования является междисциплинарный анализ на стыке философской антропологии и религиоведения с привлечением данных нейрокогнитивных исследований. Теоретический каркас строится на концепциях Э. Фромма («рыночная личность», «кибернетическая религия»), П. Тиллиха («предельный интерес», квазирелигия), М. Шелера и Г. Марселья (онтология идолопоклонства), а также критической философии техники (М. Хайдеггер, Н. Бердяев, К. Ясперс). Важное значение для критики техноутопических проектов и понимания антропологической реконфигурации имеют концепции пост- и трансгуманизма, в частности, работы Н.К. Хейлз о невоспроизводимости воплощённого сознания и Ф. Феррандо о философском постгуманизме и техно-редукционизме. Для анализа цифровой трансформации религиозности и верификации антропологического тезиса о трансформации идентичности привлечены работы современных исследователей: Д.Д. Велиева (концепция и нейрокогнитивные данные о формировании гибридной «цифровой личности») Е.С. Элбакян и А.П. Забияко (киберрелигиозность как девиантная форма религиозности), Ж.-К. Ларше («религия без Бога» в новых медиа).

Эмпирическую базу составляют кейсы виртуализации сакрального (онлайн-причастие, арт-проект *Deus in Machina*, феномен «гулизма», сакрализация ИИ). Герменевтический анализ кинематографических нарративов используется для выявления культурных паттернов, репрезентирующих сакрализацию технологии и антропологическую реконфигурацию в цифровую эпоху.

Результаты исследования

Теоретико-философские основания технологического идолопоклонства. Феномен технологического идолопоклонства имеет глубокие корни в критической философии XX в. Э. Фромм выявил его генезис в «религии производства» – скрытой основе индустриального общества, где человек низводится до «придатка к экономике и технике», обслуживающего созданные им же машины [17, с. 224]. Эта система порождает «рыночную личность» – человека-товара (аналог человека-потребителя), чья ценность определяется успехом самопрезентации. За фасадом агностицизма и христианства здесь скрывается «кибернетическая религия»: человек, воображая себя богом благодаря техногенной мощи, на деле становится рабом машин: «Мы обожествили машину и приравняли себя к богу, поскольку мы обслуживаем эту машину» [17, с. 223]. Индустриализация, по Фромму, возвела человека в идола, что привело к отрицанию Бога и распространению современного язычества, в котором человек сам становится объектом поклонения [16, с. 180–181].

Этот процесс находит историческое предвосхищение в концепции антрополатрии (человекопоклонничества), введённой К. Леонтьевым. Антрополатрия – вера не в Бога, а в «земного человека и земное человечество», в идеальное достоинство личности, возведённое в абсолют [5, с. 269]. Вытесняя из сознания веру в Высшее Начало, она ведёт к духовному кризису и утрате культурных основ.

Глубинный антропологический механизм идолопоклонства раскрывают М. Шелер и Г. Марсель. Шелер утверждал, что потребность в абсолютном бытии – сущностная черта человека: выбора иметь или не иметь эту идею нет; выбор лишь между разумным и неразумным её воплощением. Игнорирование этой сферы создаёт внутреннюю пустоту, которую человек неосознанно заполняет конечными вещами (деньгами, нацией), возводя их в абсолют – то есть осуществляет фетишизм и идолопоклонство [20, с. 4–5].

Марсель развил эту мысль, констатируя, что катастрофа начинается с момента, когда человек, возмнив себя абсолютным, разрывает связи с «Иным». Стремление к мнимой «свободе» от Высшего Начала ведёт к саморазрушению, а объектом нового идолопоклонства становятся «бедные абстракции» – класс, раса, идеология, несравнимо уступающие подлинному Абсолюту [11, с. 137].

Наиболее строгую концептуализацию феномена дал П. Тиллих, благодаря введению понятий «предельного интереса» и «квазирелигии». Суть религии, по Тиллиху, формирует «предельный интерес» – экзистенциальная страсть, направленная на «предельную реальность». Однако эта страсть часто отклоняется от высшей цели и тогда конечные реальности (нация, наука, идеал) возвышаются до уровня предельного, становясь идолами [13, с. 161]. Так возникают светские квазирелигии – псевдодуховные образования, в которых «предварительные, конечные реальности возвышены до уровня предельности» [13, с. 140]. Это и есть современная форма идолопоклонства, о которой предупреждали Шелер и Марсель.

Следуя логике Фромма, можно констатировать, что в ситуации «смерти Бога» человек стремится занять место Бога, но этот проект обречён. Стремясь стать Богом, человек превращается в «не-человека» и в итоге приносит себя в жертву новому «богу» – технике, отрекаясь от своей власти в её пользу [16, с. 181]. Техника, созданная как орудие для обожествления человека, сама становится абсолютным идолом.

Это понимание разделяют и другие мыслители XX в. М. Хайдеггер видел в технике «постав» (*Gestell*), превращающий мир в «подручный материал» [19, с. 221–238]; Н. Бердяев предупреждал о конфликте духа и машины, ведущем к дегуманизации [1, с. 143–163]; О. Шпенглер рассматривал технику как фаустовскую стратегию человечества по порабощению природы, которая в итоге оборачивается против самого человека [21, с. 454–494]; К. Ясперс отмечал, что техника создаёт «новую среду обитания», ставящую под угрозу человеческую сущ-

ность [23, с. 99–239]. Общим для них является тезис: техника перестала быть нейтральным инструментом и превратилась в автономную силу, претендующую на место традиционного Абсолюта.

Эмпирические проявления киберрелигиозности: от виртуализации ритуала к сакрализации ИИ. Виртуализация религии, усиленная пандемией Covid-19, закономерно порождает квазирелигиозные формы (киберрелигии, онлайн религии), в которых технология замещает трансцендентное начало. Как отмечает Е.С. Элбакян, цифровизация предоставляет беспрецедентный доступ к религиозным практикам, но одновременно разрушает коммуникативное ядро приходской жизни – непосредственную встречу верующих в сакральном пространстве [22, с. 104–117].

Наиболее дискуссионным проявлением этой тенденции стала практика онлайн-причастия, внедрённая священниками ПЦУ и названная некоторыми аналитиками «литургическим прорывом» в кавычках. Виртуальные прихожане, участвуя в трансляции богослужения, выставляли перед мониторами хлеб и вино, полагая, что «преложение Святых Даров» совершается дистанционно. Подобная практика, игнорирующая онтологическую природу таинства как встречи с Богом в конкретном месте и времени, демонстрирует фундаментальную антропологическую реконфигурацию: сакральное редуцируется до информационного контента, доступного «по запросу» (пусть и вынужденному).

Этот процесс соответствует ментальности, описанной А.П. Забияко. В ней «компьютерные технологии приобретают статус сверхценности, наделяются качествами священных объектов и атрибутами божественных сущностей; в системе координат этой ментальности компьютерная виртуальная реальность выступает в качестве высшей реальности, сверхценного инобытия, находящегося вне границ обыденного существования и доминирующего над ним» [6, с. 32]. Е.С. Элбакян прямо классифицирует такой тип киберрелигии как квазирелигию – псевдодуховное образование, в котором приоритет отдается не трансцендентному, а самой технологии и её функциональным возможностям [22, с. 109]. Это прямая реализация концепции П. Тиллиха, в которой конечная реальность (цифровой интерфейс) возводится до уровня предельного, становясь объектом поклонения.

Можно констатировать, что в пандемийный и постпандемийный периоды мы наблюдаем институционализацию и нормализацию тех тенденций, которые ранее описывались как маргинальные или футурологические. Развитие технологий, хотим мы этого или нет, оказывает глубинное воздействие на религиозность и духовность на антропологическом уровне – на уровне самого понимания сакрального, общины и ритуала. Практики, которые ранее считались бы невозможными или кощунственными с точки зрения традиционной догматики, сегодня становятся предметом дискуссии и даже внедряются, что свидетельствует о фундаментальном нарушении в восприятии границ между религиозным опытом и его технологической симуляцией.

«Homo communicans» и цифровая реконфигурация религиозности. Кибернетическая утопия Норберта Винера, возводившая коммуникацию в ранг условия выживания человечества против энтропии, была интерпретирована Ф. Бреттоном, на которого ссылается в своей работе Ларше, как светская теология, породившая антропологическую модель *homo communicans* – «человека коммуницирующего» [9]. В цифровую эпоху этот проект реализовался в феномене «подключённого человека» (*homo connecticus*), для которого постоянная связь становится самоценной установкой, замещающей трансцендентную ориентацию.

Новые медиа трансформируются в квазирелигиозный культ. Роль Абсолюта играет не Бог, а имманентная тотальность коммуникации. Повседневные практики – от проверки уведомлений до бессонного ночного «сёрфинга» в соцсетях – приобретают ритуальный характер, формируя своеобразный квазиаскетизм, в котором самоограничение направлено не на духовное преобразование, а на поддержание непрерывного присутствия в цифровом потоке. Ритуализация проявляется в цикличности. День начинается и завершается не молитвой, а подключением к сети, что структурирует идентичность вокруг коммуникационного акта.

Этот процесс визуализируется в работах современных художников. Серия Антуана Гейгера «Sur-Fake» демонстрирует буквальное «всасывание» человеческого лица в экран смартфона – метафору утраты лика (*imago Dei*) в пользу цифрового интерфейса. Подобная трансформация знаменует переход от религии как связи с Высшим Началом к религии связи как таковой – квазирелигии, в которой сакрализуется сам процесс коммуникации.

Как отмечает Ж.-К. Ларше, это – «религия без Бога» и «духовность без Духа», где технологический интерфейс становится единственным посредником между человеком и миром [9, с. 250].

Антропологическая реконфигурация: от «буферизированного Я» к «цифровой личности». Цифровая трансформация религиозности коренится в глубинном антропологическом изменении, описанном Ч. Тейлором как переход к состоянию «имманентной рамки». В этом состоянии человек замкнут в горизонте имманентного, а его сознание принимает форму «буферизированного Я» – автономного центра, отчуждённого от трансцендентного измерения бытия [14, с. 19]. Для такого субъекта традиционное христианство с его требованием аскезы, жертвенности и устремлённости к Высшему Началу становится семантически труднодоступным.

Цифровая среда выступает не причиной, а усилителем этой тенденции. Как показывает Д.Д. Велиев, адаптация к цифровой реальности порождает «цифровую личность» – гибридную идентичность, чьи паттерны поведения и коммуникации оптимизированы под логику интерфейсов и алгоритмов [4, с. 586]. Эта новая конфигурация самости естественным образом генерирует квазирелигиозные практики: от «кликстианства» («лайк» в ответ на просьбу вместо молитвенной поддержки) до алгоритмизированной исповеди (по телефону; email, пастырских

форумах и т. д.) – форм, в которых глубина религиозного переживания редуцируется до механического действия или вербального шаблона.

И.А. Ильин называл подобное состояние «умиранием религиозного акта» – утратой живой направленности духа к Богу [7, с. 126–127, 131]. Лишённая воли к трансцендентному Предмету, религиозность начинает «сочинять себе бога», и технологии предоставляют для этого беспрецедентные возможности. Квазирелигиозные формы – от культа коммуникации до обожествления ИИ – становятся логичным порождением новой антропологической реальности, в которой религия модифицируется под запросы «буферизированного» индивида, ориентированного на имманентный комфорт.

В общем, цифровизация предлагает готовые формы для «религии без Бога» (Ж.-К. Ларше), в которой Трансцендентное окончательно замещается имманентным – алгоритмом, медиа или коммуникацией как самоценностью. Современные технологические тренды в религиозной сфере являются симптомом антропологической реконфигурации, который одновременно усугубляет и ускоряет процесс «высыхания» религиозного акта.

Трансгуманизм как квазирелигия и финальная стадия идолопоклонства. Виртуализация религиозности является лишь прелюдией к более радикальному проекту – созданию «нового человека» (постчеловека) через синтез с технологией. К глубинному анализу данной концепции в далёком 1999 г. приступила известная исследовательница Н.К. Хейлз. Она уверена, что «постчеловек в действительности не означает конец человечности. Он, скорее, знаменует конец определённого понимания человеческого...» [27, с. 286]. И далее: «Смертоносным оказывается не постчеловек как таковой, а прививка постчеловеческого к либерально-гуманистическому представлению о субъекте...воображению, что «ты» можешь по собственной воле загрузить себя в компьютер и тем самым посредством технологического господства обрести высшую привилегию – бессмертие...» [27, с. 286].

Движение трансгуманизма (Humanity+) предлагает преодолеть биологические ограничения посредством генной инженерии, бионики и нейроинтерфейсов, ставя целью технологическое бессмертие и когнитивное «усовершенствование» [9, с. 242–244].

Как отмечает Ж.-К. Ларше, за рациональной риторикой трансгуманизма скрывается отчётливо религиозный импульс – предложение «спасения» не через связь с Высшим Началом, а через технологическое преобразование тела и сознания. Технологический прогресс сакрализуется и занимает место Бога, формируя квазирелигию с тоталитарными амбициями – стремлением к глобальному влиянию и перекодировке самой человеческой природы [9, с. 244].

Важно различать трансгуманизм – движение, восходящее к идеалам Просвещения и представляющее собой, по выражению Ониши, «ультрагуманизм» – и критический постгуманизм (Н.К. Хэйлз, Р. Брайдогги) [15, с. 26]. Если первый предлагает радикальное «усовершенствование» человека через генную инженерию и нейроинтерфейсы, то второй деконструирует саму антропоцентрическую установку, лежащую в основе техноутопии: «... субъект в постгуманизме фрагментирован, его фрагменты непостоянны, сложны, а главное, не предполагают ключевой роли Антропоса» [8, с. 26].

Слабость трансгуманизма, как отмечает Ф. Феррандо, заключается в «техно-редукционистской интерпретации существования», игнорирующей онтологический статус телесности и редуцирующей человека до управляемого алгоритмом объекта [15, с. 26]. Именно эта редукция и лежит в основе технологического идолопоклонства. Конечная реальность (интерфейс) возводится до уровня предельного, становясь объектом поклонения.

Даже кинематограф фиксирует антропологическую реконфигурацию как культурный симптом. Нарративы от «Матрицы» (1999) и «Искусственный разум» (2001) до «Из машины» (2014) и «Создателя» (2023) отражают переход от внешнего культа технологии к внутреннему слиянию с ней. В этом суть трансгуманистического проекта.

Особую диагностическую ценность представляет сериал «Видоизменённый углерод» (2018–2020). В изображённом мире технология «стеков» (цифровых носителей сознания) позволяет загружать личность в новые тела. Этот сюжет является прямой аллегорией трансгуманистической утопии «цифрового бессмертия». А новая каста «мафов» (долгожителей), возомнивших себя богами, наглядно иллюстрирует тезис Фромма о том, что стремление человека стать богом через технику, приводит к утрате собственной природы.

В мире технологических инноваций данного сериала актуализируется и духовный аспект жизни людей – религии (неокатолицизма), запрещающей перенос сознания как «нарушение божественного замысла». Это создаёт конфликт между традиционной религией и технологической «спасительной» программой.

В целом сериал демонстрирует финальную стадию идолопоклонства – подмену трансцендентного спасения технологическим бессмертием, при которой человек добровольно отказывается от целостного бытия (тело+душа+дух) ради иллюзорного контроля над смертью. Это квазирелигия, в которой алгоритм замещает Абсолют.

В реальности данный тренд уже вышел за рамки футурологии. Проект Neuralink И. Маска, вживляющий нейроинтерфейсы в мозг человека, подтверждает нарастающую скорость реализации трансгуманистической программы [24].

Google как «цифровой бог». Поисковая система Google в массовом сознании наделяется атрибутами божества: всеведением, вездесущностью и способностью мгновенно удовлетворять любой запрос. Сатирический проект «Гуглизм» («Церковь Google»), провозглашающий «единственного бога, для подтверждения существования которого не нужна вера», парадоксальным образом фиксирует реальный феномен: технологический объективизм как новую форму квазирелигии, где алгоритм также замещает трансцендентное.

Эта подмена порождает онтологическую трансформацию – формирование новых страстей. Как показывает Т.А. Хагуров, цифровая среда усиливает эгоцентризм и нарциссизм, «главным девиантогенным последствием»

которых становится «утрата милосердия, эмпатии и основанных на них форм поведения» [18, с. 44–45]. Постоянное пребывание в сети, поиск одобрения через «лайки», сравнение себя с образами других – всё это генерирует тщеславие и гордыню, «кумиром для себя становится сам человек» [18, с. 44]. К. Лэш называет это «культурой нарциссизма», в которой христианские добродетели (смирение, милосердие) вытесняются культом самости [9].

Этот процесс знаменует завершение цикла антрополатрии, описанной К. Леонтьевым. Человек, отрекаясь от связи с Высшим Началом, возводит в абсолют самого себя – но уже в гибридной форме «цифровой личности», чья идентичность оптимизирована под логику интерфейсов [4, с. 586]. Как отмечает Д. Дайсон, парадокс этой зависимости в том, что «всё, что человеческие существа делают для упрощения работы в компьютерных сетях, в то же самое время... позволяет самим компьютерным системам проще управлять человеческими существами» [26, с. 347]. Технология, созданная для расширения свободы, становится новым идолом, требующим тотального поклонения.

Отсюда следует, что Гуглизм не является простой иронией, – это симптом глубинного антропологического кризиса, т. е. добровольного расчеловечивания через подмену трансцендентного имманентным суррогатом.

Чат-боты и Deus in Machina: алгоритмы как суррогаты Высшего Начала. В цифровую эпоху возникает новый феномен технологического идолопоклонства: пользователи, взаимодействуя с чат-ботами вроде ChatGPT и его аналогами, нередко приписывают им традиционно божественные атрибуты, как и в случае с Google, – всеведение, беспристрастность, нормативную непогрешимость. Возникает иллюзия диалога со сверхразумом, тогда как на деле речь идёт о статистических моделях, лишённых души, сознания, свободы воли и совести, для которых главным является дисциплина мышления по законам формальной логики.

Этот феномен позволяет говорить о формировании киберпрелести – особой религиозной опасности цифровой эпохи, при которой алгоритмический суррогат сакрального создаёт иллюзию духовного опыта, замещая живой контакт с Трансцендентным и лишая человека возможности установить подлинную связь с Ним.

Технология, первоначально выполняющая посредническую функцию в сферах коммуникации и знания (очень быстро «переквалифицировавшаяся» на роли личного психолога, педагога, врача, а последнее время – друга и даже возлюбленного), по воле человека начинает претендовать на роль духовного наставника, а в предельных случаях – на роль предельного источника смысла.

Подобно феномену лжестарчества, искусственный интеллект (квазинаставник), даже формально воспроизводя «верные» ответы, не ведёт к духовному преображению, но формирует зависимость от самого себя, вытесняя живое пастырское руководство и подменяя сосредоточение на Божественном.

Кульминацией виртуализации религиозного опыта стал арт-проект Deus in Machina («Бог в машине»), реализованный в 2024 г. в католической часовне Святого Петра в Люцерне (Швейцария). Проект представляет собой голографического чат-бота в образе Иисуса Христа, принимающего исповедь через решётку [25]. Искусственный интеллект, обученный на текстах Нового Завета, формально воспроизводит корректные богословские формулы, создавая иллюзию допустимости замещения живого священника алгоритмической системой.

Название проекта приобретает буквальный и тревожный смысл. Если в античном театре deus ex machina обозначал божество, искусственно вводимое в действие посредством механизма, то здесь происходит радикальная инверсия: бог не является через машину, но сам редуцируется к машине. Алгоритм выступает не посредником, а суррогатной заменой Высшего Начала.

Между тем сущность Таинства исповеди заключается в личной встрече, предполагающей присутствие живого свидетеля, наделённого совестью, ответственностью и способностью к соучастию, уже не говоря об особой священнической благодати. Искусственный интеллект, лишённый сознания и духовного опыта, способен лишь воспроизводить вербальные шаблоны, оставаясь онтологически пустым.

Популярность Deus in Machina свидетельствует не столько о технологическом эксперименте, сколько об утрате понимания природы сакрального и готовности принять алгоритмическую подмену, что соответствует традиционному понятию духовной прелести, перенесённому в цифровой контекст (киберпрелесть).

Deus in Machina выступает кульминацией явления, которое в более широком контексте проявляется во всех цифровых чат-ботах. Речь идёт о добровольном расчеловечивании через подмену трансцендентного имманентным технологическим суррогатом, об иллюзии духовного опыта при фактическом отсутствии онтологического основания и зависимости от алгоритмических посредников вместо живого духовного наставника.

Обсуждение и заключение. Проведённый анализ позволяет заключить, что основная угроза цифровой эпохи связана не с автономизацией технологий как таковых, а с антропологической трансформацией, при которой технические системы начинают выполнять квазирелигиозные функции, замещая собой трансцендентный источник смысла.

В этом контексте трансгуманистический проект «цифрового бессмертия» предстает как выражение фундаментальной онтологической иллюзии – представления о возможности отделения информации от её воплощения. Как убедительно показывает Н.К. Хейлз, информация, равно как и человеческая идентичность, не существует вне конкретных, локальных и невозпроизводимых форм телесного бытия; утрата формы означает утрату самого способа бытия, а потому не может быть компенсирована никакими манипуляциями с данными [27, с. 48–49].

В философско-антропологической перспективе данная иллюзия выступает одним из оснований формирования девиантных форм религиозности, в которых технология сакрализуется и приобретает статус предельного источника смысла. Цифровая среда, трансформируя когнитивные и перцептивные структуры субъекта (Д.Д. Велиев), создаёт условия для подобной сакрализации, однако не детерминирует её. Решающее значение сохраняет человеческий

выбор, выражающийся в различении между $\chi\rho\eta\sigma\varsigma$ (хресис) – использованием технологии в горизонте человеческой целостности во благо – и $\text{para}\chi\rho\eta\sigma\varsigma$ (парахресис) – её идолизацией и злоупотреблением, на чём настаивает В.Р. Легойда [10].

Тем самым критика цифрового идолопоклонства не предполагает отказа от технологий, но требует восстановления онтологической иерархии, в рамках которой техническое вновь занимает подчинённое место по отношению к Трансцендентному. Именно в этом различении пролегает граница между использованием технологии и её сакрализацией – граница, определяющая возможность сохранения человека как духовного существа в условиях цифровизации бытия.

Список литературы / References

- Бердяев Н.А. Человек и машина. *Вопросы философии*. 1989;2:143–163.
Verdyayev N.A. Man and Machine. *Problems of Philosophy*. 1989;2:143–163. (In Russ.)
- Бодрийяр Ж. *Америка*. СПб.: Владимир Даль; 2000. 208 с.
Vaudrillard J. *Amérique*. Saint Petersburg: Vladimir Dal; 2000. 208 p. (In Russ.)
- Бодрийяр Ж. *Пароли. От фрагмента к фрагменту*. Екатеринбург: У-Фактория; 2006. 199 с.
Vaudrillard J. *Passwords. From fragment to fragment*. Yekaterinburg: U-Factoria; 2006. 199 p. (In Russ.)
- Велиев Д.Д. Цифровое сознание и идентичность. *Humanity space International almanac*. 2024;13(7):581–596.
<https://doi.org/10.24412/2226-0773-2024-13-7-581-596>
Veliyev D.D. Digital Consciousness and Identity. *Humanity space international almanac*. 2024;13(7):581–596 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2226-0773-2024-13-7-581-596>
- Восток, Россия и славянство: Сборник статей К. Леонтьева*. В 2 т. Т. 2. Москва: Типо-лит. И.Н. Кушнерева и К°; 1886. 420 с.
The East, Russia, and Slavdom: A Collection of Articles by K. Leontiev. Vol. 2. Moscow: Tipo-lit. I.N. Kushnareva и К°; 1886. 420 p. (In Russ.)
- Забияко А.П., Воронкова Е.А., Лапин А.В. и др. *Киберрелигия: наука как фактор религиозных трансформаций*. Благовещенск: АМГУ; 2012. 208 с.
Zabiyako A.P., Voronkova E.A., Lapin A.V. *Cyber-religion: science as a factor of religious transformations*. Blagoveshchensk: Amur State University; 2012. 208 p. (In Russ.)
- Ильин И.А. *Аксиомы религиозного опыта*. В 2 т. Т. 1. Москва: ТОО Парогъ; 1993. 448 с.
Ilyin I.A. *Axioms of Religious Experience*. Vol. 1. Moscow: TOO Rarog; 1993. 448 p. (In Russ.)
- Криман А.И. Постгуманизм и современное искусство: пересборка антропоцентристского дискурса в пространстве визуального. *Наука телевидения*. 2023;19(3):21–41. <https://doi.org/10.30628/1994-9529-2023-19.3-21-41>
Kriman A.I. Posthumanism and Contemporary Art: Reassembling the Anthropocentric Discourse in the Visual Space. *The Art and Science of Television*. 2023;19(3):21–41. (In Russ.) <https://doi.org/10.30628/1994-9529-2023-19.3-21-41>
- Ларше Ж.-К. *Обратная сторона новых медиа*. Москва: Изд-во Сретенского монастыря; 2023. 304 с.
Larchet J.-C. *The flip side of new media*. Moscow: Sretensky man's monastery Publishing House; 2023. 304 p. (In Russ.)
- Легойда В.Р. Расчеловечивание человека представляет не меньшую угрозу, чем очеловечивание искусственного интеллекта. *Фома*. 2024. URL: <https://foma.ru/raschelovechivanie-cheloveka-predstavljajet-ne-menshuju-ugrozu-chem-ochelovechivanie-iskusstvennogo-intellekta-vladimir-legojda.html> (дата обращения: 13.09.2025).
Legoyda V.R. The dehumanization of humans poses no less of a threat than the humanization of artificial intelligence. *Foma*. 2024. (In Russ.) URL: <https://foma.ru/raschelovechivanie-cheloveka-predstavljajet-ne-menshuju-ugrozu-chem-ochelovechivanie-iskusstvennogo-intellekta-vladimir-legojda.html> (accessed: 13.09.2025).
- Марсель Г. *Трагическая мудрость философии. Избранные работы*. Москва: Издательство гуманитарной литературы; 1995. 216 с.
Marcel G. *Tragic Wisdom and Beyond*. Moscow: Publisher of humanities literature; 1995. 216 p. (In Russ.)
- Сорокин П.А. *Человек. Цивилизация. Общество*. Москва: Политиздат; 1992. 543 с.
Sorokin P.A. *Man. Civilization. Society*. Moscow: Politizdat; 1992. 543 p. (In Russ.)
- Тиллих П. *Избранное: Теология культуры*. Москва: Юрист; 1995. 479 с.
Tillich P. *Theology of culture*. Moscow: Yurist; 1995. 479 p. (In Russ.)
- Узланер Д. Введение в постсекулярную философию. *Логос*. 2011;82(3):3–32.
Uzlaner D. Introduction to postsecular philosophy. *Logos*. 2011;82(3):3–32 (In Russ.)
- Феррандо Ф. *Философский постгуманизм*. Пер. с англ. Д. Кралечкина. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики; 2022. 360 с.
Ferrando F. *Philosophical Posthumanism*. Moscow: HSE Publishing House; 2022. 360 p. (In Russ.)
- Фромм Э. *Быть человеком; Концепция человека у Карла Маркса*. Москва: АСТ; 2020. 288 с. (Философия – Neoclassic).
Fromm E. *On being human; Marx's Concept of Man*. Moscow: AST; 2020. 288 p. (In Russ.)
- Фромм Э. *Иметь или быть?* Москва: АСТ; 2016. 320 с.
Fromm E. *To Have or To Be?* Moscow: AST; 2016. 320 p. (In Russ.)
- Хагуров Т.А. *Девиантология – социология и психология зла*. Москва: ИНФРА-М; 2025. 412 с.

- Hagurov T.A. *Deviantology – Sociology and Psychology of Evil*. Moscow: INFRA-M; 2025. 412 p. (In Russ.)
19. Хайдеггер М. *Вопрос о технике. Хайдеггер М. Время и бытие*. Москва; 1993. С. 221–238.
- Heidegger M. *The question concerning technology. Heidegger M. Being and Time*. Moscow; 1993. Pp. 221–238. (In Russ.)
20. Шелер М. *Избранные произведения*. Москва: Гнозис; 1994. 490 с.
- Scheler M. *Selected philosophical essays*. Moscow: Gnosis; 1994. 490 p. (In Russ.)
21. Шпенглер О. *Человек и техника. Культурология. XX век. Антология*. Москва; 1995. С. 454–494.
- Spengler O. *Man and Technics. Cultural Studies. The 20th Century. Anthology*. Moscow; 1995. Pp. 454–494. (In Russ.)
22. Элбакян Е.С. Динамика социальных функций религии и религиозности в период пандемии. *Религиоведение*. 2021;3:104–117. <https://doi.org/10.22250/2072-8662.2021.3.104-117>
- Elbakyan E.S. Dynamics of Social Functions of Religion and Religiosity during the Pandemic. *Religious Studies*. 2021;3:104–117. (In Russ.) <https://doi.org/10.22250/2072-8662.2021.3.104-117>
23. Ясперс К. *Истоки истории и ее цель. Ясперс К. Смысл и назначение истории*. Москва; 1994. С. 99–239.
- Jaspers K. *The origin and goal of history*. Moscow; 1994. Pp. 99–239. (In Russ.)
24. Neuralink Илона Маска вживила чип второму пациенту. *Наука ТВ*. 2024. URL: https://naukatv.ru/news/v_shvejtsarii_golograficheskij_iiiisus_prinimaet_ispovedi_vmesto_svyaschennika (дата обращения: 13.09.2025).
- Elon Musk’s Neuralink has implanted a chip in a second patient. *Nauka TV*. 2024. (In Russ.) URL: https://naukatv.ru/news/v_shvejtsarii_golograficheskij_iiiisus_prinimaet_ispovedi_vmesto_svyaschennika (accessed: 13.09.2025).
25. В Швейцарии голографический ИИ-Иисус принимает исповеди вместо священника. *Forbes Russia*. 2024. URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/518348-neuralink-ilona-maski-vzivila-cip-vtoromu-pacientu> (дата обращения: 13.09.2025).
- In Switzerland, a holographic AI Jesus hears confessions instead of a priest. *Forbes Russia*. 2024. (In Russ.) URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/518348-neuralink-ilona-maski-vzivila-cip-vtoromu-pacientu> (accessed: 13.09.2025).
26. Dyson G.B. *Darwin Among The Machines: The Evolution Of Global Intelligence*. New York: Basic Books; 1997. 304 p.
27. Hayles N.K. *How We Became Posthuman: Virtual Bodies in Cybernetics, Literature, and Informatics*. Chicago: University of Chicago Press; 1999. 350 p.

Об авторе:

Лукьяненко Константин Александрович, старший преподаватель кафедры «Православная культура и теология», Донской государственной технической университет (Российская Федерация, 344003, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [ORCID](#), [SPIN-код](#), dakos@inbox.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

About the Author:

Lukyanenko Konstantin Alezandrovich, Senior Lecturer, Department of Orthodox Culture and Theology, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [ORCID](#), [SPIN-code](#), dakos@inbox.ru

Conflict of Interest Statement: the author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final version of manuscript.

Поступила в редакцию / Received 25.12.2025

Поступила после рецензирования / Reviewed 09.01.2026

Принята к публикации / Accepted 12.01.2026

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

УДК 24:37.01

Оригинальное теоретическое исследование

<https://doi.org/10.23947/2414-1143-2026-12-1-39-44>

Интеграция буддизма в систему российского образования: ключевые аспекты

К.А. Багаева

Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова, Улан-Удэ, Российская Федерация

✉ ksyusha.81@mail.ru

Аннотация

Введение. Повышение интереса к буддийскому образованию связано с геополитическими изменениями и цивилизационными трансформациями, которые происходят сегодня в мире и детерминируют необходимость рассматривать его с точки зрения многополярности, учитывая роль буддийских государств для России. Целью статьи является выявление особенностей внедрения буддизма в систему российского современного образования. Выделяются типы взаимодействия религии и образования, поставлена задача доказать, что интеграция буддизма и светского образования – это новый тип современного взаимодействия.

Материалы и методы. Методологической основой является системный подход, позволяющий рассмотреть религию и образование как социальные системы, находящиеся во взаимодействии. Структурно-функциональный подход применяется для изучения интеграции религии и образования. Используется общенаучная методология в виде анализа, синтеза, дедукции, абстрагирования. Применяется постсекулярная парадигма, пионером которой является Ю. Хабермаса, для рассмотрения соотношения религиозного и светского.

Результаты исследования. Современное образование характеризуется активным включением в него религии, которое формирует духовно-нравственные основы личности. Не является исключением и буддизм, учение которого по своему содержанию является постоянным образованием, которое исторически осуществлялось в монастырях. Вместе с тем современное буддийское образование также сконцентрировано в институтах, созданных при дацанах. Отмечается несколько векторов развития буддийского образования. Первый аспект – это традиционное духовное буддийское образование, второй – изучение буддизма как элемента светских дисциплин, третий – интеграция буддийских и светских образовательных учреждений. В исследовании продемонстрирован пример интеграции буддизма и образования в Бурятском госуниверситете им. Доржи Банзарова, где впервые реализуется программа бакалавриата по философии буддизма в сотрудничестве с буддийским университетом.

Обсуждение и заключение. В настоящий момент наблюдается последовательная государственная стратегия, направленная на поддержку и стимулирование развития буддийских религиозных объединений, а также на продвижение буддийского образовательного дискурса. Данная политика реализуется через комплекс мер, включающих финансовую поддержку, законодательную базу, а также содействие в институционализации буддийских образовательных программ.

Ключевые слова: общество, образование, религия, светское образование, религиозно образование, буддизм, буддийское образование

Для цитирования. Багаева К.А. Интеграция буддизма в систему российского образования: ключевые аспекты. *Научный альманах стран Причерноморья*. 2026;12(1):39–44. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2026-12-1-39-44>

Key Aspects of Buddhism Integration into the Russian Education System

Ksenia A. Bagaeva

Dorzhi Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Buryat Republic, Russian Federation

✉ ksyusha.81@mail.ru

Abstract

Introduction. The growing interest in Buddhist education is linked to the geopolitical shifts and civilizational transformations currently taking place in the world, which necessitate viewing it through the lens of multipolarity, given the role of Buddhist nations for Russia. The aim of this article is to identify the distinctive features of the integration of Buddhism into the modern Russian education system. The article identifies types of interaction between religion and education and sets out to demonstrate that the integration of Buddhism and secular education represents a new form of contemporary interaction.

Materials and Methods. The methodological foundation is a systems approach, which allows us to view religion and education as social systems that interact with one another. A structural-functional approach is applied to study the integration of religion and education. General scientific methodology is employed in the form of analysis, synthesis, deduction, and abstraction. A post-secular paradigm, pioneered by J. Habermas, is applied to examine the relationship between the religious and the secular.

Results. Modern education is characterized by the active integration of religion, which shapes the spiritual and moral foundations of the individual. Buddhism is no exception; its teachings, by their very nature, constitute a continuous educational process that has historically been carried out in monasteries. At the same time, modern Buddhist education is also concentrated in institutions established at *datsans*. Several vectors of development in Buddhist education are noted. The first aspect is traditional spiritual Buddhist education; the second is the study of Buddhism as part of secular disciplines; and the third is the integration of Buddhist and secular educational institutions. The study presents an example of the integration of Buddhism and education at the Dorzhi Banzarov Buryat State University, where a bachelor's program in Buddhist philosophy is being implemented for the first time in collaboration with a Buddhist university.

Discussion and Conclusion. At present, there is a consistent government strategy aimed at supporting and promoting the development of Buddhist religious organizations, as well as advancing Buddhist educational discourse. This policy is implemented through a range of measures, including financial support, a legislative framework, and assistance in institutionalizing Buddhist educational programs.

Keywords: society, education, religion, secular education, religious education, Buddhism, Buddhist education

For Citation. Bagaeva K.A. Key aspects of Buddhism integration into the Russian education system. *Science Almanac of Black Sea Region Countries*. 2026;12(1):39–44. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2026-12-1-39-44>

Введение. Современное образование формируется в поликонфессиональном и поликультурном пространстве. На наш взгляд, это важная особенность российского общества, в соответствии с которой выстраиваются задачи образования, состоящие не только в передаче знаний, но и в формировании духовно-нравственных основ личности, сегодня одна из главных ролей в этом процессе принадлежит религии. Вместе с тем существует понимание, что процесс обучения научному знанию об окружающем мире будет недостаточным без обращения внимания на многообразие религиозных культур, которые оказали влияние на развитие нашей страны и мира в целом. Неоспоримым фактом является и то, что сейчас влияние и роль религии заметно возросла и касается не только интересов индивида, но и затрагивает вопросы всех сфер общества.

Вопрос взаимодействия религии и образования интересует исследователей достаточно давно, однако особую актуальность данная тематика получила сравнительно недавно, когда началось активное внедрение религии в образовательную систему. В контексте современного образования, где религиозный компонент играет особую роль, представляется необходимым подвести некоторые итоги, опираясь на конкретный пример интеграции буддийского образования в систему светского образования. Среди форм взаимодействия религии и образования особый интерес представляет опыт включения буддийского образования в систему светского российского образования.

Интерес к буддийскому образованию связан с мировыми процессами, когда реалии современного мира ставят перед российским обществом задачу выстраивания диалога со странами, где традиционно исповедуется буддизм, которые предлагают альтернативу западной цивилизации. Цель статьи – определить ведущие особенности интеграции буддизма и системы современного светского образования, выделить главные тенденции этого процесса, опираясь на конкретный пример внедрения образовательной программы.

Материалы и методы. В качестве главной методологии был выбран системный метод, преимущества которого дают возможность изучить религию и образование как социальные системы, находящиеся во взаимодействии друг с другом. [1, с. 45]. В рамках системности религия и образование анализируются как взаимовлияющие элементы социальной структуры, выполняющие определенные функции, которые изменяют друг друга в процессе взаимодействия. Кроме того, для более детального исследования использован структурно-функциональный под-

ход, дающий возможность выделить религию и образование как структурные целостности в единой социальной системе и определить их воздействие на общество в целом. Такой методологический выбор обусловлен необходимостью глубокого понимания механизмов взаимодействия религии и образования, что позволяет выявить закономерности и тенденции, определяющие их роль в современном обществе.

Отметим, что целесообразным было использование и общенаучных методов как анализ, синтез, дедукция, абстрагирование, что позволило выявить связи и отношения между исследуемыми объектами. Теоретической основой исследования стала постсекулярная парадигма, сложившаяся в философских исследованиях Ю. Хабермаса, в которой утверждается идея, что религия выходит за свои границы и активно проникает во все сферах общественного пространства.

Результаты исследования. При рассмотрении вопроса о взаимосвязи религии и образования, можно выделить три основные модели взаимодействия. «Во-первых, это светское образование, во-вторых, конфессиональное религиозное образование, в-третьих, неконфессиональное религиозное образование» [2, с. 161]. В контексте данной типологии присутствие буддийского образования представлено в виде буддийского образования в монастырях, как светский предмет о философии буддизма в вузах в рамках дисциплин как «История философии», «Религиоведение», «Философия религии». Наконец, буддизм представлен как этнорегиональный компонент школьных предметов «Основы религиозной культуры и светской этики» (ОРКСЭ) и «Основы духовно-нравственной культуры народов России» (ОДНКНР).

Необходимо отметить важную особенность, заключающуюся в том, что буддизм исторически развивался как особая образовательная традиция монастырского образования, где происходила передача знания от учителя к ученику. Вместе с тем сегодня в российских регионах, где традиционно распространен буддизм тибетской школы гелуг, во многом сохраняется монастырское образование, которое имеет как аутентичные черты, так и черты модернизации. По существу, буддийское образование всегда было связано с монастырем, в котором происходит социализация, приобщение к буддийским ценностям, получение образования. «Вступление индивида в монастырь предполагает прохождение нескольких ступеней образования, которое может длиться до 20 лет и больше. Прохождение этих ступеней и получение ученых степеней открывали доступ к замещению более высоких статусов в административной, ритуальной и образовательной системах. В образовательной номенклатуре тибетского буддизма насчитывается до 40 степеней, в зависимости от специализации, уровня, монастырских и региональных особенностей» [3, с. 64].

На сегодняшний день буддийское духовное образование реализуется в двух образовательных заведениях: Буддийская академия в Агинском дацане и Буддийский университет «Даши Чойнхорлин имени Дамба Даржа Заяева» в Иволгинском дацане. Агинская Буддийская академия функционирует с 1998 г., в 2022 г. получена лицензия на образовательную деятельность, сформированы три профиля профессионального обучения бакалавров по буддийским наукам [4]. Буддийский университет «Даши Чойнхорлин» в 1999 г. получил государственную лицензию на право ведения образовательной деятельности в области религиозного образования, в 2004 г. получил государственную лицензию на право образовательной деятельности. Студент (хуварак) получает диплом о высшем образовании и звание «Лама-богослов». Эти два высших религиозных заведения являются важными институтами для подготовки специалистов по буддийской философии, которые выполняют также функцию воспроизведения буддийского духовенства и его первичную социализацию [5].

Таким образом, очевидно, что с началом религиозного возрождения в поликонфессиональном российском обществе начался процесс формирования новой структуры буддийского образования. Мы видим, что 90-е гг. – это начало возрождения духовного буддийского образования, когда были созданы первые буддийские учебные заведения, например, началом деятельности Агинской буддийской академии было открытие в Агинском Бурятском автономном округе в 1993 г. Школы тибетской медицины в продолжение двухсотлетних образовательных традиций Манба дугана Агинского дацана.

Эти образовательные учреждения, пройдя сложный многоступенчатый этап получения лицензии и аккредитации в 2000-е гг. стали системой буддийского образования с учебно-методической базой. Необходимо отметить, что этому способствовала и модернизация законодательной базы, прежде всего Конституция РФ, где в статье 14 указывается: «никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной», «религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом». Также следует указать Федеральный закон от 26.09.1997 N 125-ФЗ (ред. от 02.12.2019) «О свободе совести и о религиозных объединениях» [6], а конкретно статью 3: «право на свободу совести и свободу вероисповедания».

Эти правовые документы позволили религиозным организациям осуществлять образовательную деятельность, расширяя тем самым свое влияние. Для буддийского духовного образования это имело большое значение. Особенно после длительного советского периода запрета религии и религиозного образования, с этого времени начинается процесс сближения буддийского образования со светским образованием.

Необходимо отметить, что эти образовательные организации, с одной стороны, продолжают традиции буддийского монастырского образования, с другой стороны, в соответствии с требованиями современности, проявляются и светские черты. Так, траектория образовательной деятельности в них выстроена по образцу светских высших учреждений: условия поступления, начало занятий, срок обучения, виды учебных занятий, формы контроля и так далее. Вместе с дисциплинами буддийского направления студенты изучают и светские дисциплины как социоло-

гия, английский язык, математика и много другое. Таким образом, получается, что получаемое там буддийское образование при всей своей светской форме наполнено религиозным содержанием.

Новый виток интеграции буддийского образования и системы образования в целом отмечается в настоящее время. В российском обществе активно проходит процесс включения буддийской религиозной составляющей в образовательные организации, что обусловлено двумя факторами. Первый – это исторический опыт межкультурного и межконфессионального взаимодействия, традиционно сложившегося в российском обществе, второй фактор – это культурные контакты с буддийским миром. Для поддержки буддийского образования был создан «Фонд содействия буддийскому образованию и исследованиям» [7], под эгидой которого в г. Улан-Удэ в 2023–2024 гг. были проведены две международные конференции, посвященные буддизму, участниками которой стали 13 стран.

Фонд создан при поддержке Министерства науки и высшего образования, научными институтами по исследованию востока: Институт стран Азии и Африки МГУ (ИСАА МГУ), Институт Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН); Централизованной религиозной организацией Ассоциация буддийских общин «Арья Сангха». Это свидетельствует о государственной поддержке, с одной стороны, и заинтересованности буддийских религиозных организаций, с другой – в развитии буддологических исследований и буддийского образования. В этом аспекте буддийские организации выступают акторами, которые оказывают определенное влияние на развитие буддийского образования, в настоящее время активно выступают в качестве организаторов конференций, встреч, соавторов научных исследований и образовательных программ.

В Бурятском государственном университете имени Доржи Банзарова в 2024 г. был сделан первый набор на программу бакалавриата «Философия буддизма». Отличительной особенностью этой программы является то, что студенты являются одновременно учащимися буддийского университета «Даши Чойнхорлин». Вместе с тем необходимо отметить, что в БГУ им. Д. Банзарова реализуется образовательная программа бакалавриата 48.03.01 «Православная теология. Государственно-конфессиональные отношения», которую обеспечивает кафедра теологии и религиоведения, созданная в 2013 г. Здесь акцент делается на православную теологию наряду с общими дисциплинами. Надо отметить, что в 2024 г. в Восточном институте БГУ была создана базовая кафедра философии буддизма базе Буддийского университета «Даши Чойнхорлин», в составе которой преподаватели светского и религиозного университетов [8].

По существу, получение такого диплома решает очень важную социальную проблему. Студент, закончивший буддийские духовные образовательные организации, может продолжить дальнейшее образование в монастырях Индии или Тибета, либо работать в выбранном им дацане. Однако следует отметить, что не всегда полученное духовное образование является залогом успешной интеграции в современное общество. Сложилась ситуация, когда многие выпускники духовных буддийских университетов не могут интегрироваться в социум, не имея светского образования. Соответственно, теперь выпускник обладает как квалификацией священнослужителя, так светского специалиста.

Нельзя не отметить также еще один важный момент, который заключается в философии буддизма, а именно, идея личностно-ориентированного подхода. Образование – это процесс, ведущий к самореализации, основанный на личностных особенностях каждого. Буддийское образование стремится не диктовать, а помочь обнаружить в себе потенциал, кроме того, оно создает особую способствующую среду для человека. Все это демонстрирует потенциал буддийского образования для формирования социокультурных компетенций, которые соответствуют вызовам современности.

Обсуждение и заключение. Итак, буддийское образование сегодня развивается в таких направлениях: первое направление – традиционное монастырское образование, оформленное в светские рамки, но с буддийским наполнением. Этот тип религиозного образования имеет длительную историю, что позволило сохранить ему изучение ритуальной практики, специальных буддийских дисциплин в сочетании с современным светским методическим подходом. Второе направление – это фрагментарное изучение культуры буддизма в рамках школьных предметов ОРКСЭ и ОДНКНР, сущность которых опирается на аксиологический аспект религиозного наполнения. Третье – это изучение возникновения, философии буддизма в рамках светских дисциплин, в которых религиозная сторона не затрагивается. Наконец, формируется особое направление, которое включает в себя глубокое изучение философии буддизма как часть философии вообще в синтезе со светским оформлением и религиозным содержанием. При этом решается важная социальная проблема – интеграция буддийского духовенства в современный социум.

Буддизм изначально построен как учение с образовательной направленностью, однако, долгое время не требовалось его интеграции со светским образованием. Тем не менее, сегодня возникает необходимость как в расширении буддийского образования, так и в его адаптации в современных реалиях. Следует отметить, что из всех традиционных религий, буддизм в меньшей степени представлен в образовательном пространстве как количественно, так и качественно.

В настоящий момент очевидна целенаправленная политика государства по поддержке буддийских религиозных организаций. Поддержка проявляется и в развитии буддийского образования, что является важным аспектом сохранения и трансляции духовной традиции буддизма. К таковым шагам государства относятся: содействие в организации образовательных программ и создание условий для интеграции буддизма в систему современного образования.

Развитие буддийского образования во многом связано с характером современных государственно-религиозных отношений, которые находятся в состоянии соработничества религиозных объединений и государства. Во многом это приводит к поддержке государства религиозных организаций в их стремлении осуществлять образователь-

ную деятельность. Также это продиктовано необходимостью обращения к традиционным духовно-нравственным ценностям, сохранения национального единства, российской идентичности и самобытности, основания которых, как оказывается, во многом можно найти в традиционных религиях.

Список литературы / References

1. Цырендоржиева Д.Ш. *Системный метод и синергетика в социальном познании*. Улан-Удэ: Изд-во бурятского госуниверситета; 2005. 212 с.
Tsyrendorzhiyeva D.Sh. *The systems approach and synergetics in social cognition*. Ulan-Ude: Publishing House of Buryat State University. 2005. 212 p. (In Russ.)
2. Багаева К.А. *Взаимодействие религии и образования*. В: Социальные процессы в современном российском обществе: признаки и тенденции развития: материалы IX Всероссийской научной конференции с международным участием. 18–19 апреля 2025, Иркутск. С. 160–163.
Bagaeva K.A. *The interaction of religion and education*. In: Social Processes in Modern Russian Society: signs and trends. Materials of the 9th All-Russian Scientific Conference with the International Participation. Sc. ed. O. B. Istomina. Irkutsk, Irkutsk State University Publ., 2025. Pp. 160–163. (In Russ.)
3. Бадмацыренов Т.Б. *Буддийское образование в России: история и современное состояние*. В: Сборник научных статей по итогам международного научного семинара «Социальные процессы в Северо-Восточной Азии: современное состояние и тенденции развития». Санкт-Петербург; 2023. С. 63–69.
Badmatsyrenov T. *Buddhist Education in Russia: History and Current Status*. In: Proceedings of the International Academic Seminar “Social Processes in Northeast Asia: Current Status and Development Trends.” St. Petersburg; 2023. pp. 63–69. (In Russ.)
4. *Агинская буддийская Академия*. URL: <https://ababuddha.ru/> (дата обращения: 01.09.2025).
Aginsky Buddhist Academy. (In Russ.) URL: <https://ababuddha.ru/> (accessed: 01.09.2025).
5. *Буддийский университет «Даши Чойнхорлин имени Дамба Даржа Заяева»*. URL: <https://budduniver.ru/> (дата обращения: 01.09.2025).
Dashi Choinkhorlin Buddhist University of the Damba Darja Zayaev Estate. (In Russ.) URL: <https://budduniver.ru/> (accessed: 01.09.2025).
6. Федеральный Закон «О свободе совести и о религиозных объединениях», Принят Государственной Думой 19 сентября 1997 года. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102049359> (дата обращения: 01.09.2025).
Federal Law “On Freedom of Conscience and Religious Associations,” adopted by the State Duma on September 19, 1997. (In Russ.) URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102049359> (accessed: 01.09.2025).
7. *Фонд содействия буддийскому образованию и исследованиям*. URL: <https://buddhistfund.ru/> (дата обращения: 29.08.2025).
Foundation for the Promotion of Buddhist Education and Research. (In Russ.) URL: <https://buddhistfund.ru/> (accessed: 29.08.2025).
8. *Бурятские ученые совместно с буддийским университетом «Даши Чойнхорлин» имени Дамба Даржа Заяева начнут совместную подготовку философов-буддологов*. URL: <https://www.bsu.ru/news/30474/> (дата обращения: 03.08.2025).
Scientists from Buryatia, in collaboration with the Dashi Choinkhorlin Buddhist University of the Damba Darja Zayaev, will launch a joint program to train philosophers specializing in Buddhist studies. (In Russ.) URL: <https://www.bsu.ru/news/30474/> (accessed: 03.08.2025).
9. Козырев Ф.Н. *Религиозное образование в светской школе. Теория и международный опыт в отечественной перспективе*. Санкт-Петербург: Апостольский город; 2005. 634 с.
Kozyrev F.N. *Religious Education in Secular Schools: Theory and International Experience from a Domestic Perspective*. Saint Petersburg: Apostylsky gorod; 2005. 634 p. (In Russ.)
10. Понкин И.В. *Правовые основы светскости государства и образования*. Москва: Про-Пресс; 2003. 413 с.
Ponkin I.V. *The Legal Foundations of the Secular Nature of the State and Education*. Moscow: Pro-Press; 2003; 413 p. (In Russ.)
11. Нестеркин С.П. Социальная организация буддийского сообщества центрально-азиатского буддизма: формирование традиционной модели и ее современная трансформация. *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2016;11:338–342. URL: <https://applied-research.ru/article/view?id=10496> (дата обращения: 03.08.2025).
Nesterkin S.P. The social organization of the Buddhist society of central Asian Buddhism: the formation of the traditional model and its modern transformation. *International Journal of Applied and fundamental research*. 2016;11:338–342. (In Russ.) URL: <https://applied-research.ru/article/view?id=10496> (accessed: 20.08.2025).
12. Уланов М.С., Тюмидова М.Е. Феномен буддийского образования. *Вестник Калмыцкого университета*. 2023;58(2):124–131. <https://doi.org/10.53315/1995-0713-2023-58-2-124-131>
Ulanov M.S., Tuymidovathe M.E. Phenomenon of Buddhist education. *Bulletin of Kalmyk University*. 2023;58(2):124–131. (In Russ.) <https://doi.org/10.53315/1995-0713-2023-58-2-124-131>

Об авторе:

Багаева Ксения Анатольевна, кандидат философских наук, доцент кафедры «Философия», Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова (670000, Российская Федерация, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а), [ORCID](#), [SPIN-код](#), ksyusha.81@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

About the Author:

Bagaeva Ksenia Anatolyevna, Can. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Department of Philosophy, Dorzhi Banzarov Buryat State University (24a, Smolina St., Ulan-Ude, 670000, Russian Federation), [ORCID](#), [SPIN-code](#), ksyusha.81@mail.ru

Conflict of Interest Statement: the author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final version of manuscript.

Поступила в редакцию / Received 23.12.2025

Поступила после рецензирования / Reviewed 09.01.2026

Принята к публикации / Accepted 12.01.2026

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

УДК 2:1; 530.145

Оригинальное теоретическое исследование

<https://doi.org/10.23947/2414-1143-2026-12-1-45-49>

Религия и квантовая физика о видении мира: что важно знать журналисту, пишущему о научных открытиях в условиях современной технологической цивилизации?

О.В. Фарберович

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

✉ olesyafarberovich@gmail.com

Аннотация

Введение. Целью исследования является попытка определить ориентиры и вектор возможностей в профессии научного журналиста для понимания мира квантовой физики, опираясь на ключевые способы познания. Осмысление того факта, что через медийное отражение работы ученого идет проникновение в основания научного знания, актуализирует в новом контексте осознание последствий узловых проблем и достижений квантовой наноауки в целом для человечества.

Материалы и методы. Описательный и аналитический методы применены для определения специфики работы научного журналиста. Сравнительно-сопоставительный анализ показал сходство и различие популярных в исследовательском поле мнений на бытие, природу и человека, обозначив тем самым лояльное взаимоотношение религии и науки, в частности, квантовой физики.

Результаты исследования. На плечи научного журналиста возложена гуманистическая миссия: общество и интеллектуально развитого человека привести к нравственному совершенствованию. В этой связи специалисту, работающему в сфере научного медиаполя, чтобы служить эффективным звеном между научно-исследовательской организацией и целевой аудиторией либо так называемыми «умными неэкспертами», имеет смысл освоить базовые философские понятия, учитывать конвенциональный характер науки, а также существующую грань между иллюзорным и реальным, объективно воспринимая актуальную научную мысль.

Обсуждение и заключение. Воспитывая в целевой аудитории стимул к дальнейшему познанию, журналист должен учитывать факт духовного становления личности. Общество ожидает от науки как социального явления предоставления определенных новых и безопасных передовых технологий, а основанные на законах квантовой физики знания постоянно меняются, влияя в свою очередь на человека и формирование его моральной ответственности. Журналист, популяризирующий и распространяющий новейшие технологии, должен опасаться в своей работе риска проявления профанации науки либо технологического фетишизма, а для большей прозрачности и ценностной корректности важно учитывать внутренний диалог между научным и религиозным мировоззрением.

Ключевые слова: религия, научное познание, квантовая физика, научная журналистика, научные открытия, передовые технологии

Для цитирования. Фарберович О.В. Религия и квантовая физика о видении мира: что важно знать журналисту, пишущему о научных открытиях в условиях современной технологической цивилизации? *Научный альманах стран Причерноморья*. 2026;12(1):45–49. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2026-12-1-45-49>

Original Theoretical Research

Religion and Quantum Physics on the Worldview: What a Journalist Writing about Scientific Discoveries in the Context of Modern Technological Civilization Needs to Know?

Olesya V. Farberovich

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

✉ olesyafarberovich@gmail.com

Abstract

Introduction. The purpose of the study is to attempt to define the guidelines and vector of opportunities in the profession of a science journalist for understanding the world of quantum physics relying on key ways of knowing. Through the

media representation of the scientist's work, we gain insight into the foundations of scientific knowledge. Understanding this fact actualizes in the new context the implications of the key problems and achievements of quantum nanoscience for humanity as a whole.

Materials and Methods. Descriptive and analytical methods are used to determine the specifics of the work of a science journalist. Comparative analysis showed the similarity and difference of opinions popular in the research field on being, nature and man, thereby indicating the loyal relationship between religion and science, in particular, quantum physics.

Results. Science journalists bear a humanistic mission. They should lead society and the intellectually developed person to moral improvement. It makes sense for a specialist, who works in the scientific media field, to master basic philosophical concepts, take into account the conventional nature of science, as well as the existing line between the illusory and the real, objectively perceiving current scientific thought so that they will be able to become an effective link between the research organization and the target audience or the so-called "smart non-experts".

Discussion and Conclusion. When a journalist cultivates in the target audience a stimulus for further knowledge, they should take into account the fact of the spiritual development of the individual. Society expects that science as a social phenomenon will provide certain new and safe advanced technologies. Knowledge based on the laws of quantum physics is constantly changing, influencing, in turn, a person and the formation of their moral responsibility. A journalist who popularizes and disseminates the advanced technologies ought to be wary of the risk of science profanation or technological fetishism in their work. It is important to take into account the internal dialogue between the scientific and religious worldviews for greater transparency and value correctness.

Keywords: religion, scientific knowledge, quantum physics, science journalism, scientific discoveries, advanced technologies

For Citation. Farberovich O.V. Religion and Quantum Physics on the Worldview: What a Journalist Writing about Scientific Discoveries in the Context of Modern Technological Civilization Needs to Know? *Science Almanac of Black Sea Region Countries*. 2026;12(1):45–49. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2026-12-1-45-49>

Введение. В XXI столетии человек стремительно прокладывает траекторию между робототехникой и машинным обучением вперед к будущей квантовой информационной технологии. Хотя ученые понимают, что невероятно сложно предсказать, в какой области найдет применение квантовая нанонаука, а опыт прошлых лет доказал, что путь от научного изобретения до технического воплощения может быть очень долгим, например, в отношении высокотехнологичных материалов, которые должны подтвердить свою безопасность.

Сегодня знания, разработанные фундаментальными исследователями, показывают, какие ресурсы существуют и каковы потенциалы в ближайшей перспективе. Человечество все больше стремится к практической выгоде и производству экономически жизнеспособной продукции. Безусловно, возможности квантовой физики обещают стать настоящим подспорьем для скачка в медицине, при хранении и шифровании больших баз данных, производстве «умных» материалов и уже вывели культуру в эпоху Интернета. Другой вопрос: хотят ли люди использовать эти знания для формирования нравственных ценностей? Как же правильно оценить риски и принимать решения в стремительно меняющейся цивилизации?

Принято, что наука изучает устройство мира, а религия – мораль и поведение человека, но «модель интеграции религии и науки предусматривает возможность расширения научных знаний в область традиционных религиозных представлений. Если это происходит, то именно на границе научного и религиозного знания возникает та область, в которой с помощью философии может быть осуществлен их синтез» [1, с. 33]. С.В. Кривовичев в книге «Наука верующих или вера ученых: век XX» считает, что «между наукой и религией нет серьезных противоречий» [2].

Интересна мысль о том, что выдающиеся ученые Грегор Мендель, Зигмунд Фрейд, Альберт Эйнштейн, Макс Планк «открыли таинственные новые миры, исследование которых кардинально изменило наше мировоззрение. Наука выступает не в роли хранителя стабильности и порядка, а как неисправимый революционер, создающий творческие беспорядки. Она делает нашу жизнь не более упорядоченной или спокойной, но свободнее и интереснее» [3, с. 16].

Так, «квантовая механика обновила интерес философов и ученых к фундаментальным вопросам о естественном мире, человеческом познании и Боге» [4, с. 44]. Но одним из самых великих достижений науки XX столетия стало «убеждение, что человеческий разум и, следовательно, наука не имеют никаких оснований для отвержения Бога и религиозного познания мира» [5, с. 18]. Есть точка зрения, что главным достижением квантовой механики является «осознание целостности, дополнительности субъекта и объекта, человека и мира. Человек – наблюдатель в ней становится со-творцом тварного мира» [6, с. 48].

По мнению основоположника квантовой теории, выдающегося немецкого ученого, лауреата Нобелевской премии по физике и в то же время глубоко религиозного мыслителя Макса Планка, «и религия, и естествознание нуждаются в вере в Бога, при этом для религии Бог стоит в начале всякого размышления, а для естествознания – в конце. Для одних Он означает фундамент, а для других – вершину построения любых мировоззренческих принципов» [7, с. 35].

В ходе современных дискуссий даже открылась идея так называемого квантового богословия, согласно которому «Творец дает свободу сотворенному миру находиться в разных состояниях, но связывает реализацию этих состояний с духовной позицией человека... Это представление о Творении дает новый взгляд на метаисто-

рический характер «грехопадения», придает убедительность возможности проявления иной реальности в этом мире» [8, с. 261–262]. Тем не менее сторонники союза науки с религией понимают, что можно пройти «хоть небольшой, но важный шаг в преодолении острого противоречия между технологической оснащённостью человечества и его гуманитарным развитием» [9, с. 198].

Согласимся, что «расширение пространства научного поиска и включение в него теологического дискурса... позволит преодолеть те материалистические «шоры», которые сегодня являются объективным препятствием на пути исследования сознания, и будет способствовать решению ряда актуальных научных проблем» [10, с. 109].

Материалы и методы. Посредством сравнительно-сопоставительного анализа в работе предпринята попытка обозначить отражение лояльного взаимоотношения науки, в частности, квантовой физики, и религии, чтобы выявить ключевые сходства и различия во взглядах на бытие, природу и человека. Описательный и аналитический методы применены для определения специфики работы научного журналиста.

Результаты исследования. Как же должен работать журналист, популяризирующий и распространяющий новейшие технологии? Следуя справедливой мысли Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла в ряде его проповедей [11], главная задача – увидеть синтез религии и науки и внедрять его в культуру. То есть нужно соединить веру и человеческие знания, особенно в век цифровизации, информатизации и опережающих технологий. Эту идею, очевидно, следует отнести к специалисту, работающему в сфере научного медиаполя.

Бесспорно, журналист, формирующий мнение аудитории, должен основываться только на достоверных фактах и точке зрения экспертов. Чтобы пропагандировать науку, неизбежно нужно погружение в нее. Учитывая, что в современном научно-образовательном пространстве или, как его еще иногда называют, атомизированном обществе, журналисту, пишущему о науке, необходимо вооружаться знаниями узко специализированных отраслей (физика, биология, химия, информатика и др.), а порой и междисциплинарных областей.

Например, такой опыт реализуется в ФРГ. В этом отношении привлекательна современная практика научно-исследовательского общества Макса Планка в Германии: в ходе посещения лабораторий и участия в повседневной экспериментальной работе происходит своеобразный нетворкинг ученых и представителей СМИ. Этому способствуют программы EICOS (European Initiative for Communicators in Science) для специалистов научной журналистики или сферы научных коммуникаций, где не только проходят медиалекции, интерактивные сессии, открытые обсуждения, но и реальная работа с поставленной научной задачей. «Может быть, основной смысл таких программ – ломка стереотипов, до сих пор существующих в обществе в отношении науки и тех, кто ею занимается» [12].

Научному журналисту полезно также знать о конвенциональном характере науки, то есть о том, что знания рождаются по соглашению ученых из развития гипотез, а теория может оказаться как истинной, так и ложной. К тому же «у человека, занимающегося научной деятельностью, всегда есть интуитивные представления о том, что является научным, а что – вненаучным. Эти представления во многом определяются принятой им системой идеалов и норм научности: идеалов и норм объяснения и описания, доказательности и обоснования знаний, их построения и организации» [13, с. 374]. Поэтому вещать широкой аудитории об открытии как о прорывном научный журналист должен, соблюдая предельную объективность и корректность. Для этого следует формировать практическое умение применять критерий научности – знать сущность философских подходов, иметь независимое мышление, владеть философскими категориями. Ведь возможно, что даже неверующий, но «философски образованный специалист, и как специалист, и как человек, благодаря занятиям философией оказывается способным соотносить свои знания и навыки с возможным предельным горизонтом их применения вообще» [14, с. 75].

Задача научного журналиста не просто переводить науку на общепонятный язык, превращая тяжеловесное чтение в развлекательный науцпоп в доступной форме или же содействовать научной кооперации посредством больших возможностей медийного пространства. Но и призвать задуматься о том, что искусственный интеллект, соревнуясь с естественным, буквально вступает в схватку, постепенно размывая границы: человек настойчиво вторгается в замысел Божий. На самом деле, «решение об обоснованности рисков в конечном итоге всегда строится на субъективной оценке, учитывающей знания и ценности. Дискурсе без систематической базы знаний остается дискурсом, который игнорирует моральное качество вариантов действий, помогает безнравственности прорваться наружу» [15, с. 16].

Понятно, что «особый статус научной рациональности в системе ценностей техногенной цивилизации и особая значимость научно-технического взгляда на мир определены тем, что научное познание мира является условием для его преобразования в расширяющихся масштабах» [13, с. 100]. В этой связи через призму анализа и продвижения передовых технологий, особенно в области еще далеко неизведанного квантового микромира, научная журналистика должна показывать, что для человека будущего возможен новый путь духовного опыта, когда, пожалуй, в силу диалектики науки еще сложнее сохранять нравственные устои, ответственность за духовную безопасность, а также экологический образ мысли в стремлении избегать слепой вседозволенности, технократических иллюзий и раскола между научным и религиозным познанием. В то же время наука в условиях межнациональных и межконфессиональных конфликтов может служить мостом для примирения или, напротив, ареной для идеологической борьбы в гонке наукоёмких технологий.

На плечи научного журналиста возложена гуманистическая миссия: общество и интеллектуально развитого человека привести к нравственному совершенствованию. Здесь нужно учитывать не только реальное положение

дел и актуализацию научных исследовательских результатов, но и отношение к этим достижениям государства, бизнес-сообщества, промышленных партнеров. «Квантовая магия» очаровывает потребителей, власть имущих и промышленников, с одной стороны, проявляющих доверие и энтузиазм к стартапам, инновационному бизнесу и высокотехнологичным разработкам, а с другой стороны, зачастую информация о перспективах, преимуществах и рисках приводит стороны не к согласию, а скорее «к поляризации существующих позитивных или негативных установок» [15, с. 15].

Активно распространяющиеся идеи трансгуманизма о появлении сверхчеловека со сверхвозможностями, спекуляции на инновациях либо технологический фетишизм, тенденция научной экспансии, направленная «не только на формирование артефактной среды, но и на модификацию самого человека» [16, с. 337] – также являются для научного журналиста ключевыми факторами объективного восприятия актуальной научной мысли и осознания существующей грани между научным и иллюзорным. Ведь человеку дано от Бога назначение познавать и становиться все лучше и добрее. Тем не менее, «современная физика открыла дверь новому и более широкому взгляду на отношения между человеческим духом и реальностью» [17, с. 127].

Обсуждение и заключение. Итак, неизменным лейтмотивом остается стремление людей определить алгоритм мирового порядка или «откровение» о природе физической реальности, поэтому в сегменте квантовых исследований журналистской практики остаются авторитет ученых, убеждения или опасения общества, философские основания и духовное наследие человечества.

В условиях современной технологической цивилизации значимость указанных аспектов в деятельности журналиста, который пишет о научных открытиях, не вызывает сомнения. Напротив, анализ убедительно демонстрирует, что следует опасаться в своей работе риска проявления профанации науки либо технологического фетишизма, а для большей прозрачности и ценностной корректности важно учитывать внутренний диалог между научным и религиозным мировоззрением. Тема отражения и продвижения передовых исследований в медиасфере требует периодического анализа, особенно, нуждаясь в этом с каждым громким заявленным изобретением, новаторским техническим решением, а в целом и процессом приращения знания.

Воспитывая в целевой аудитории стимул к дальнейшему познанию, журналист должен учитывать факт духовного становления личности. Общество ожидает от науки как социального явления предоставления определенных новых и безопасных передовых технологий, а основанные на законах квантовой физики знания постоянно меняются, влияя, в свою очередь, на человека и формирование его моральной ответственности.

Повторим вопрос британского физика и математика Роджера Пенроуза: «Действительно ли наши представления об окружающем мире, управляемом законами классической и квантовой физики в их современном понимании, адекватны для описания мозга и разума?» [18, с. 324]. Ответ, вероятно, заключается в поиске смысла и цели жизни, формировании ценностного мировоззрения, особенно в преддверии эры квантовой информации.

Список литературы / References

1. Клементьева Т.Н. Взаимоотношения религии и науки в современном мире: философский анализ модели интеграции. *Вестник Вятского государственного университета*. 2020;1:30–37. <https://doi.org/10.25730/VSU.7606.20.004>
1. Klementieva T.N. The relationship between religion and science in the modern world: philosophical analysis of the integration model. *Bulletin of Vyatka State University*. 2020;1:30–37. (In Russ.) <https://doi.org/10.25730/VSU.7606.20.004>
2. Кривовичев С.В. Наука верующих или вера ученых: век XX. URL: <https://www.litres.ru/book/sergey-krivovichev-5578041/nauka-veruuschih-ili-vera-uchenyh-vek-xx-10416036/chitat-onlayn/#idm140344812409168> (дата обращения: 21.08.2025).
2. Krivovichev S.V. Science of believers or the faith of scientists: the 20th century. (In Russ.) URL: <https://www.litres.ru/book/sergey-krivovichev-5578041/nauka-veruuschih-ili-vera-uchenyh-vek-xx-10416036/chitat-onlayn/#idm140344812409168> (accessed: 21.08.2025).
3. Freiheit schafft Wissen. *Max-Planck-Forscher*. 2012;2:14–18.
4. Кирьянов Д.В. Квантовый индетерминизм в диалоге науки и религии. *Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии*. 2023;17(1):30–45. https://doi.org/10.47132/2541-9587_2023_1_30
4. Kiryanov D.V. Quantum indeterminism in a dialogue between science and religion. *Scientific Journal Saint Petersburg Theological Academy Russian Orthodox Church*. 2023;17(1):30–45. (In Russ.) https://doi.org/10.47132/2541-9587_2023_1_30
5. Воробьев В. Щелкачев А. Вера и естественно-научное знание. *Вестник ПСТГУ. Сер. 1: Богословие. Философия*. 2012;40(2):7–19.
5. Vorobyev V., Shchelkachev A. Faith and Scientific Knowledge. *St. Tikhon's University Review. I. 1: Theology. Philosophy*. 2012;40(2):7–19. (In Russ.)
6. Копейкин К. Квантовый лик мира. *Христианское чтение*. 1995;10:41–57.
6. Kopeikin K. Quantum face of the world. *Christian reading*. 1995;10:41–57. (In Russ.)
7. Макс Планк. Религия и естествознание. *Вопросы философии*. 1990;8:25–36.
7. Max Planck. Religion and natural science. *Questions of philosophy*. 1990;8:25–36. (In Russ.)
8. Шпатаковская Г.В. Вопросы антропологии на границах агностицизма и теологии: обзор ежеквартального семинара «Диалог физиков и богословов» (Москва, Свято-Филаретовский институт, 2013–2023). *Вестник Свято-Филаретовского института*. 2024;16(2):246–266. https://doi.org/10.25803/26587599_2024_2_50_246

Shpatakovskaya G.V. Issues of anthropology on the borders of agnosticism and theology: overview of the quarterly seminar “Dialogue of Physicists and Theologians” (Moscow, St. Philaret Institute, 2013-2023). *The Quarterly Journal of Saint Philaret's Institute*. 2024;16(2):246–266. (In Russ.) https://doi.org/10.25803/26587599_2024_2_50_246

9. Цибизова И.М. Наука и религия: о пользе сотрудничества. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3. Философия*. 2024;4:183–199.

Tsibizova I.M. Science and Religion: The Benefits of Cooperation. *Social sciences and humanities. Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. I. 3. Philosophy: Abstract Journal*. 2024;4:183–199. (In Russ.)

10. Копейкин К.В. Теология и наука XXI века. *Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии*. 2018;1(2):106–120. <https://doi.org/10.24411/2541-9587-2018-10007>

Kopeikin K.V. Theology and science of the 21st century. *Works of the Department of Theology of the St. Petersburg Theological Academy*. 2018;1(2):106–120. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/2541-9587-2018-10007>

11. Официальный сайт телеканала «Союз». URL: https://tv-soyuz.ru/peredachi/pervosvyatitel-slovo-svyateyshego-patriarha?filter_year=2025 (дата обращения: 21.08.2025).

The official website of the “Soyuz” TV channel. (In Russ.) URL: https://tv-soyuz.ru/peredachi/pervosvyatitel-slovo-svyateyshego-patriarha?filter_year=2025 (accessed: 21.08.2025).

12. Лозовская Е. Макс Планк, сплайсинг и футбол. *Наука и жизнь*. 2006;10. URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/7589/>

Lozovskaya E. Max Planck, splicing and football. *Science and life*. 2006;10. (In Russ.) URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/7589/>

13. Степин В.С. *Философия науки. Общие проблемы: учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук*. Москва: Гардарики; 2006. 384 с.

Stepin V.S. *Philosophy of Science. Common problems: textbook for graduate students and applicants for the degree of candidate of sciences*. Moscow: Gardariki; 2006. 384 p. (In Russ.)

14. Утуров К.У., Каниметов Э.Ж. О проблемах преподавания философии студентам современного вуза. *Проблемы современной науки и образования*. 2016;34(76):74–76.

Uturov K.U., Kanimetov E.Zh. About the problems of teaching philosophy to students of modern high school. *Modern problems of science and education*. 2016;34(76):74–76. (In Russ.)

15. Das Unsichtbare durchschauen. *Max Planck Forschung*. 2013;2:12–17.

16. Лагерева О.Н. Значение гуманистически ответственной детерминанты ученого в современной науке. *iPolytech Journal*. 2012;5(64):336–339.

Lagereva O.N. Importance of scholar's humanistically responsible determinant in modern science. *iPolytech Journal*. 2012;5(64):336–339. (In Russ.)

17. Гейзенберг В. *Физика и философия. Часть и целое*. Пер. с нем. Москва: Наука; 1989. 400 с.

Heisenberg V. *Physics and philosophy. Part and whole*. Translated from German. Moscow: Science; 1989. 400 p. (In Russ.)

18. Пенроуз Р. *Новый ум короля: о компьютерах, мышлении и законах физики*. Пер. с англ. Общ. ред. О.В. Малышенко. Москва: Едиториал УРСС; 2003. 384 с.

Penrose R. *The Emperor's New Mind: Concerning Computers, Minds and The Laws of Physics*. Translated from English. General editor O.V. Malyshenko. Moscow: URSS Editorial; 2003. 384 p. (In Russ.)

Об авторе:

Фарберович Олеся Владимировна, магистр журналистики, редактор отдела взаимодействия со средствами массовой информации управления информационной политики, Донской государственный технический университет (Российская Федерация, 344003, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [ORCID](https://orcid.org/), [SPIN-код](https://spina.org/), olesyafarberovich@gmail.com

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

About the Author:

Farberovich Olesya Vladimirovna, Master of Journalism, Editor, Information Policy Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [ORCID](https://orcid.org/), [SPIN-code](https://spina.org/), olesyafarberovich@gmail.com

Conflict of Interest Statement: the author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final version of manuscript.

Поступила в редакцию / Received 16.09.2025

Поступила после рецензирования / Reviewed 02.10.2025

Принята к публикации / Accepted 07.10.2025

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 94:008

Оригинальное теоретическое исследование

<https://doi.org/10.23947/2414-1143-2026-12-1-50-55>

Визионерская европейская геополитика кивернитиса Иоанниса Каподистрии: социально-политический и духовно-религиозный аспекты

Т.С. Оленич , Д.И. Пыхтин

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

 tamara1970@inbox.ru

Аннотация

Введение. В современной действительности актуальны вопросы об определении роли личности и ее влияния на становление и развитие отдельного государства и взаимодействие с другими странами. Цель статьи – реконструкция социально-политических и духовно-религиозных взглядов кивернитиса И. Каподистрии, необходимых для понимания его визионерской европейской геополитики. Основные задачи: проанализировать деятельность Иоанниса Каподистрии как выдающегося политика и дипломата, выявить социально-политические и духовно-религиозные взгляды кивернитиса И. Каподистрии; определить роли личности Каподистрии в построении взаимоотношений между народами греческого государства и европейского сообщества.

Материалы и методы. Используются общенаучные методы исследования: всеобщей связи, метод сравнительного анализа и синтеза, описательный метод и научного обобщения. Исходной методологической идеей работы являются диалектический и системный подходы.

Результаты исследования. Визионерская европейская геополитика кивернитиса Иоанниса Каподистрии направлена прежде всего на отстаивание политической, социально-экономической и духовно-религиозной независимости Греции и на поддержание и развитие взаимоотношений с европейскими государствами, включая в первую очередь Россию. Греческий президент стремился создать для соотечественников независимое государство европейского типа, основанное на ценностях эпохи Просвещения, исповедующее православные христианские ценности, присущие русскому государству.

Обсуждение и заключение. Сделан вывод, что Кивернитис Иоаннис Каподистрия в течение непродолжительного времени своего правления греческим государством своей визионерской геополитической деятельностью способствовал восстановлению Греции и ее политической независимости и выбору религиозного пути развития. Данное исследование может послужить материалом для дальнейшего изучения деятельности первого греческого президента и определению его выдающихся заслуг перед соотечественниками и зарубежными партнерами в его политической, социально-экономической, религиозно-просветительской и дипломатической деятельности.

Ключевые слова: Иоаннис Каподистрия, визионерская европейская геополитика, социально-политический и духовно-религиозный аспекты

Для цитирования. Оленич Т.С., Пыхтин Д.И. Визионерская европейская геополитика кивернитиса Иоанниса Каподистрии: социально-политический и духовно-религиозный аспекты. *Научный альманах стран Причерноморья*. 2026;12(1):50–55. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2026-12-1-50-55>

Original Theoretical Research

The Visionary European Geopolitics of Ioannis Kapodistrias: Socio-Political and Spiritual-Religious Aspects

Tamara S. Olenich , Dmitry I. Pykhtin

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

 tamara1970@inbox.ru

Abstract

Introduction. In today's world, questions regarding the role of the individual and their influence on the formation and development of a nation-state, as well as its interactions with other countries, remain highly relevant. The purpose of this

article is to reconstruct the socio-political and spiritual-religious views of Ioannis Kapodistrias, which are essential for understanding his visionary European geopolitics. Main objectives: to analyze the activities of Ioannis Kapodistrias as an outstanding politician and diplomat; to identify the socio-political and spiritual-religious views of Ioannis Kapodistrias; to determine the role of Kapodistrias as an individual in building relations between the peoples of the Greek state and the European community.

Materials and Methods. The study employs general scientific research methods, including the method of universal connections, the method of comparative analysis and synthesis, the descriptive method, and scientific generalization. The underlying methodological framework of this work is based on dialectical and systems approaches.

Results. The visionary European geopolitical vision of Ioannis Kapodistrias was aimed primarily at upholding Greece's political, socioeconomic, and spiritual-religious independence, as well as at maintaining and developing relations with European states, including, first and foremost, Russia. The Greek president sought to create for his compatriots an independent European-style state based on the values of the Enlightenment and professing the Orthodox Christian values inherent in the Russian state.

Discussion and Conclusion. It has been concluded that, during his brief tenure as head of the Greek state, Ioannis Kapodistrias of Kiveritis contributed, through his visionary geopolitical efforts, to the restoration of Greece and its political independence, as well as to the choice of a religious path for the country's development. This study may serve as a basis for further research into the activities of the first Greek president and for assessing his outstanding contributions to his compatriots and foreign partners in his political, socio-economic, religious-educational, and diplomatic endeavors.

Keywords: Ioannis Kapodistrias, Visionary European Geopolitics, and Its Socio-Political and Spiritual-Religious Dimensions

For Citation. Olenich T.S., Pykhtin D.I. The Visionary European Geopolitics of Ioannis Kapodistrias: Socio-Political and Spiritual-Religious Aspects. *Science Almanac of Black Sea Region Countries*. 2026;12(1):50–55. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2026-12-1-50-55>

Введение. Актуальность исследования обусловлена возрастающим в последнее время интересом к роли личности в истории и ее влиянию на становление и развитие государства. Иоаннис Каподистриас (Иван Антонович Каподистрия) – один из выдающихся деятелей национально-освободительных движений Европы начала XIX в., во многом опередивший и определивший свое время. Каподистрия оставил заметный след и в истории России [1]. Исследование разносторонней и многогранной деятельности кивернитиса Иоанниса Каподистрии позволяет выявить социально-политические и духовно-религиозные воззрения первого президента Греции и установить их воздействие на европейские государства.

Будучи главой Министерства иностранных дел Российской империи, Иоаннис Каподистрия представлял интересы как российской внешней политики, так и интересы греческой республики и европейских государств. Его заслуга состоит в определении достойного места российского государства среди европейских стран. Сущность дипломатической деятельности Каподистрии состояла в приверженности правовым основам в международных отношениях, протесте против одностороннего вмешательства во внутренние дела других государств, стремлении обеспечения стабильности и устойчивости мирного устройства европейских государств [2]. Иоаннису Каподистриасу принадлежит идея создания организации, предвосхищавшей Организацию Объединенных Наций.

Цель данной статьи – реконструкция социально-политических и духовно-религиозных взглядов кивернитиса И. Каподистрии, необходимых для понимания его визионерской европейской геополитики. Объектом исследования выступает визионерская европейская геополитика кивернитиса Иоанниса Каподистрии. Предметом исследования являются социально-политические и духовно-религиозные взгляды Каподистрии.

Материалы и методы. В качестве ведущих методов в работе применяются методы: всеобщей связи, сравнительного анализа и синтеза, описательный метод и научного обобщения. Исходной методологической идеей работы являются диалектический и системный подходы. Изучение архивных данных, научных работ, исторических источников, воспоминаний современников и писем, документов дипломатического характера составило основу исследования данной работы.

Результаты исследования. Образованный человек своего времени Иоаннис Каподистриас, в полной мере владеющий философией и медициной, начинает дипломатическую карьеру на своей родине, в Греции [3]. В 1800 г. по предложению русского адмирала Ф.Ф. Ушакова И. Каподистрия становится секретарем законодательного совета Ионической Республики, или Республики Семи Соединенных островов. В 1803 г. получает назначение на должность статс-секретаря по иностранным делам Республики Ионических островов, а в январе 1809 г. граф Иоанн Каподистрия, уроженец острова Корфу и греческий патриот, прибывает в Санкт-Петербург и становится доверенным лицом русского царя Александра I. С 1814 г. Каподистрия фактически становится главой царской канцелярии внешней политики российского государства [4, 5].

Значимым событием для русского государства и для самого Каподистрии было подписание мирного договора с Францией в Париже. За все время службы российскому государю и государству Каподистрия отличился совершенным бескорыстием как в денежных, так в и служебных отношениях. Его безмерная скромность, абсолютная воздержанность и откровенность синтезировались с чувством повиновения, что постепенно укрепили и увеличили положительное воздействие на Александра I [6].

По мнению Н.И. Карамзина, Каподистрия заслуживает оценки «умнейшего человека нынешнего двора». Продолжая жить в столице и получая успехи на службе в российском посольстве, Каподистрия не перестает думать о судьбе своей греческой родины. В 1821 г. происходит антитурецкое восстание под предводительством Александра Ипсиланти. Каподистрия не поддержал письмо вождя повстанцев-этеристов в Бессарабии Ипсиланти с призывом к России прогнать турок из Греции и Европы. Он был против поспешных военных действий, как и русский император Александр, не имевший желания развязки новой войны с Турцией. Несмотря на общность интересов Каподистрии и Александра, с начала 1820-х гг. отношения между ними стали ослабевать, поскольку русский император, боясь революционных настроений в Европе, готов был пойти на сближение с Австрией и не желал вступать в войну с Османской империей. Эти разногласия со Священным союзом и Александром в 1822 г. привели Каподистирию к решению отстраниться от конференций европейских держав по Греции и не принимать участия в их подготовке и обсуждении на служебных докладах [7, 8].

Находясь в Швейцарии, Каподистрия стал активно содействовать греческим революционерам деньгами, оружием и продовольствием. Греческая революция 1821–1829 гг. послужила толчком для зарождения в мировом обществе филэллинского движения. Английские, американские, а впоследствии и французские филэллины выступили в защиту интересов молодой греческой республики и устремились в Грецию. Россия не осталась безучастной к героической борьбе греков за независимость [9].

Для греков было особенно важно, что Россия была единственной в то время православной страной, тесно связанной с греками историей и культурой. Кроме того, для России казалось выгодно развитие торгово-экономических связей с Грецией, тем более что большинство греческих кораблей ходило под русским флагом. Народы Балканского полуострова видели в России своего союзника в борьбе за национальное освобождение и рассчитывали на нее в своих выступлениях против султанского ига на Балканском полуострове. Эти расчеты подкреплялись сознанием религиозной, национальной и культурной близости с Россией [10].

Весной 1827 г. остро встал вопрос об избрании президента (правителя) Греции. Авторитет и опыт Каподистрии для греков были чрезвычайно важны. Граф Каподистрия вновь оказался в центре политической жизни Греции. 2 (14) апреля 1827 г. Третья национальная ассамблея Греции, заседавшая в Тризене, избрала на семилетний срок Каподистирию на пост кивернитиса (дословно «кормчего»), то есть правителя, политического главы Греции. Находясь в Европе, кивернитис Иоаннис не только занимался решением внешнеполитических и экономических вопросов в защиту интересов Греции, но и боролся за масштабное расширение границ будущего греческого государства. Каподистрии пришлось противодействовать внешней политике Турции, Англии и Франции, видевших в нём российского агента. Согласно мнению исследователей, «политическая смерть» молодой Греции была бы неизбежна, если бы был не политический нейтралитет Каподистрии, имевшего «некоторый пророссийский уклон» [11].

Судьба Греции, «на которую смотрели свысока, как на нищую» [12], становится очевидной после событий при Наварине в октябре 1827 г.: турецкая эскадра была уничтожена русско-англо-французскими войсками. В начале января 1828 г. выпущенный из австрийской тюрьмы Александр Ипсиланти, смертельно больной, при известии о решении Каподистрии возвратиться в Грецию успел прошептать «Слава тебе, Господи» и умер [13].

Обсуждение и заключение. Прибытие Каподистрии в январе 1828 г. на родину в качестве главы государства позволило ему исполнить долг перед Грецией и войны соотечественниками: «защитить народ от ужасов анархии и доставить ему возможность постепенно совершить дело национального и политического возрождения». Состояние греческого государства и населения вследствие продолжительной и тяжелой религиозной войны находилось в последней степени разорения, с озлобленным и жестоким населением. Целью Каподистрии стало преобразование Греции в государство европейского типа, основанное на ценностях эпохи Просвещения.

Население греческого государства включало четыре главные конфронтационные партии: 1) партия народная, позиционирующая президента как спасителя отечества; 2) коджа-баши, или партия старшин, сторонники политики раздробленности Греции на мелкие владения федерального союза; 3) партия невежественных политиков (завистники президента), провозглашающих себя государственными деятелями и президента; 4) партия фанариотская, сторонников устройства государства по образцу Молдавии или Валахии.

Стараниями Каподистрии из разрозненной страны создается система государственного управления: армия и флот, судебная система, церковь, народное образование, земледелие, намечаются пути экономического развития страны. Президент понимает важность проведения политического воспитания народа, необходимость предоставления гражданам свободы и материальной стабильности, необходимость искоренения разбойничества и пиратства на прилегающих морских территориях.

Каподистрия работает над созданием боеспособной централизованной регулярной армии. Такая армия позволит закрепить успех борьбы с вооруженной оппозицией, воспрепятствует наступлению Порты. Национальный офицерский кадровый состав Греции пополняется выпускниками первого офицерского училища – Школы эвельпидов. И.А. Каподистрия не ограничивается финансированием и церковном окормлении армии, кивернитис дает распоряжение о создании института полковых священников.

Каподистрия предпринимает решительные действия по созданию системы правосудия, фундаментальной основы государственного управления. Организация судов и их укомплектование квалифицированными судьями проводятся при личном участии и под пристальным непосредственным контролем Каподистрии. Греческое законодательство предписывало ориентацию на образцы европейского законодательства. В стране введен в действие

гражданско-процессуальный кодекс, города должны быть под контролем мирового судьи, каждая провинция имела суд 1-й инстанции. Система судов в Греции предназначалась в том числе для замены некоторых социальных и правовых институтов, созданных при османской эпохе. Усилиями Каподистрии создана государственная администрация, учреждена служба статистики, осуществившая первую перепись населения независимой Греции [14].

Каподистрия решает одну из важнейших проблем для Греции, проблему экономики страны. Греция должна была возвращать долги английским банкирам и греческим судовладельцам. По инициативе Каподистрии в стране началась чеканка собственной валюты. Главной денежной единицей стал «серебряный феникс», стоимость которого составляла примерно полтора рубля по тем временам. Кроме того, были введены в обращение медные монеты трех номиналов: 10, 5 и 1 обол (где один обол соответствовал четверти копейки). Для обеспечения выпуска монет был создан Национальный монетный двор.

Фискальная политика Каподистрии в отношении национальных финансов принесла желаемый результат: государственная казна стала пополняться за счет сбора налогов и таможенных пошлин специальными чиновниками, дефицит бюджета стал постепенно сокращаться. Стали осуществляться выплаты военным небольшого фиксированного жалования. Однако полностью решить все финансовые проблемы не удалось, следствием чего стало проявление недовольства политикой президента, вылившиеся в вооруженные выступления, подготовку и убийство Каподистрии. Смерть Каподистрии внесла свои правки в политический режим страны: отмена реформ, начало гражданской войны и пр. [15].

Развитие сельского хозяйства в Греции требовало решения сложного вопроса о национальных землях, который после революции приобрел политический характер. Каподистрия видел путь к экономической самостоятельности страны через перераспределение земельных ресурсов: часть земель предполагалось передать безземельным крестьянам и участникам революционных событий, а другую часть – продать с торгов, пополнив государственную казну вырученными средствами.

Каподистрии удалось осуществить частичное распределение земель среди беженцев и ветеранов несмотря на активное противодействие со стороны местной земельной знати – кодзабов, которые стремились присвоить себе бывшее турецкое имущество. Однако эти меры не смогли полностью разрешить существующие аграрные проблемы.

С самого начала своего правления перед Каподистрией встает сложный вопрос об автокефалии: необходимо было обеспечить благополучие Православной церкви и укрепить ее в государстве. Определяющий шаг в церковной реформе был сделан в январе 1828 г., когда был учрежден Церковный комитет – временный высший орган церковного управления, в состав которого вошли пять архиереев. Следующим значительным преобразованием стало создание Министерства по делам Церкви и народного просвещения, что свидетельствовало о серьезном подходе к вопросам духовного развития страны и образования.

Каподистрия предпринимает колоссальные усилия по восстановлению разрушенных в годы революции храмов и сбережению, и охране церковного имущества от расхищения. Президентом принимается решение о назначении государственного жалования духовенству и финансирования системы образования, неразрывно связанного с православной верой.

Особое значение Каподистрия придавал проблеме подготовки духовенства. В числе первых в стране государственных учебных заведений была открыта духовная семинария на острове Порос. Президент вынашивал идею создания в Греции Духовной академии по образцу высших духовных учебных заведений России. Проработать эту идею он поручил известному ученому и церковно-общественному деятелю К. Икономосу, находившемуся тогда в России. Уже летом 1828 г. Икономос представил Каподистрии «План церковной академии», реализовать который так и не представилось возможным из-за отсутствия финансирования. Как патриот и как верный сын Церкви Каподистрия был убит на пороге храма [16]. Позже это обстоятельство было истолковано его сторонниками символически: прерванная связь движения греческой нации по пути возрождения греко-православной традиции.

Развитие системы народного образования стало одним из приоритетных направлений внутренней политики Каподистрии. В результате проведенных реформ сложилась разветвленная система образовательных учреждений. Исторический прорыв произошел с появлением государственных школ, которые открыли двери среднего образования для простого народа. Примечательно, что эти учебные заведения содержались за счет небогатой государственной казны.

Особенностью новой образовательной системы стал синтез светского и духовного обучения. Школы строились по образцу монастырей, где получение знаний органично переплеталось с православным воспитанием. Даже такие повседневные моменты, как прием пищи, превращались в образовательный процесс – во время трапез ученикам читали жития святых, воспитывая в них духовные ценности и религиозное мировоззрение.

Непосредственное участие греческого президента Каподистрии позволило открыть сиротский приют на острове Эгина. В дальнейшие планы кивернитиса входило открытие национального университета. Учебные заведения того времени имели учебные программы и методики преподавания в соответствии с европейскими образцами, поскольку Каподистрия представлял независимую Грецию подобием этих государств, что требовало соответствующим образом подготовленные кадры.

В России убийство Каподистрии было воспринято как трагедия. А.Я. Булгаков писал из Москвы своему брату Константину 1 ноября 1831 г.: «...Жуковский сказал мне вчера ужаснейшую весть, что Каподистрия греками убит.

Экие изверги! Государь еще надеялся, что это неправда. Дай Бог! Меня сразило это известие. После убийства Каподистрии для Греции наступило тяжелое время междоусобиц и тяжелейших испытаний [2].

Таким образом, Иоаннис Каподистрия во многом способствовал появлению нового Греческого государства на карте Европы. Образование государства было итогом национально-освободительного движения греческого народа и компромиссом между европейскими державами, преследующими свои геополитические интересы [17]. Деятельность Каподистрии для России совпадала с национальными устремлениями греков, ориентированных на «державу-покровительницу», которой после победоносных русско-турецких войн при Екатерине II негласно считалась Россия.

Список литературы / References

1. Платонова З.И. А. *Каподистрия. Статс-секретарь Министерства иностранных дел (1815–1822 гг.)*. 2002;1:102–112. Platonova Z.I. I.A. *Kapodistria: State Secretary of the Ministry of Foreign Affairs (1815–1822)*. 2002;1:102–112 (In Russ.)
2. Шапкина А.Н. Образование МИД и деятельность российской дипломатии в первой четверти XIX в. В кн.: *Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802–2002*. Москва: ОЛМА-ПРЕСС; 2002. Т. 1. 290 с. Shapkina A.N. The Establishment of the Ministry of Foreign Affairs and the Activities of Russian Diplomacy in the First Quarter of the 19th Century. In: *Essays on the History of the Russian Ministry of Foreign Affairs. 1802–2002*. Moscow: OLMA-PRESS; 2002. Vol. 1. 290 p. (In Russ.)
3. Жуковский В.А. *Сочинения. В 2 т.* Т. 1–2. Москва: изд-во И.Д. Сытина; 1902. 400 с. Zhukovsky V.A. *Works. In 2 vols.* Vol. 1–2. Moscow: I.D. Sytin Publishing House; 1902. 400 p. (In Russ.)
4. Арш Г.Л. И. *Каподистрия и греческое национально-освободительное движение 1809–1822 гг.* Москва: Наука; 1976. 327 с. Arsh G.L. I. *Kapodistrias and the Greek National Liberation Movement, 1809–1822*. Moscow: Nauka; 1976. 327 p. (In Russ.)
5. Арш Г.Л. Первый правитель Греции глазами русских современников. *Эллада*. 2008;5:86–92. Arsh G.L. The First Ruler of Greece as Seen by His Russian Contemporaries. *Hellas*. 2008;5:86–92. (In Russ.)
6. Марули-Зилемени М. Деятельность И. Каподистрии как правителя. В: *Первый российско-греческий форум гражданских обществ. «Российско-греческие государственные, церковные и культурные связи в мировой истории*. Афины – Москва: РФК-Имидж Лаб; 2008. С. 175–181. Maruli-Zilemenu M. “The Activities of I. Kapodistrias as a Ruler.” In: *First Russian-Greek Civil Society Forum. “Russian-Greek State, Church, and Cultural Ties in World History”*. Athens–Moscow: RFK-Image Lab; 2008. Pp. 175–181. (In Russ.)
7. Стурдза А.С. *Воспоминания о жизни и деяниях графа И.А. Каподистрии, правителя Греции*. СПб.; 1864. 189 с. Sturza A.S. *Memoirs of the Life and Deeds of Count I.A. Kapodistrias, Ruler of Greece*. St. Petersburg; 1864. 189 p. (In Russ.)
8. Теплов В.А. Послужной список гр. Каподистрии в Главном Архиве Министерства Иностранных Дел; записка гр. Каподистрии о своей службе в России. *Граф Иоанн Каподистрия, президент Греции: исторический очерк*. СПб., 1893. С. 163–303. Teplov V.A. Count Kapodistrias’s service record in the Main Archive of the Ministry of Foreign Affairs; Count Kapodistrias’s memorandum on his service in Russia. *Count Ioannis Kapodistrias, President of Greece: A Historical Essay*. St. Petersburg, 1893. Pp. 163–303. (In Russ.)
9. Орлик О.В. Экономические и политические реалии эпохи Александра I и Николая I. *История внешней политики России. Первая половина XIX века (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 года)*. Москва: Международные отношения; 1999. С. 9–27. Orlik O.V. The Economic and Political Realities of the Era of Alexander I and Nicholas I. *The History of Russian Foreign Policy: The First Half of the 19th Century (From Russia’s Wars Against Napoleon to the Treaty of Paris of 1856)*. Moscow: International Relations; 1999. Pp. 9–27. (In Russ.)
10. Мартене Ф.Ф. *Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами*. СПб.: Типограф. Мин-ва путей сообщения. Т. IV. Ч. I. 1878. 620 е.; Т. VII. 1885. 456 е.; Т. XI. 1895. 514 е.; Т. XIV. 1905. 446 с. Martens F.F. *Collection of treaties and conventions concluded by Russia and foreign powers*. St. Petersburg: Printing Office of the Ministry of Transport. Vol. IV, Part I, 1878, 620 pp.; Vol. VII, 1885, 456 p.; Vol. XI, 1895, 514 pp.; Vol. XIV, 1905, 446 p. (In Russ.)
11. Достян И.С. Русский участник греческой революции. *Научная цифровая библиотека PORTALUS.RU*. URL: https://portalus.ru/modules/historical_memoirs/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1516626368&archive=&start_from=&ucat=& (дата обращения: 30.10.2025). Dostyan. A Russian Participant in the Greek Revolution. *PORTALUS.RU Digital Research Library*. (In Russ.) URL: https://portalus.ru/modules/historical_memoirs/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1516626368&archive=&start_from=&ucat=& (accessed: 30.10.2025)
12. Дивов П.Г. Петербург в 1827 год. (из дневника П.Г. Дивова). 1827 г. *Русская старина*. 1898;93(1):101–110. Divov P.G. St. Petersburg in 1827 (From the diary of P.G. Divov). 1827. *Russkaya Starina*. 1898;93(1):101–110. (In Russ.)

13. Орлик О.В. Россия и восточный кризис 20-х годов. *История внешней политики России. Первая половина XIX века (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 года)*. Москва: Международные отношения; 1999. С. 189–240.

Orlik O.V. Russia and the Eastern Crisis of the 1820s. *History of Russian Foreign Policy: The First Half of the 19th Century (From Russia's Wars Against Napoleon to the Treaty of Paris of 1856)*. Moscow: International Relations; 1999. pp. 189–240. (In Russ.)

14. Записка графа Иоанна Каподистрии о его служебной деятельности. *Сборник Императорского Русского исторического общества*. Т. 3. 1968. СПб.; 408 с.

A memorandum by Count Ioannis Kapodistrias on his official duties. *Proceedings of the Imperial Russian Historical Society*. Vol. 3. 1968. St. Petersburg; 408 p. (In Russ.)

15. Чернов А.В. О политических взглядах Каподистрии. *Вестник РУДН*. 2015;2. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/994071757.pdf> (дата обращения: 30.10.2025).

Chernov A.V. John Capodistrias' political views. *RUDN Journal of Russian History*. 2015;2. (In Russ.) URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/994071757.pdf> (accessed: 30.10.2025).

16. Райк А.Н. Записка об убиении Каподистрии. *Русский архив*. 1869;7:881–919; 279–308.

Raik A.N. A Note on the Assassination of Kapodistrias. *Russian Archives*. 1869;7:881–919; 279–308. (In Russ.)

17. ΝΙΚΟΣ ΤΖΑΝΑΚΟΣ Νικόλαί Αλεξέγιεβιτς Ράικο Για ένα παράσημο ανδρείας. ΕΚΔΟΣΕΙΣ “ΠΙΚΡΑΜΕΝΟΣ”; 2019. 264 p.

18. Кузнецов А.И., Райков Ю.А., Самойленко В.В. *История дипломатии России: в 2 т.* Т. 1. Под ред. А.В. Торкунова, А.Н. Панова. Москва: Аспект Пресс; 2017. 352 с.

Kuznetsov A.I., Raikov, Yu.A., and Samoilenko, V.V. *History of Russian Diplomacy: In 2 vols.* Vol. 1. Edited by A.V. Torkunov and A.N. Panov. Moscow: Aspekt Press; 2017. 352 p. (In Russ.)

Об авторах:

Оленич Тамара Станиславовна, доктор философских наук, профессор кафедры «Философия и мировые религии», Донской государственной технической университет (344003, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [ORCID](https://orcid.org/0000-0001-9142-1000), [SPIN-код, tamara1970@inbox.ru](https://spina.org.ru/author/tamara1970@inbox.ru)

Пыхтин Дмитрий Иванович, аспирант, Донской государственной технической университет (344003, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), Dip484@mail.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Olenich Tamara Stanislavovna, PhD (Doctorate) (Philosophy), Professor, Department of Philosophy and World Religions, Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [ORCID](https://orcid.org/0000-0001-9142-1000), [SPIN-code, tamara1970@inbox.ru](https://spina.org.ru/author/tamara1970@inbox.ru)

Pykhtin Dmitry Ivanovich, PhD student, Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), Dip484@mail.ru

Conflict of Interest Statement: the authors declare no conflict of interest.

All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 22.12.2025

Поступила после рецензирования / Reviewed 12.01.2026

Принята к публикации / Accepted 14.01.2026

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 329.14

Оригинальное теоретическое исследование

<https://doi.org/10.23947/2414-1143-2026-12-1-56-61>

Философское осмысление кризиса русского марксизма на примере донской организации меньшевиков

А.А. Аганов , О.А. Елдинов

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

 Aganoff.a@yandex.ru

Аннотация

Введение. После завершения Гражданской войны в России советские власти приступили к разгрому партии меньшевиков. При поддержке коммунистической партии на Дону была создана инициативная группа, состоявшая из бывших членов партии меньшевиков, главной задачей которой была официальная ликвидация отделения на территории региона. Цель работы – рассмотреть систему взглядов и идей бывших членов партии меньшевиков, побудивших их принять участие в ликвидации регионального отделения. Задачи: рассмотреть деятельность инициативной группы по ликвидации донского отделения партии меньшевиков, выяснить политические взгляды бывших членов партии меньшевиков на Дону – участников движения, причины, заставившие их принять участие в ликвидации донского отделения партии.

Материалы и методы. Выявлены, проанализированы и использованы документы и материалы, содержащие сведения о деятельности инициативной группы по ликвидации Ростово-Нахичеванской организации меньшевиков. Применяются описательный, сравнительно-исторический и историко-системный методы.

Результаты исследования. Бывшие члены партии меньшевиков приняли активное участие в ликвидации регионального отделения организации. Инициативная группа по ликвидации регионального отделения партии меньшевиков была создана в условиях проводимой советскими властями репрессий против оппозиционных политических сил. Другой важной целью группы было избрание делегатов для Всероссийского съезда, который должен был официально ликвидировать партию на территории Советского Союза. Имея поддержку от региональных партийных органов, члены инициативной группы сумели привлечь в свои ряды бывших меньшевиков и начать ликвидацию регионального отделения. Информация из регистрационных карточек, заполненных участниками движения, показывает, что до прихода к власти большевиков, они одобряли деятельность руководства партии меньшевиков. Но после прихода к власти большевиков и их победы в Гражданской войне члены движения радикально изменили свои политические взгляды.

Обсуждение и заключение. Сделан вывод, что члены движения поддерживали руководство партии меньшевиков не одобряли действия большевиков. Но после прихода к власти большевиков участники движения резко изменили свои политические взгляды. Они стали подвергать жесткой критике руководство партии меньшевиков, которое находилось в эмиграции после победы большевиков в Гражданской войне и полностью одобряли политические действия советских властей. С большой долей вероятности бывшие члены партии скрывали свои истинные политические взгляды из-за репрессий в отношении других социалистических партий. При этом у некоторых из них могли измениться политические взгляды. Несмотря на это, руководство Юго-Восточного Бюро РКП(б) не позволило инициативной группе полностью выполнить стоящие перед ними цели и задачи.

Ключевые слова: инициативная группа, коммунистическая партия, меньшевики, организация, политические взгляды

Для цитирования. Аганов А.А., Елдинов О.А. Философское осмысление кризиса русского марксизма на примере донской организации меньшевиков. *Научный альманах стран Причерноморья*. 2026;12(1):56–61. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2026-12-1-56-61>

A Philosophical Analysis of the Crisis in Russian Marxism: The Case of the Don Region's Menshevik Organization

Andrey A. Aganov , Oleg A. Eldinov

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

✉ Aganoff.a@yandex.ru

Abstract

Introduction. After the end of the Civil War in Russia, the Soviet authorities set about dismantling the Menshevik Party. With the support of the Communist Party, an initiative group was formed in the Don region, consisting of former members of the Menshevik Party, whose main task was the official dissolution of the regional branch. The purpose of this study is to examine the system of views and ideas held by former members of the Menshevik Party that motivated them to participate in the dissolution of the regional branch. Objectives: to examine the activities of the initiative group aimed at dissolving the Don branch of the Menshevik Party; to clarify the political views of former members of the Menshevik Party in the Don region, participants in the movement, and the reasons that led them to take part in the dissolution of the Don branch of the party.

Materials and Methods. Documents and materials containing information on the activities of the initiative group tasked with dismantling the Rostov-Nakhichevan Menshevik organization have been identified, analyzed, and utilized. Descriptive, comparative-historical, and historical-systemic methods have been applied.

Results. Former members of the Menshevik Party played an active role in the dissolution of the organization's regional branch. An initiative group tasked with dissolving the regional branch of the Menshevik Party was formed amid the Soviet authorities' crackdown on opposition political forces. Another important goal of the group was to elect delegates to the All-Russian Congress, which was to officially dissolve the party within the Soviet Union. With the support of regional party bodies, members of the initiative group managed to recruit former Mensheviks into their ranks and begin the dissolution of the regional branch. Information from registration cards filled out by members of the movement shows that, prior to the Bolsheviks' rise to power, they approved of the activities of the Menshevik party leadership. But after the Bolsheviks came to power and won the Civil War, members of the movement radically changed their political views.

Discussion and Conclusion. It was concluded that the movement's members supported the leadership of the Menshevik Party and disapproved of the Bolsheviks' actions. However, after the Bolsheviks came to power, the movement's participants drastically changed their political views. They began to harshly criticize the Menshevik party leadership, which had gone into exile following the Bolsheviks' victory in the Civil War, and fully endorsed the political actions of the Soviet authorities. It is highly likely that former party members concealed their true political views due to the repression against other socialist parties. At the same time, some of them may have actually changed their political views. Despite this, the leadership of the South-Eastern Bureau of the RCP(b) did not allow the initiative group to fully accomplish the goals and tasks set before them.

Keywords: action group, Communist Party, Mensheviks, organization, political views

For Citation. Aganov A.A., Eldinov O.A. A Philosophical Analysis of the Crisis in Russian Marxism: The Case of the Don Region's Menshevik Organization. *Science Almanac of Black Sea Region Countries*. 2026;12(1):56–61. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2026-12-1-56-61>

Введение. После завершения Гражданской войны в России, советские власти приступили к разгрому партии меньшевиков. К 1923 г. в результате политических репрессий и эмиграции руководства, партия меньшевиков уже не существовала как единая политическая организация. Для окончательного разгрома движения советские власти стали готовиться к проведению в стране Всероссийского съезда партии меньшевиков, который должен был официально ликвидировать на территории СССР организацию. Для этого при поддержке коммунистической партии в различных частях страны были созданы инициативные группы, состоящие из представителей партии меньшевиков. Их целью было проведение на местах съездов региональных отделений, целью которых был роспуск отделений и избрание представителей на Всероссийский съезд партии меньшевиков. Одна из таких инициативных групп была создана в Ростове-на-Дону и Нахичевани-на-Дону в 1923 г. Цель работы – рассмотреть систему взглядов и идей донских меньшевиков, побудивших их принять участие в ликвидации регионального отделения. Задачи: рассмотреть деятельность инициативной группы по ликвидации донского отделения партии меньшевиков, выяснить политические взгляды донских меньшевиков – участников движения, причины, заставившие их принять участие в ликвидации донского отделения партии.

Материалы и методы. Используются документы, содержащие сведения о деятельности инициативной группы по ликвидации донской организации меньшевиков, выявленные в Центре документации новейшей истории Ростовской области. Данные источники впервые введены в научный оборот. Привлечены историографические исследования, в которых анализируется деятельность донских меньшевиков в период с 1903 по 1917 гг. [1]. Деятельности донской организации меньшевиков с момента ее основания в 1903 г. и до начала Первой мировой войны посвящена работа М.А. Васькова [2]. Исследование Т.В. Щукиной [3] посвящено меньшевистским организациям, существовавшим на территории Области Войска Донского в период с 1914 г. по декабрь 1917 г. Вместе

с донским историком С.Г. Воскобойниковым она в другом исследовании [4] проанализировала тактику донских меньшевиков в годы Первой мировой войны. Историк Е.А. Рязанцева [5] изучила деятельность саратовской организации меньшевиков в 1922–1924 гг. Данное исследование позволило сравнить положение региональных отделений партий, которые находились в схожих условиях. Л.А. Боева в своем труде [6] обратила внимание на то, что коммунистическая партия в борьбе с меньшевиками активно привлекала ГПУ–ОГПУ. Это позволило полностью ликвидировать партию [6, с. 63] меньшевиков в конце 1920-х гг. В работе Г.Г. Касарова [7] была изучена деятельность партии меньшевиков во второй половине 1918 г. Автор пришел к выводу [7, с. 45], что положение партии меньшевиков укрепилось во второй половине 1918 г.

В исследовании применяется описательный, сравнительно-исторический и историко-системный методы, а также принцип историзма, объективности. Применение сравнительно-исторического метода позволило сопоставить взгляды донских меньшевиков до прихода к власти большевиков и после их победы в Гражданской войне. Историко-системный метод позволил выделить отдельные элементы объекта настоящего исследования.

Результаты исследования. Благодаря действиям инициативной группы (С.М. Касьяневский, П.В. Охлонин, С.В. Суслов) – бывших членов партии меньшевиков 16 ноября 1923 г. в Ростове-на-Дону было проведено собрание [8, л. 100], в котором приняло участие 11 бывших меньшевиков. Подавляющая часть присутствующих меньшевиков (9 человек) вступили в партию еще до Февральской революции, остальные стали её членами уже после неё. Руководителем собрания выступил донской меньшевик [8, л. 1] С.М. Касьяневский. Он вместе с другим меньшевиком С.В. Сусловым выступили перед собравшимися с докладами. В своих докладах представители инициативной группы обратили внимание на то, что к моменту проведения собрания многие меньшевики начинают массово покидать партию и вступают в ряды Российской коммунистической партии.

Докладчики обратили внимание на то, что оставшиеся члены партии не принимают участия в её деятельности. Члены инициативной группы в связи с создавшимся положением дел предложили собравшимся бывшим членам партии предать «движению организационную форму» [8, л. 1]. Собравшиеся высказали свои мысли по поводу сложившегося положения. Так, меньшевик П.В. Охлонин отметил, что в настоящий момент главной задачей является «ликвидация Донской организации» [8, л. 1]. Он заявил, что каждый меньшевик должен самостоятельно принять решение о возможном вступлении в ряды правящей Российской коммунистической партии. Другой член партии по фамилии Голицев обратил внимание собравшихся на то, что меньшевистская партия несмотря на наличие в прошлом «ценных заслуг» [8, л. 1] после Февральской революции заключила союз с буржуазией.

В связи с этим он поддержал идею об официальной ликвидации донского отделения меньшевиков. Секретарь собрания Суслов отметил, что не исключает того, что донские меньшевики могут коллективно вступить в ряды коммунистической партии. Стоит отметить, что собравшиеся бывшие меньшевики разделяли концепцию коммунистической партии о «предательской» роли партии в период революции и Гражданской войны, заключавшейся в том, что они предали рабочий класс и пошли на соглашение с буржуазными силами. Конечно, они могли выступать с подобными речами из-за того, что стремились избежать политических репрессий со стороны карательных органов советской власти, но при этом нельзя исключать и того, что они разочаровались в самой партии.

Результатом проведения собрания стало то, что собравшиеся бывшие донские меньшевики поддержали идею инициативной группы о ликвидации донского отделения партии. В рамках этого они решили создать в Ростове-на-Дону городскую конференцию, на которой бывшие меньшевики должны были принять официальную декларацию о скорейшей ликвидации донского отделения. Создание такой декларации было поручено избранному на собрание организационному Бюро, в состав которого вошло пять человек.

Через два дня, 18 ноября 1923 г. на втором собрании члены Бюро прочитали текст [9, л. 1] созданной декларации. Её текст был полностью одобрен собравшимися участниками. Текст декларации был опубликован [9, л. 1] членами инициативной группы в номере донской газеты «Трудовой Дон» за 20 ноября 1923 г.

После опубликования текста декларации в газете, инициативной группе по ликвидации донского отделения партии стали поступать письма [10, л. 18–43] от бывших членов партии, в котором они отмечали то, что они «разделяют декларацию инициативной группы» [10, л. 18] и готовы поставить под неё свою подпись. На собрании [8, л. 6], состоявшемся 9 декабря 1923 г., секретарь собрания Суслов подвел предварительные итоги работы Бюро. Суслов отметил, что Бюро получило обратную связь от бывших членов меньшевистской партии на Дону, которые разделяли идею по официальной ликвидации регионального отделения и подавшими заявления о своем присоединении к тексту декларации. Он заявил и о том, что донские меньшевики «отрицательно относятся» [8, л. 6] к вступлению за рубежом лидеров меньшевистской партии, а также то, что их письма к моменту проведения собрания были опубликованы на страницах газеты «Трудовой Дон». Собравшиеся признали работу Бюро «удовлетворительной» [8, л. 6] и поручили ему опубликовать на страницах региональных газет статьи, в которых бы раскрывались цели и задачи инициативной группы по ликвидации донского отделения партии меньшевиков. Помимо этого, для привлечения сторонников Бюро должно было провести собрания на ростовских и нахичеванских предприятиях, на которых работали бывшие члены партии меньшевиков.

Некоторые бывшие члены партии меньшевиков поддержали инициативу ликвидационного бюро, которое должно было официально ликвидировать движение на Дону. В рамках этого они заполнили выданные бюро регистрационные карточки, в которых ответили на ряд вопросов. В них бывшие члены партии, помимо своих личных данных и времени вступления в ряды меньшевиков, рассказали о том, что «казалось наиболее правильным в программе и тактике меньшевиков в 1917 г.» [9, л. 2] (речь шла о событиях между Февральской и Октябрьской революцией).

Другие два вопроса касались того, когда у бывших членов партии начался «перелом во взглядах» [9, л. 2], то есть, когда они стали сомневаться в проводимом партии курсе и в связи «с какими вопросами больше всего поколебались меньшевистские взгляды» [9, л. 2].

Фактически речь шла о тех или иных политических действиях партии. Другие вопросы касались проблемы выбора пути развития страны (путем установления демократии или диктатуры пролетариата), отношения к выходу Советской России из Первой мировой войны, Гражданской войны, к проводимой большевиками в период с 1918 по 1921 гг. политики «военного коммунизма», национального вопроса и интеллигенции. Последние два вопроса касались того, как бывшие меньшевики относятся к введению в Советской России Новой экономической политики и их отношения «к военной дисциплине партии коммунистов» [9, л. 2]. Конечно, необходимо отметить, что нельзя полностью доверять ответам бывших меньшевиков по причине того, что те могли из-за опасения политических репрессий со стороны карательных органов советской власти не показывать реального отношения к тому или иному вопросу.

На большинство вопросов бывшие члены партии меньшевиков дали однотипные ответы. В программе и тактике меньшевиков в 1917 г. членов партии привлекало «сотрудничество с буржуазными партиями» [9, л. 2] «всеобщее избирательное право и парламентская республика» [9, л. 7] «парламентский способ борьбы» [9, л. 8], поддержка идеи созыва Учредительного собрания и «неприятие гражданской войны» [9, л. 13], национализация промышленности и введение демократических свобод [9, л. 17]. Такие ответы свидетельствуют о том, что бывшие донские меньшевики полностью поддерживали курс партии, в рамках которого необходимо выполнить программу-минимум, то есть свергнуть монархию, установить демократическую республику, провести политические и социально-экономические реформы через созыв такого представительного органа как Учредительное собрание, а также создания коалиционного правительства, в состав которого могли войти представители правых партий. По этим вопросам меньшевики резко отличались от большевиков, которые были сторонниками выполнения программы-максимум. Она предусматривала установление диктатуры пролетариата и отказ от капитализма, то есть донские меньшевики до прихода к власти большевиков не выступали за проведение радикальных преобразований в различных сферах жизни российского общества, что показывают заполненные ими регистрационные карточки.

Бывшие члены партии дали разные ответы о том, когда они впервые усомнились в политическом курсе партии меньшевиков. У одних перелом во взглядах начался после прихода к власти большевиков [9, л. 16] и попыток установления советской власти на Дону в начале 1918 г., у других в период пребывания у власти на юге России генерала А.И. Деникина (1918–1919 гг.), а причиной стала политика «соглашательства» по отношению к «буржуазии», а также «клевета и критика» [9, л. 17] в адрес большевиков. В качестве другой причины колебаний называлась и «контр-революционная работа меньшевиков» [9, л. 10] в Финляндии, Венгрии и Германии, в которых попытка установления советской власти окончилась полным провалом, а также в Грузии [9, л. 8], где советская власть была установлена в 1921 г. У некоторых меньшевиков отказ от партийной идеологии произошел в 1920 г., то есть после фактической победы большевиков в Гражданской войне. Меньшевик П.В. Охлонин отмечал [9, л. 13], что перелом во взглядах начался в конце 1920 г., когда он увидел признаки к введению НЭПа, но при это он одобрял проведение политики «военного коммунизма», что показывает явные противоречия в его идеологических взглядах.

Большинство анкет бывших донских меньшевиков показывают, что они не были сторонниками установления в стране демократического строя. Они считали, что «социальные реформы» [9, л. 24] возможно провести лишь при установлении диктатуры пролетариата. Лишь один меньшевик [9, л. 23] выступал против её установления. К сожалению, он не написал в бланке о причинах, из-за которых он выступает против её установления. Фактически, большинство меньшевиков стали сторонниками большевистской идеологии, в рамках которой были невозможны никакие компромиссы с другими политическими силами, несмотря на то что ранее руководство партии выступало против установления диктатуры.

Бывшие члены меньшевистской партии отрицательно относились к Первой мировой войне. Анализ документов позволяет сделать вывод, что они поддерживали подписание советским правительством 3 марта 1918 г. Брестского мирного договора, который привел к выходу Советской России из Первой мировой войны, несмотря на колоссальные территориальные уступки. Также они верили, что в условиях, возникшими после прихода большевиков к власти, в стране неизбежно [9, л. 30] должна была начаться Гражданская война. Они считали, что только уничтожив своих противников в Гражданской войне, пролетариат сможет построить «лучшую жизнь» [9, л. 27]. Фактически, они поддерживали точку зрения В.И. Ленина, который считал, что в случае прихода рабочего класса к власти в стране неизбежно началась бы Гражданская война из-за действий бывших «эксплуататорских классов».

Отвечая на вопрос про свое отношение к проводимой большевиками политики «военного коммунизма», подавляющая часть меньшевиков одобряло её проведение. Они считали, что проведение большевиками данной политики в период Гражданской войны было необходимым и неизбежным для разгрома их политических противников. Лишь бывший меньшевик Л.А. Грачев в своей анкете ответил, что проведение политики «военного коммунизма» считал «не правильным шагом и тактикой» [9, л. 17]. Фактически, бывшие меньшевики поддерживали действия большевиков в период Гражданской войны, в рамках которых советские власти провели национализацию предприятий, забирали необходимые ресурсы из деревни через проведение продовольственной разверстки по причине того, что данная система показала свою эффективность и позволила тем разгромить своих политических противников.

Как сторонники пролетарского интернационализма, бывшие члены партии в регистрационных карточках отмечали, что поддерживают все действия коммунистической партии в решении национального вопроса. Как и большевики, меньшевики считали, что после свержения монархии в России необходимо снять все национальные

ограничения, существовавшие в позднимперской России. Они верили, что решение данного вопроса позволит усилить позиции рабочего класса и поможет свергнуть капиталистической строй в западных странах.

Бывшие меньшевики отрицательно относились к действиям русской интеллигенции в период революционных событий 1917 г. и во время Гражданской войны. Некоторые меньшевики признавали важную роль интеллигенции в «освободительном движении России» [9, л. 9], но при этом отмечали, что после Февральской революции она отказалась от радикальных действий и не встала во главе рабочего движения, так как не верила в установление в стране диктатуры пролетариата. Фактически, в документах меньшевики заявляли о «предательской» роли русской интеллигенции, которая, по их мнению, предала революционные идеалы и не желала передавать власть в руки рабочих. Аналогичную позицию занимали и большевики.

Положительно отнеслись бывшие меньшевики и к введению Новой экономической политики, но при этом они считали её «временным явлением» [9, л. 30]. Они верили, что проведение данной политики позволит восстановить государственную промышленность и выведет страну из тяжелого кризиса, возникшего после завершения Гражданской войны. При этом они считали НЭП переходным этапом от капитализма к социализму и не разделяли опасений некоторых большевистских партийных деятелей. Фактически, они поддерживали точку зрения руководителя Российской коммунистической партии большевиков и главы советского правительства В.И. Ленина, который был инициатором введения данной политики. Информация в регистрационных карточках позволяет сделать вывод о том, что бывшие меньшевики поддерживали жесткую дисциплину, установившейся в партии большевиков, в рамках которой несогласные с тем или иным решением коммунисты должны были подчиняться решениям большинства. При этом сильная «военная дисциплина» [9, л. 42] в партии большевиков, по мнению одного из меньшевиков, необходима для победы над «капиталистическими правительствами» [9, л. 42]. Конечно, меньшевики с большим дореволюционным стажем помнили о втором съезде российской социал-демократической рабочей партии в 1903 г., на котором произошел раскол партии на две фракции: большевиков и меньшевиков. Одной из причин раскола была проблема строгого централизма, против которого выступили меньшевики. Вполне возможно, что спустя время бывшие донские меньшевики признали то, что железная дисциплина, установившаяся у большевиков, привела к их победе, завоеванию политической власти и разгрому их противников в Гражданской войне.

Донские меньшевики в рамках работы по ликвидации движения в регионе смогли проделать большую работу. Их представители приняли участие в работе [10, л. 129] Донецкой губернской конференции бывших социал-демократов, которая проходила 12 января 1924 г. в Бахмуте, а с 1 по 3 февраля 1924 г. они участвовали в заседаниях Всеукраинского съезда бывших членов РСДРП меньшевиков. На нем его члены предоставили Юго-Востоку два места [10, л. 138] в будущем Всероссийском ликвидационном съезде. После его проведения руководители инициативной группы обратились [10, л. 10] к Юго-Восточному Бюро РКП(б) за разрешением для проведения краевой конференции бывших социал-демократов для выборов представителей для работы Всероссийского съезда, который должен был официально ликвидировать партию. Но столкнувшись с отказом Юго-Восточного бюро РКП(б) меньшевики стали понимать, что их работа подходит к своему концу. 18 мая 1924 г. они провели ликвидационное собрание [9, л. 48], на котором осудили действия руководства партии, находящегося за границей из-за того, что оно раскололо партию. В связи с «предательской» политикой руководства партии по отношению к рабочему классу собрание отняло у него право выступать от имени регионального отделения. Бывшим членам партии давалась рекомендация вступить в ряды коммунистической партии. При этом руководство коммунистической партии отказалось от проведения Всероссийского съезда для ликвидации партии меньшевиков. В связи с этим осенью 1924 г. по указанию ЦК РКП(б) все инициативные группы по ликвидации движения в регионах были ликвидированы.

Обсуждение и заключение. Таким образом, созданная в Ростове-на-Дону инициативная группа по ликвидации донской организации меньшевиков сумела наладить работу и привлечь в свои ряды бывших меньшевиков, которые полностью одобряли действия ликвидационного Бюро. Заполненные бывшими меньшевиками регистрационные карточки, несмотря на схожесть ответов, показывают изменение их идеологических взглядов в период с 1917 по 1923 гг. Их анализ позволяет сделать вывод о том, что до прихода большевиков к власти в октябре 1917 г. меньшевики полностью поддерживали курс руководства партии, который заключался в выполнении программы-минимум (установление демократической республики и проведение ряда социальных преобразований). Этим они отличались от большевиков, которые были сторонниками выполнения программы-максимум, то есть установления диктатуры пролетариата и отказа от компромиссов с другими политическими силами.

Но после прихода к власти большевиков и их победы в Гражданской войне происходит изменение идеологических взглядов членов меньшевистской партии. Анализ документов показывает, что уже бывшие меньшевики в условиях начавшихся политических репрессий в отношении партии со стороны советских властей стали подвергать критике действия руководства. Конечно, бывшие меньшевики для избежания политических репрессий могли написать ложные сведения в регистрационных карточках или у них за прошедшее время могли действительно изменения идеологические взгляды. Бывшие меньшевики практически полностью поддерживали проводимые политические преобразования коммунистической партии в период с 1918 по 1921 гг., которые резко противоречили разделяемым ими ранее идеологических взглядов. Несмотря на это, руководство Юго-Восточного Бюро РКП(б) запретило бывшим меньшевикам проводить краевую конференцию бывших социал-демократов для выборов представителей для работы Всероссийского съезда, который должен был официально ликвидировать партию меньшевиков на территории страны, а сама инициативная группа не смогла полностью выполнить поставленные цели.

Список литературы / References

1. Аганов А.А. Ликвидация донской организации меньшевиков (по архивным материалам). *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки.* 2025;1:12–16. <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-1-12-16>
Aganov A.A. Liquidation of the Don Menshevik Organization (Based on Archival Materials). *Bulletin of higher educational institutions. North Caucasus region. Social science.* 2025;1:12–16. (In Russ.) <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2025-1-12-16>
2. Васьков М.А. *Меньшевики на Дону: 1903–1914 гг.* Дис. канд. ист. наук. Ростов-на-Дону; 2005. 211 с.
Vaskov M.A. *The Mensheviks on the Don: 1903–1914.* Ph.D. thesis in History. Rostov-on-Don; 2005. 211 p. (In Russ.)
3. Шукина Т.В. *Меньшевицкие организации Области войска Донского: 1914 – декабрь 1917 гг.* Дис. канд. ист. наук. Ростов-на-Дону; 2005. 233 с.
Shchukina T.V. *Menshevik Organizations in the Don Army District: 1914–December 1917.* Ph.D. thesis in History. Rostov-on-Don; 2005. 233 p. (In Russ.)
4. Шукина Т.В., Воскобойников С.Г. Характеристика партийной тактики донских меньшевиков в условиях Первой мировой войны: по материалам центральных и региональных архивов. *Современные проблемы науки и образования.* 2015;1. URL: www.science-education.ru/121-18758/ (дата обращения: 01.05.2025).
Shchukina T.V., Voskoboynikov S.G. The characteristic of party tactics Don Mensheviks in conditions of the first world war: on materials of the central and regional archives. *Modern problems of science and education.* 2015;1. (In Russ.) URL: www.science-education.ru/121-18758/ (accessed: 01.05.2025).
5. Рязанцева Е.А. Саратовская организация меньшевистской партии в 1922–1924 годах: от подполья к самоликвидации. *Информационная безопасность регионов.* 2010; 2:40–44.
Ryazantseva E.A. The Saratov organization of Menshevik party in 1922–1924: from the underground to the self-destruction. *Information security of the regions.* 2010; 2:40–44 (In Russ.)
6. Боева Л.А. Ликвидация партий социалистов органами ГПУ–ОГПУ в годы нэпа. *Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки».* 2009;2:51–63.
Boeva L.A. Liquidation of socialist parties by GPU–OGPU in the years of NEP. *MCU Journal of Historical Studies.* 2009;2:51–63. (In Russ.)
7. Касаров Г.Г. Меньшевики в условиях иностранной интервенции и Гражданской войны в России во второй половине 1918 года. *Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки».* 2015;19(3):34–45.
Kasarov G.G. Mensheviks in the conditions of the foreign intervention and Russian civil war in the second half of 1918. *MCU Journal of Historical Studies.* 2015;19(3):34–45. (In Russ.)
8. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 307.
Center for Documentation of Contemporary History of the Rostov Region. F. R-12. File 1. Folder 307. (In Russ.)
9. ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 309.
Center for Documentation of Contemporary History of the Rostov Region. F. 12. File 1. Folder 309. (In Russ.)
10. ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 310.
Center for Documentation of Contemporary History of the Rostov Region. F. 12. File 1. Folder 310. (In Russ.)

Об авторах:

Аганов Андрей Анатольевич, кандидат исторических наук, преподаватель кафедры «Документоведение и языковая коммуникация», Донской государственной технической университет (Российская Федерация, 344003, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [ORCID](https://orcid.org/), [SPIN-код, aganoff.a@yandex.ru](mailto:aganoff.a@yandex.ru)

Елдинов Олег Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Документоведение и языковая коммуникация», Донской государственной технической университет (Российская Федерация, 344003, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [ORCID](https://orcid.org/), [SPIN-код, olegeldinov@yandex.ru](mailto:olegeldinov@yandex.ru)

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Aganov Andrey Anatolyevich, Cand. Sci. (History), Lecturer at the Department of Document Science and Language Communication, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., 344003, Rostov-on-Don, Russian Federation), [ORCID](https://orcid.org/), [SPIN-code, aganoff.a@yandex.ru](mailto:aganoff.a@yandex.ru)

Eldinov Oleg Aleksandrovich, Cand. Sci. (History), Associate Professor, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [ORCID](https://orcid.org/), [SPIN-code, olegeldinov@yandex.ru](mailto:olegeldinov@yandex.ru)

Conflict of Interest Statement: the authors declare no conflict of interest.

All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 20.12.2025

Поступила после рецензирования / Reviewed 08.01.2026

Принята к публикации / Accepted 12.01.2026